

И.А. АТАДЖАНЫАН

**ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
С X ПО XVIII ВЕКА**

**ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Я. БРЮСОВА**

И.А. АТАДЖАНЫ

**ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
С X ПО XVIII ВЕКА**

**Ереван
Лингва
2006**

УДК 891.981.0 (091) : 882.0 (091) : 93/99

ББК 83.3Ар г + 83.6Р г + 63

А 920

Печатается по решению Ученого
совета ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова.

Редактор – доктор филологических наук,
профессор *Е.А.Алексян*

Рецензент – доцент кафедры русской литературы ЕГУ,
кандидат филологических наук *М.К.Айвазян*

А 920 *Атаджанян И.А.*

«Из истории русско-армянских взаимоотноше-
ний с X по XVIII века». Ер. «Лингва», 2006. Стр.
153.

В книге раскрыты основные факты русско-армянских взаимоотношений с X по XVIII века. Особое внимание уделено литературным взаимоотношениям древнего периода. Особый акцент сделан на проблеме литературной типологии на примере житийного памятника Древней Руси «Сказания о Борисе и Глебе» и армянского извода «Патмутюн србоц Давти ев Романоси».

Книга рассчитана на филологов и широкий круг читателей.

А $\frac{4603010000}{0134(01)2006}$ 2006 г.

ББК 83.3 Ар г + 83.6Р г + 63

ISBN N 99930-79-38-3

© Лингва

© Атаджанян И.А.

ОТ РЕДАКТОРА

В книге Атаджанян И.А. «Из истории русско-армянских связей X-XVIII веков» сведены воедино интереснейшие, а также уникальные сведения о взаимодействии русской и армянской культур, литератур и других отношений, начиная с X века.

Проливая свет на самые разные стороны их общений, с опорой на выверенные достоверные факты, извлеченные из летописи и манускриптов, автор сосредотачивает внимание на проблеме литературной типологии, связанной с житийной литературой (в частности со «Сказанием о Борисе и Глебе»).

Книга рассчитана на филологов и широкий круг читателей.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

«История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего».¹

История мирит читателя с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во все века; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные явления, бывали еще более ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает благо и согласие общества.

История армянского народа одушевлена всеми качествами, изложенными выше.

В истории армянского народа особое место занимают армянские поселения, разбросанные по разным странам света. Армянское расселение – уникальное явление истории. Среди народов мира мало кому удавалось проявить в условиях массового переселения в целях самосохранения, такое умение проникать в жизнь далеких стран, проводить там широкую экономическую и культурную деятельность и при этом, что самое главное, сохранять и развивать в новых условиях свою национальную самобытность и оригинальную культуру.

Вопрос истории армянских поселений начал интересовать ученых еще в XVII веке. В последующие времена также ученые старались ответить на вопрос о времени появления армянских колоний на территории Руси. Как например, историк XVII века Пиду (Луи-Мари Пиду де Сент-Олон), монах-театинец, парижанин по происхождению, первый высказал развернутую мысль о том, что армянские поселения появились в Крыму, а затем и на территории Руси, в XI веке, после падения города Ани в 1065 году.

На протяжении XVIII-XIX вв. были заложены основы научного исследования прошлого армянских поселений. В результате исследований этого периода были установлены основные факты из истории армянских колоний, был собран обширный документальный материал, особенно по истории больших коло-

¹ Карамзин Н.М. Предания веков. М. 1989. С. 31.

ний во Львове и Каменец-Подольске. Инициатива исследований исходила от самих армян-колонистов (Степанос Росика, И.Ф.Юзефович, И.Э.Минасович, М.Бжишкян и др.), из среды которых и вышел известный историк второй половины XIX века Садок Баронч (Викентий Феррарий Баронч 1814-1892гг.)

Историографии XVIII-XIX вв. в своем развитии пришлось сталкиваться с определенными трудностями, которые сказались на разработке проблем: во-первых, отсутствие связей между научными центрами; во-вторых, многие источники, документы, в силу исторических обстоятельств разбросанные на огромном пространстве, оказывались вне поля зрения исследователей; в-третьих, многие армянские источники были недоступны исследователям из-за своего языка. Сказалась также неравномерность сохранности документов, как по колониям, так и по векам. Наиболее детально исследованными оказались XVII-XVIII века, т.е. период наиболее богато представленный архивными материалами.

Несомненно, самым существенным недостатком исторических работ этого периода явилось отсутствие правильной методологической базы. Историки уделяли мало внимания вопросам социально-экономического и культурного порядка, иногда пытались представить историю армянских поселений лишь как историю армянской церкви. Несколько исторических отрывков, переведенных с армянского на русский, несколько исторических опытов далеки были от того, чтобы дать какое-то понятие о народе, занимавшем первое место среди просвещенных народов древности. Этот ощутительный недостаток предотвратил Сергей Николаевич Глинка, который, пользуясь историческими материалами, предоставленными ему начальством Армянского Лазаревского института, равно и из собранных им сведений, составил «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи» – в двух частях. Книга была издана в Москве в 1832-1833 годах.

В XIX веке были сделаны первые попытки собрать воедино документы, освещающие историю армянских колоний – «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (Москва 1833-1838 гг.). Но в этом сборнике нет указаний на первоисточники тех фактов, которые приводятся, осо-

бенно фактов, относящихся к истории первоначальных сношений армянского народа с Российским государством, а просто указывается: «...краткое историческое описание древнего армянского государства, составленное из разных летописей», без ссылки на конкретные летописи.

В конце века, в 1898 году, был издан сборник К.Езяна «Сношения Петра Великого с армянским народом». В сборник вошли документы, относящиеся ко времени царствования Петра Великого и после него до 1736 года. В этом сборнике чувствуется желание автора показать «милосердие» русских царей по отношению к армянам и именно с этой точки зрения произведен подбор фактов и материалов.

Вышеуказанные источники крайне неполно освещают древнейшие русско-армянские отношения. Освещаются не отношения, а отдельные моменты и отдельные факты, из которых невозможно создать целостную и полную картину. Иногда факты сообщаются по армянским источникам сравнительно позднего времени без ссылок на документы и не всегда есть возможность отделить в этих источниках вымысел от более или менее достоверного материала.

На иной, глубоко научной основе, проводятся исследования XX века. Ученые стараются дать не просто историю колоний, а раскрыть историю взаимоотношений народов.

В 1901 году на первом заседании Кавказского отдела Императорского Московского Археологического общества А.Д.Ерицовым был прочитан доклад на тему: «Первоначальное знакомство армян с северо-восточной Русью до воцарения Дома Романовых в 1613 году»². А.Д.Ерицов останавливается на культурных, церковных и торговых взаимоотношениях. Свое исследование Ерицов строит на более или менее конкретном материале. Отмечает сходство армянских и русских церквей (Хутынская церковь – церкви в Ани и Санаине), отмечает, что в «Иконописных подлинниках» новгородской редакции XVI века дается наставление как писать икону Григория Просветителя. Указывает на признаки раннего влияния кавказского (грузинского и армянского) христианства на духовную жизнь и культуру Древ-

² См.: Кавказский Вестник. Тифлис. 1901. № 12. С. 49-59.

ней Руси. Он высказывает мысль, что христианство проходило в северо-восточную Русь, может быть, не из одного Киева, а через грузинскую и армянскую церкви по торговым путям Волги, еще до принятия христианства князем Владимиром³. Ерицов впервые обращает внимание на связь армян с волжскими булгарами, где в XI-XV вв. уже процветала армянская торговая колония, имевшая свою церковь и духовенство и пользовавшаяся полной свободой вероисповедания. А.Д.Ерицов в своей работе касается вопроса о литературных взаимоотношениях армян и русских в древний период. В работе мало фактического и документального материала.

Об армянских колониях в юго-западной Руси пишет Е.Кирион в своей книге «Колонизация армян в юго-западной России»⁴. Кирион приводит некоторые сведения из жизни армянского народа, в частности, о том, как в 1009 году армяне были призваны русскими князьями в Киев для оказания помощи в войне с Болеславом Храбрым; об участии армян в борьбе с удельными князьями и половцами; а в 1280 году армяне были в рядах ополчения Галицкого князя Льва Даниловича для борьбы с соседними племенами⁵. Работа Кириона – фактически собрание некоторых фактов, освещающих историю русско-армянских отношений в древний период, без научного анализа этих фактов.

Свидетельство об армянской колонии в Крыму читаем у Кулаковского, который отмечает, что армянская колония в Крыму была еще до нашествия монголов, об этом свидетельствуют надписи на церквях, монастырях, кладбищах, надгробных камнях, которые относятся к началу XI века⁶.

У некоторых исследователей встречаем сообщение о том, что армяне и русские сталкивались на византийской территории, где они подчас выступали вместе против общего врага⁷, а также в Азии, в Сицилии, на острове Крит.

³ Указ. соч. С. 51-52.

⁴ Кирион Е. Колонизация армян в юго-западной России. Каменец-Подольск. 1903.

⁵ Указ. соч. С. 1-2.

⁶ См.: Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев. 1914. С. 112.

⁷ См.: Васильев А.Я. Византия и арабы. СПб. 1902. С. 867-869.

Бывший Константинопольский патриарх Малахия Орманиани в своей работе «Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее»⁸, говоря о принятии христианства армянами, об армянской культуре и литературе, останавливается на таком факте из истории армянского народа, как вынужденное переселение армян в чужие страны, в числе которых указывает и Россию. Он указывает на то обстоятельство, что армяне, где бы они ни бывали, в высшей степени способствовали процветанию данного государства, принимали активное участие в культурной жизни страны, в частности, способствовали процветанию архитектуры.

Об участии армян в архитектурном деле России говорит и Успенский, который отмечает: «Предполагать, в данном случае (имеется в виду постройка церкви Спаса нередицы в Новгороде – И.А.), какую-либо русскую самостоятельность или своеобразность, выразившуюся в Нередицкой росписи, считаем неуместным потому, что вообще такого рода самостоятельности при исполнении фресок с готовых шаблонов, как то имело место в древности, исключается за редкими исключениями».

В указанных работах нет еще научного раскрытия русско-армянских отношений древнего периода, но в отличие от работ XVII-XIX вв. здесь больше фактического материала, больше точности и документальности. Большим недостатком следует считать то, что столь важная проблема, как взаимоотношения народов, их дружественные связи, не нашли соответствующего отражения в исторической литературе.

Большую ценность представляют сведения о прошлом армянских колоний на территории нынешней Украины, собранные мхитаристом-архимандритом Минасом Бжишкяном, известным в европейской литературе под именем Мина Медици. Сведения эти собраны во время его поездки по Украине и Польше в 20-х годах XIX века, которые подробно изложены в отчете, изданном в Венеции в 1830 году под заглавием: «Путешествие в Польшу и

⁸ Малахия Орманиан. Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. М. 1913. (перевод с французского)

другие страны, где проживают армяне, происходящие от жителей древнего города Ани».

В 1781 году посетил Украину известный армянский политический и культурный деятель второй половины XVIII века Иосиф Аргутинский, оставивший в первом томе своих мемуаров путевые очерки за 1773 – 1789 годы, в которых автор именует себя «верховным нунцием Эчмиадзинского Святого престола, предстоятелем всех армян страны Российской и основателем Ново-Нахичевани, владыкой и архиепископом Иосифом Сананинцем Аргутяном, учеником блаженной памяти святейшего патриарха всех армян, владыки Симеона Ереванца»⁹. Иосиф Аргутинский в своих «Путевых очерках» дает описание достопримечательных исторических мест Киево-Печерской Лавры, Успенского собора, Софийского Кафедрального митрополичьего собора с его фресками.

Для исследования историй армянских поселений в западных областях Украины богатое научное наследие оставил историк второй половины XIX века из Западной Украины Садок Баронч. Садок Баронч (Викентий Феррерий Баронч) – выходец из бедной армянской семьи из Станислава, в своих монографиях поставил смелую задачу – написать историю армян на Украине и Польше. С этой целью он просмотрел архив львовского магистрата, львовский сословный архив, библиотеку и архив армянского католического архиепископства во Львове. В своих работах Баронч главное внимание обращал на архивные фонды. Он принадлежит к числу первых, немногочисленных в то время, историков, которые начали использовать малодоступные материалы. Его перу принадлежат две большие работы: «Биография выдающихся армян в Польше» (1852) и «Очерк армянской истории» (1869). Работы Баронча, ценные своими разнообразными материалами, не лишены некоторых недостатков. В его работах сказались позиции представителя дворянско-клерикальной историографии. Классовые позиции историка отразились не только в подборе фактов, но и в их освещении. Вопросы экономической и культурной жизни разрешаются в тесной зависимости от церковной истории.

⁹ Архив армянской истории. Т. 9. Тифлис. 1911. С. 1-2

В украинской историографии XIX века наиболее видным исследователем прошлого армянских колоний явился крупный историк и археолог Исидор Иванович Шараневич (1829 – 1901). Шараневич считал, что армяне появились во Львове вскоре после его основания, занимались торговлей, служили в охране князя и уже в это время принимали участие в управлении городом. В работе «История Галицко – Володимирьской Руси вид найдавшишних до року 1453» (Львив. 1863) Шараневич отметил, что в XIII – XIV веках на Западной Украине существовало значительное количество армянских колоний, раз во второй половине XIV века уже возникла необходимость учредить во Львове армянское епископство. Шараневич показал также, что на протяжении XI – XVIII веков в тех или иных областях Киевской Руси, в силу определенных политических факторов, возникали армянские колонии. Шараневичу принадлежит также гипотеза относительно того, что первая львовская церковь, которая находилась в пределах городских стен древнего княжьего города XIII – XIV веков – была армянской¹⁰.

Много места уделено армянам в докторской диссертации профессора Одесского университета Линиченко И.А. Он дал определение места армян в общественно-политической жизни Украины. Линиченко, основываясь на материалах, опубликованных историком Лозинским (1843 – 1913), замечал: «В Южной Руси и Польше до того привыкли видеть армян в исключительной роли торговцев восточными товарами, что целый ряд подобных восточных продуктов носил прямо название «армянского товара»¹¹.

На протяжении XVIII – XIX веков были заложены основы научного исследования прошлого армянских колоний. Во второй половине XIX века в исследование включились украинские, русские, польские, немецкие историки. В результате исследований XVIII – XIX веков были установлены основные

¹⁰ См.: Шараневич И.И. Ставропичийска церков во Львови. // Временник института Ставропичийского. Т. 12. Львов. 1875. С.136-137.

¹¹ Линиченко И.А. Общественная роль армян в прошлом на Западной Руси. // Чтение в историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. 1. Киев. 1895. С. 1-10.

факты из истории армянских колоний, был собран большой документальный материал, особенно по истории колоний во Львове и Каменец-Подольском.

Исторические исследования начала XX века привели к заполнению некоторых пробелов, к выдвиганию и разработке новых проблем по истории армянских колоний. Работа, начатая в начале века, была успешно продолжена советскими учеными. Первую попытку издания документов, раскрывающих армяно-русские отношения, сделал действительный член АН Армянской ССР А.Г.Ованисян, который в 1921 году в своей книге «Задача возникновения русско-армянской ориентации» опубликовал несколько ценных документов.

В 1953 году был издан сборник «Армяно-русские отношения XVII века» группой историков под редакцией профессора В.А.Парсамяна. В том же году была издана книга «Одна страница из истории взаимоотношений народов Закавказья и армяно-русских», в которой опубликовано 79 документов.

Большой интерес представляют также следующие работы: трехтомная «Армянская история» Лео /1941/; «Из истории русско-армянских отношений» М.Нерсисян /1956/; книги А. Р. Ованисяна «Иосиф Эмин» /1945/ и «Россия и армянское освободительное движение в 80-ых годах XVIII столетия» /1947/»; «Древняя Русь и армяне» Меликсет-Бека /1946/. Изв. АН Арм ССР. № 1/; «Русско-армянские отношения в XVII веке» В.К.Восканяна /Изв. АН Арм ССР. № 1 /; «Вековая дружба русского и армянского народов» /1960/ З.Т.Григоряна; «Из истории русско-армянских культурных связей X – XVII вв.» /ТОДРЛ.Т.9.Л.1953/ К.Н.Григоряна.

Большим достижением в исследовании исторических связей явилась первая научная сессия Института истории АН АрмССР, Института истории АН Украинской ССР, Института общественных наук АН Украинской ССР и Матенадарана /Научно-исследовательского института древних рукописей имени Месропа Маштоца/, проведенная в Ереване в октябре 1959г. В 1962 г. сессия проводилась в Киеве и Львове. Материалы этих сессий были опубликованы в сборниках: «Исторические связи и дружба армянского и украинского народов» /Изд. АНАССР.

Ереван 1961/, «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов»/ Изд. «Наукова Думка». Киев.1965./.

В последние годы изданы работы, которыми восполнены пробелы, оставленные историками прошлого, сами работы проведены на иной, глубоко научной основе. В этом отношении особый интерес представляет работа К.Н.Григорьяна «Из истории русско-армянских отношений /X- начало XX вв.» /1974/. В этой книге, дав характеристику историческим предпосылкам начального периода образования русско-армянских культурных связей и их отражение в памятниках письменности 10-17 веков, Григорьян анализирует печатные источники 18 века, свидетельствующие о дальнейшем укреплении общекультурных связей между народами. Третья и четвертая части книги охватывают 19 и начало 20 века – период, богатый фактами литературного общения. В работе впервые дана история Петербургской армянской колонии, сыгравшей значительную роль в жизни армянского народа. Из новейших работ по изучению древнего периода русско-армянских литературных связей заслуживает внимания статья Н.Н.Розова, в которой, на основе текстологических изысканий, с использованием материалов из архива известного русского ученого-филолога академика Н.К.Никольского, ставится вопрос о возможном отражении творчества одного из первых русских писателей митрополита Иллариона, жившего в середине XI века, в догматическом сочинении Нерсеса Шнорали /1102-1172/ «Изложение веры» /Вестник Ереванского университета. №2 1970.С.197-203. В 1976 году в Ереване была издана книга Айвазяна К.В. «История Тарона и армянская литература 4-5 вв.»

Большую роль в вопросе освещения русско-армянских литературных и культурных взаимоотношений в период средневековья сыграли конференции, проводимые совместно Сектором древнерусской литературы Пушкинского Дома и Ереванским государственным университетом: «Три дня древнерусской литературы в Ереване» /1979/ и «Три дня древнеармянской литературы в Ленинграде» /1980/. Это была попытка ознакомления двух городов с тем, что делается в области изучения древнерусской и древнеармянской литератур, в области их взаимоотношений. Эти конференции более четко выявили близость этих литератур, их гуманизм, различия в развитии, эстетические убежде-

ния писателей, тот творческий процесс, который логично привел как на Руси, так и в Армении к Новой литературе, к литературе XVIII века. Статьи первого сборника посвящены позициям армянских и русских писателей, эстетическим убеждениям, общим жанрам: нравописательным (басни), историческим (хроники), общим по происхождению произведениям (Александрия) и отдельным сюжетам (например, о мудрой деве). В статьях выявляются и те различия, которые имелись в средневековых литературах Армении и Руси. Статья Айвазяна К.В. «Культе Григория Армянского, «армянская вера» и «армянская ересь» в Новгороде (13-16 вв.)» посвящена интересной и спорной теме о существовании в Новгороде культа Григория просветителя, и внутренней связи с ересью стригольников, влиянию на последнюю учения армян-павликиан. Но, конечно, сборник этот не исчерпывает всех тем взаимного обмена опытом. Как отмечает Лихачев Д.С., такой опыт можно продолжить в сфере текстологического изучения, в сфере кадикологии, филиграноведения и других специальных дисциплин; можно расширить изучение богословских и философских текстов по содержанию и по построению, изучение судеб гуманистических идей (см.: Предисловие Д.С.Лихачева к сборнику «Русско-армянские средневековые литературы». Л. 1982). Второй сборник продолжает и значительно расширяет тематику первого. Все большее и большее количество средневековых жанров охвачено в статьях второго сборника. Это и житийная литература, и летописание, и гимнография, нравоучительные сборники, дидактические поэмы, путевые заметки. Здесь затрагиваются и вопросы переводов (статьи Л.А.Тер-Петросяна и Л.А.Дмитриева), рассматриваются взгляды отдельных авторов.

Характер статей этих сборников способствует выявлению национального своеобразия как армянской, так и русской литератур, а также способствует обогащению методик изучения средневековых литератур. Статьи этих сборников построены на правильной методологической основе, изучение поставленных проблем ведется на текстологической основе, с использованием первоисточников, архивных материалов.

Следует отметить, что сборники снабжены библиографическим материалом, дающим возможность русскому читателю

ознакомиться с армянскими литературоведческими исследованиями.

Но даже эти конференции еще не исчерпывают проблем, которые встают перед исследователями при обращении к вопросу о взаимоотношениях этих двух культур и литератур. Изучая эти две культуры и литературы, необходимо помнить, что в них больше различий, чем сходств, что является свидетельством национального своеобразия. Это своеобразие сказывается и в различии традиционных жанров двух литератур, литератур одной и той же формации, одной и той же христианской религии.

Ценные материалы по связям даны в сборниках, издаваемых Ереванским государственным университетом – «Русско-армянские литературные связи /Т.1.Ереван.1973; Т.2. Ереван. 1977; Т. 3. Ереван 1981/. В 2003 году была издана книга К.В.Айвазяна «Армения и Русь (XI – XVI века)». Исследования и материалы, помещенные в этих сборниках, вводят в научный обиход и разносторонне освещают ряд примечательных явлений и фактов, отражающих историю армяно-русских культурных контактов и литературных связей. Наряду со статьями, раскрывающими эти взаимосвязи XVII и XX веков, есть статьи, которые освещают разные стороны русско-армянских отношений древнего периода.

Подводя итог, можно отметить, что авторы названных работ использовали в своих статьях и книгах архивные материалы, в той или иной степени обратились к истории армянских поселений в России. Следует отметить, что внимание авторов в основном обращено к вопросу отношений, а не истории колоний. Существенных разногласий в этих работах не замечается. Нескольким спорным является только вопрос времени первого поселения армян на территории России. Почти все авторы в основном раскрывают историю армяно-русских отношений, начиная с XV века, особенно XVII-XVIII вв., так как архивных материалов по этому периоду значительно больше.

Хуже всего представлен период с X по XIV век включительно, в основном обзорно, что объясняется, видимо, отсутствием архивных материалов, те же материалы, которые дошли до нас, отрывочные, туманные. Но, даже имея в нашем распоряже-

нии отрывочные сведения, не трудно установить, что армяно-русские отношения возникли еще в далеком прошлом на началах взаимной дружбы и понимания, что дружба эта имеет глубокие исторические корни, она зарождалась и развивалась в многовековой борьбе за освобождение от социального и национального гнета.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА АРМЯНСКОГО НАРОДА

На полях выцветших пергаментов древних рукописей часто можно прочесть записи древнеармянских писцов:

*«Рука моя станет землей,
Книга останется как память».*

Прошли века с того времени, когда были написаны эти строки. Рука, написавшая их, давно уже превратилась в прах, а рукописи живут и будут жить века и способствовать раскрытию истории прошлого. Именно благодаря этим сохранившимся записям древних писцов, мы сегодня можем говорить о русско-армянских культурных связях и литературных отношениях в древние времена.

Историческая родина армянского народа находилась почти в центре Передней Азии на территории, изрезанной ущельями и отрогами гор. Географическое положение и историческая судьба поставили Армению на перекрестке торговой магистрали, ведущей с Востока на Запад. Вокруг великого караванного пути вырастали цветущие города. Но благоприятное территориальное расположение таило в себе страшную опасность: Армения становилась ареной завоеваний и нашествий.

Начиная с IV века, Византия всячески старалась привлечь армян на свою сторону, создавать такие условия, которые способствовали бы ослаблению страны. Постепенно это принимало все более угрожающие размеры, если учесть то обстоятельство, что внутри самой страны происходила междоусобная борьба, страна раздроблялась на отдельные феодальные владения, каждое со своими местными экономическими и политическими интересами. Раздробленность внутри страны приводила к тому, что Армения не могла противостоять натиску Византии, а затем и сельджуков. Учитывая междоусобицу, Византия хотела предательски занять столицу Ани. О жестокостях византийских войск во время осады Ани говорит историк XI века Аристакес Ластиверци¹²: «Когда природу обдумываю, душа лишается рассудка и мысли мои столбенеют, и дрожит рука от чрезмерных ужасов, и

¹² Аристакес Ластиверци – армянский историк XI века, подробно и ярко описал период падения царства армянских Багратидов и ужасы нашествий турок-сельджуков.

я не в силах двинуть вперед линию строки, так как горестно излагаемая мною история достойна непрерывных оплакиваний»¹³.

В 1045 году Ани со всем Ширакским царством был присоединен к Византии. Вслед за землями анийских Баградитов, Византия захватила обширные владения феодального дома Пахлавуни. Так территория Армении была захвачена Византийской империей. Создавшееся в большей части Армении положение ярко характеризуют слова Аристакеса Ластиверци: «Конница без хозяина; кто переселился в Персию, кто в Грузию. Царские дворцы в руинах, безлюдны. Густо населенная страна опустела, нет обитателей. Ни кликов радости не слышно на сборах винограда, в садах ни привета с добрым пожеланием попиравших в давилях виноград»¹⁴.

Уже с IV века многочисленные армянские поселения покидали родную землю и уходили в Византию. И этот поток армянских беженцев беспрерывно тянулся вплоть до XVII века.

Завоевание армянских земель Византией было лишь частью суровых испытаний, выпавших в ту пору на долю армянского народа. Армении угрожал новый и еще более жестокий враг – турки-сельджуки. Завоевание сельджуками Армении было облегчено восточной политикой Византии. Армянский народ, попавший под власть алчной имперской администрации, в нужный момент не смог оказать серьезного сопротивления сельджукам. Первое нашествие сельджуков произошло в 1054 году, когда ими был разгромлен город Карс.

«Осквернили и разорили страну нашу, – говорит Аристакес Ластиверци, – не один раз, а трижды. Каждый раз они возвращались в те же места, пока не лишилась вся страна жителей и не замолк рев скота»¹⁵.

Кроме того, не территории Армении сводили свои счета все его миродержавные соседи – Парфия с Римом, Византия с Персией. Все это приводило к тому, что ни честь, ни жизнь, ни имущество армянина не были гарантированы от насилий ино-

¹³ Аристакес Ластиверци. История Армении. Древне-армянский текст. Тифлис. 1912. С. 55-56.

¹⁴ Указ. Сочинение. С. 53.

¹⁵ Указ. соч. С. 93-94.

земных завоевателей. Не в силах выдержать бремя унижительного произвола, жители целых сел и областей снимались с родных мест и уходили в вынужденное изгнание.

Переселение армян с течением времени принимало все большие и большие размеры. Особенно крупные переселения армян происходили во времена покорения Анийского царства византийцами (середина XI века), разорения Армении монгольскими ордами (середина XIII века). Постепенно армяне стали переселяться не только в Византию, но и в другие страны. Армянский народ стремился найти могущественного защитника и покровителя. И в тяжелый для себя момент армяне с доверием и надеждой устремили свои взоры на север, на ближайшего и единоверного соседа, с которым никогда на поле брани не скрещивали оружия – на Русь. Но ошибочно было бы считать, что знакомство армян с русскими началось именно с переселения армян на Русь, которое приняло массовый характер во второй половине XI века после падения Анийского (Баградитского) царства.

Знакомство армян с северо-восточными землями Руси и с Поволжьем в особенности можно отнести к тем отдаленным временам, когда передвигавшиеся по широким степям этих стран орды диких племен различных наименований простирали свои набеги и в глубь Армении, откуда возвращались с добычей и тысячами пленных. Данные истории свидетельствуют, что армяно-русские отношения первоначально носили эпизодический характер. Причиной тому явилось отсутствие политико-экономических отношений и значительная отдаленность Армении от земель славянских племен. Это же, в свою очередь, было причиной первоначального общения армян с русскими не на родине армян или русских, а на территории сопредельных с ними государств. Одним из таких государств была Византия. Несмотря на огромное по тому времени расстояние, представители Армении и Руси еще в VII-VIII веках встречались на земле Византии. К этому времени в Византии было очень много армян, которые переселялись туда, начиная с IV века. Как указывают историки, армяне по своей численности занимали второе место после греков. Армяне, волею судеб покинувшие свою страну и переселившиеся в Византию, сыграли большую роль в

культурной и политической жизни Восточной империи. В период с 867 по 1025 год в Византии было более чем 30 армян-императоров. Говоря об этом периоде в истории византийских правителей, немецкий историк Гельцер отмечает, что армяне византийскому престолу дали таких императоров, период правления которых считается самым блестящим и цветущим периодом в истории Византии¹⁶. Кроме того, в Византии в то время было более, чем 100 армян-полководцев и в византийской армии действовали армянские легионы.

Немаловажную роль в жизни страны сыграли также торговцы и мастера. Естественно, если армяне сыграли такую важную роль в жизни Восточной империи и были так многочисленны, то они не могли не столкнуться с русскими на территории Византии. Как раз в этот период, с середины IX столетия, Византия вступила в сношения с Русью. Начиная с X века, взаимоотношения армян с русскими получили более систематический характер. Этому способствовала благоприятно сложившаяся политическая обстановка: на рубеже IX-X веков произошло возрождение Анийского царства, которое принимало активное участие в международной торговле. Участие в торговле способствовало развитию культурной связи армян с арабским халифатом, Византийской империей и странами передней Азии, с Приволжскими областями и Киевской Русью.

К концу XIII века Русь стала заветной страной, куда устремились многие армяне. Эмиграция усиливается в XIII-XIV века, когда в Армении создались невыносимые условия в результате произвола, насилия и жестокостей поработителей-татар. Говоря об этом периоде, Карамзин М.Н., ссылаясь на записки Иосифа Аргутинского-Долгорукого, сообщает: «Татары, завоевав Армению в 1262 году, перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую и Казанскую губернию, некоторые из них ушли в Тавриду и поселились отчасти в Кафе, отчасти в Старом Крыму и близ Судака»¹⁷.

¹⁶ См.: Гельцер Г. История Византийских императоров. Перевод с немецкого Месропа Тер-Мовсисяна. Вагаршапат. 1901. (На арм. языке)

¹⁷ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. IV. Примечание 146.

Об этом же событии в Записках армянского князя Иосифа Аргутинского, архиепископа армянских церквей в России, избранного после католикосом, читаем следующее: «Когда татары завоевали Армению в 1262 году, и переселили не малое число жителей в страны, с Казанью и Астраханью смежные, то сии по долговременных страданиях начали просить у Каффских переселенцев позволения основать себе жилище в их окрестностях. Их поместили между Карас-Базаром и Судагом; купцы и ремесленники поселились в Старом Крыму, где они оградил населенную часть крепкими стенами для защиты от татарских набегов. В последующие годы прибыло также множество генуэзских семейств, коим правительство назначило земли от Каффы до Боспора»¹⁸.

Как мы видим, на протяжении веков на территории Армении совершали нашествия арабы и турки-сельджуки, Армению непрерывно притесняла Византия. Все это вызывало массовое переселение армян в другие страны. Тяжелые условия жизни в Армении заставляли армян покидать родные места и поступать на военную службу первоначально при дворе восточных императоров, а в дальнейшем и к русским, в частности, к киевским князьям. Армяне по приглашению русских князей приезжали в русские города для оказания помощи в борьбе с врагами, а затем оставались там навсегда, образуя армянские поселения. Армянские поселения образовались в русских княжествах и из армянских купцов, которых привлекала торговая выгода. Так постепенно стали организовываться армянские колонии, первоначально состоящие из купцов и военных. Эти колонии постепенно численно возрастали, пополняясь ремесленниками и мастерами, так как «Не всегда торговые выгоды влекли армян в русские княжества, иногда и суровая необходимость вела их на Русь, или в места, принадлежащие ныне Российской империи: Мамай, горя местию на Великого Князя Дмитрия Донского, вел

¹⁸ История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богущем. Т. II. СПб. 1806. С. 176-177.

под знаменами своими татар, половцев, черкесов, армян, ясов и прочих»¹⁹.

Следовательно, первоначальное переселение армян шло исключительно по торговым и военным путям, что приводило к установлению торговых и военных связей между русскими и армянами в средние века. В дальнейшем, армянские поселения стали пополняться мастеровыми, ремесленниками, а это в свою очередь, не могло не способствовать развитию культурных и литературных взаимоотношений между русскими и армянами.

¹⁹ Краткое историческое описание древнего армянского государства, составленное из разных летописей. // В кн. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М. 1833. Т. II. С. 286.

**ЗАРОЖДЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ АРМЯН
С РУССКИМИ В X-XIII ВЕКАХ**

В истории армяно-русских отношений немаловажную роль сыграли экономические и торговые связи.

Торговые связи народов Закавказья с северными странами устанавливаются еще в эпоху владычества арабов, которые с VIII века вели завоевания не только в Персии, Мидии, Армении и Грузии, но и по всему побережью Каспия. Арабы превратили Каспийское море во внутреннее для себя озеро и вступали в сношения со всеми жителями Поволжья. Благодаря этому, в IX веке Хазарское царство и Приволжские булгары достигли процветания и могущества, а торговые связи всего севера с югом до Богдада и Индии сосредоточились в их руках. В этот период, в эпоху военной и политической мощи арабского халифата и ожесточенной борьбы с Византией, Армения была не экономическим, а исключительно военным и стратегическим форпостом халифата, и международная торговля с ней, сокращавшаяся в предшествующую эпоху, в это время была прервана и совершенно замерла. Международная торговля переместилась в бассейн реки Куры. Процветает восточная торговля хазар и славян. «Раскинувшись на привольных степях по берегам Волги и Дона, хазары основали средоточие своего государства в низовьях Волги. Здесь столица их Итиль скоро стала огромным разноязычным торгищем, где рядом жили магометане, евреи, христиане и язычники. Хазары вместе с волжскими болгарями стали посредниками живого торгового обмена, завязавшегося между балтийским севером и арабским востоком приблизительно с половины VIII века, около того времени, когда при Аббасидах центр халифата переместился из Дамаска в Багдад»²⁰. В торговле этой принимала участие и Киевская Русь. По сообщению арабского географа Ибн-Хордадбе, современника Рюрика и Аскольда, купцы руссов возили товары из отдельных частей своей страны к Черному морю, где царь Рума взымал с них в виде пошлины десятину, они же отправлялись по Танаису (Дону – И.А.) и доходили до города Хамлиха (восточная половина Италии – И.А.), где властитель Хазарии также брал с них десятину, отсюда они выходили в Каспийское море и затем в Гурган, откуда отправляли свои товары на верблюдах в Багдад.

²⁰ Ключевский В. Курс русской истории. М. 1914. Ч. I. С. 146.

Основываясь на свидетельствах арабских источников, можно отметить, что северная торговля Закавказья, завязавшаяся в VIII веке, достигла наибольшего развития в IX-X веках. И именно к этому периоду относится возрождение международной торговли в Армении. Со второй половины IX века намечается экономическое возрождение Армении и новый расцвет ее городов. Благодаря своему положению на одной из главных магистралей мировой торговли, Багратидская Армения стала идеальной нейтральной территорией для транзитной торговли и международных отношений. Развитие Армении и пышный расцвет ее городов, как указывает Гурко-Кряжин, объясняется тем, что: «Армения, при данной ситуации, превратилась в буфер не только политический, но еще более того экономический, поскольку ее территория являлась единственным путем для торговых сношений между двумя враждующими империями»²¹.

В X веке и в первой половине XI века экономическое развитие страны и рост ее городов достигли наивысшего расцвета. Арабские авторы Армению этого периода считали одной из наиболее богатых стран халифата. Об этом читаем и у армянского историка IX века Асохика²²: «Во дни Смбата I и во время управления его отца в нашем отечестве царствовал мир и каждый, по словам пророка, возлежал под виноградником и смоковницей своей. Поля превратились в селения, селения в города по многолюдству своему и богатству, так что даже пастухи стали являться в шелковых платьях»²³.

Аналогичные сведения дает и историк XI века Иоанн Католикос: «А нашей стране Армении господь оказал в те дни благорасположение, защитил ее и благоприятствовал во всех доб-

²¹ Гурко-Кряжин В. Прошлое и настоящее Советской Армении. Новый Восток. 1927. Кн. XVI-XVII. С. 206.

²² Асохик (Степанос Таронский) – армянский историк X-XI веков. Первые две части его «Всеобщей истории» представляют собой компиляцию трудов предшествующих историков, третья часть посвящена эпохе Багратидов и излагает историю Армении на протяжении 118 лет (886-1004 гг.)

²³ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию. Перевод Н.О. Эмина. М. 1864. С. 109.

рых начинаниях. Все пребывали тогда в своих наследственных владениях и, присвоив земли, развили виноградники, насадили рассадники оливковых деревьев и садов; они вспахали пашни вне терний и собирали урожай сторицею, переполнились хлебные амбары по окончании жатвы и наполнились погребы вина после сбора винограда, ликовали горы, так как на них размножились пасущиеся стада крупного скота и овец»²⁴.

Об этом же сообщает Аристакес Ластиверци, называя Ани «всемирно известным»²⁵ городом, говоря о «величественном и знаменитом со всех сторон»²⁶ городе Арцне. При этом он отмечает, что богатства доставались сюда «морем и сушей»²⁷.

Эти сведения подтверждают, что главным источником обогащения городов Армении была развивавшаяся вновь международная торговля. О том, что Армения являлась транзитной территорией для международных торговых сношений, мы находим свидетельства у историка Иоанна Католикоса²⁸. Вдоль караванной магистрали международной торговли были расположены торговые центры Армении: Двин, Ани, Карс, Арцн, сведения о которых мы можем найти у арабских писателей X века Истархия, Ибн-Хаукаля, Мукаддасия. Безопасность и мирные условия жизни являлись фактором крайне благоприятным для экономического возрождения страны. Однако, беспримерно быстрый рост ее экономического развития, как и пышный расцвет ее городов, объясняется главным образом тем, что Армения в эту эпоху стала на Ближнем Востоке единственным транзитным путем и единственной нейтральной территорией, используя которые можно было поддерживать мировые торговые сношения. Через Армению проходили торговые пути с Востока на Запад и с Запада на Восток.

Но Армения не только территориально принимала участие в международной торговле. Развитое промышленное производство и передовое экономическое развитие страны, давали Арме-

²⁴ Иоанн Католикос. История Армении. Тифлис. 1912. С. 198-199.

²⁵ Аристакес Ластиверци. Указ. соч. Гл. 24. С. 162.

²⁶ Там же. Гл. 12. С. 78.

²⁷ Там же. Гл. 15. С. 91.

²⁸ См.: Иоанн Католикос. Указ. соч. С. 159-160.

нии возможность вести торговлю не только с соседними странами, но и с народами стран, отдаленных от Армении. В столицу Древней Армении Двин приезжали купцы из Индии, Персии, Рима, Византии, также из бассейна Дона, Крыма и Приволжских районов. В те отдаленные времена армяне также появлялись в разных городах и странах в основном с торговой целью и своими товарами. О предметах, экспортируемых из Армении в этот период, некоторые случайные сведения можно найти в трудах арабских географов и историков. Арабские и армянские источники упоминают целый ряд продуктов горной промышленности, добывавшихся в Багратидской Армении, в том числе вывоз из Армении строительного леса. О добывании и обработке металлов находим сведения у Моисея Каганкатваца²⁹, который в своей «Истории Агван» упоминает мастеров, имеющих познание в золотопромывании, добывании серебра, железа и в выделке меди³⁰. О многообразных изделиях обрабатывающей промышленности свидетельствуют не только древнеармянские авторы, но и те вещественные предметы, которые найдены во время раскопок Двина и Ани³¹. Раскопками Ани, например, обнаружено большое количество предметов гончарного, кузнечного, оружейного, ювелирного, текстильного и других промыслов³². В Двине сильно была развита текстильная промышленность. Об этом имеются сообщения у Ибн-Хаукаля, Истархия и других арабских историков³³. Предметом значительного экспорта были и армянские

²⁹ Каганкатваца (Моисей Каланкатуйский) – армяно-албанский историк X века. Автор «Истории Албании», представляющей собой компиляцию исторических хроник VIII, IX, X веков. «История Албании», написанная на древне-армянском языке, является основным письменным источником по истории (до XI века) Албании Кавказской (ныне территория Азербайджана) и содержит ценные материалы по истории Армении и Грузии.

³⁰ Моисей Каганкатваца. История Агван. Перевод К. Патканьяна. С.-Петербург. 1861. С. 131.

³¹ См.: Марр С.Я. Ани. Ереван. 1939; К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Ереван. 1952. (на армянском языке).

³² См.: Марр С.Я. Ани.

³³ Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. XXXVIII. С. 95-97. Истархий сообщает, что «в городе Дабил (Двин)

ковры, которые, как видно из указания академика В.Бартольда, пользовались большой известностью³⁴.

Расцвету текстильной промышленности способствовали превосходные краски, которые в изобилии имелись в Армении. Армения еще в древние времена славилась своими минеральными и растительными красителями. Армения считалась главным поставщиком красной краски, добывавшейся из кашениля или кармиза (по-армянски «кармир вордан»). Наиболее крупным центром красильного промысла был, по-видимому, Арташат, который называли также Кирмиз, т.е. городом кашенилевых красил³⁵. Естественно, имея такую развитую промышленность, армянские купцы не могли не принимать участия в международной торговле армянскими товарами.

В конце IX и в начале X века растут торговые связи Киевской Руси с Византией, Балканами, Закавказьем, Средней Азией, Прибалтикой, Западной Европой и с другими странами. Армянские купцы, игравшие большую роль в торговой жизни Византии, часто сталкивались с русскими купцами, посещавшими византийские рынки. Кроме того, из Византии в Киевскую Русь очень часто направлялись корабли с товарами, на которых среди прочих купцов бывало много армян, выполнявших роль посредника в торговле с русскими купцами.

На рубеже XII-XIII веков возросли международные торговые связи по Черному морю. Через Трапезунд, столицу основанной в 1204 году империи Комнинов, армянское купечество было связано с Крымом, Половецкой степью, Русью, Польшей. Торговые колонии армян появились в Грузии, в Ширване, в Крыму, в юго-западной Руси, почти во всех важнейших портах Черноморья. Армянское купечество торговало с Византией и Генуей. В начале XIII века Генуя заключила торговый договор с

выделялись шерстяные платья и ковры, подушки, сидения, шнуры и другие предметы армянского производства»; См.: Караулов. Сборник материалов. XXIX. С. 19.

³⁴ Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана. СПб. 1903. С. 150.

³⁵ См.: Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод профессора П.К. Жузе. Баку. 1927. С. 10.

правителем Карса³⁶. О торговле армян в южной Руси и в Польше сообщает Линниченко И.А.³⁷.

Первоначально, в торговых связях армян с Киевской Русью важную роль сыграли армяне Крымской колонии. Крымский полуостров был известен армянам с древнейших времен. Крым привлекал армян в силу своего удобного расположения на торговых путях. Об этом свидетельствуют письменные источники, в частности, нотариальные акты, относящиеся к армянским и итальянским торговцам Кафы, а также Перы. Но уже с X-XI веков армяне стали переселяться в Крым и уже к началу XI века относится существование армянской Крымской колонии, первоначально сложившейся из купцов. О наличии армянского населения в Крыму в XI веке свидетельствуют надписи. На одной из мраморных плит армянской церкви в Крыму преподавателем Лазаревского института восточных языков Христофором Иоаннисяном (Кучуком) в 1895 году обнаружена надпись, относящаяся к 1047 году. В надписи сказано: «Сей святой крест есть предстатель мальчика Манука, который утонул в море в начале 496 (1047) года»³⁸.

О наличии армянских колоний в Крыму свидетельствуют также армянские церкви в Кафе. Сохранились письменные свидетельства о том, что в период утверждения генуэзцев в Крыму (60-ые годы XIII века) в Кафе имелись армянские церкви, причем одна уже была в развалинах. Наличие развалин армянской церкви в середине XIII века говорит о том, что церковь эта, а если церковь, то и сама армянская колония, существовали задолго до XIII века. Как указывает Кушнерян К.В., в центре Феодосии возвышается армянская церковь св. Саркиса, основанная до проникновения в Крым генуэзцев, приблизительно в X ве-

³⁶ См.: Очерки истории СССР. Ч. I. М.-Л. 1953. С. 370.

³⁷ См.: Линниченко И.А. Общественная роль армян в прошлом на Западной Руси. Чтение в Историческом обществе Нестора-Летописца. Кн. IX. Киев. 1895. С. 1-10.

³⁸ См.: ЦГИА Армянской ССР. Ф. 40, д. 19, л. 2. (Фонд Кучука Иоаннисяна).

ке³⁹. В XI-XIII веках значительное число армян имелось не только на юго-восточной части полуострова, но и в юго-западных районах, особенно в Херсонесе, о чем свидетельствуют надписи Крестообразного храма Херсонеса, средневековая баня Херсонеса, сходная с баней замка Амберд в Армении, явное сходство гончарных изделий Херсонеса и Армении⁴⁰. Кулаковский Ю., говоря о Тавриде, отмечал: «Город имел весьма разнообразное население, благодаря своему торговому значению. Здесь вели торг венецианцы, сюда приезжали русские купцы, привозившие меха, здесь жили в качестве местного элемента армяне»⁴¹.

Крымская армянская колония со временем становится сильной и экономически признанной, центром которой становится Судак, который впоследствии называют «Приморской Арменией». Купцы этой колонии, а также из Византии, Персии, Закавказья, самой Армении с XI века устанавливают тесные торговые связи с Тьмутараканью (Тамань), Киевом и другими русскими городами. «Армяне не ограничивались торгом внутри и на границах своего царства с сопредельными племенами: они проникали в отдаленные страны, как то сухим путем во внутренние области Персии, в Индию. По Черному морю в Грузию, Крым, в русское Тьмутараканское Княжество на острове Тамань, по Каспийскому морю и по реке Волге к Болгарам и далее на Север Руси»⁴².

По свидетельству армян-современников, несмотря на то, что Киевские князья вели продолжительные войны с кочевниками, в частности с половцами, с большой любовью и гостеприимно принимали иностранных купцов, в том числе и армянских, прибывших в Киев, создавая для них благоприятные ус-

³⁹ См.: Кушнерян К.В. Истрия армянских поселений Крыма. Венеция. 1895. С. 124. (на армянском языке).

⁴⁰ См.: Якобсон. Средневековый Херсонес XII-XIV вв. М.-Л. 1960. С. 81, 105, 117, 119.

⁴¹ Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев. 1914. С. 111.

⁴² Краткое историческое описание Древнего Армянского государства, составленное из разных летописей // Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Под редакцией С.Н.Глинки. М. 1838. Ч. 2. Гл. 2. § 3. С. 282-283.

ловия для торговли: «...земля на Руси обильна, нравы не чужды, а жители гостеприимны, добронравны, чужелюбцы»⁴³.

«В самое то время, когда войско Российское сражалось с половцами в земле их, купцы мирно там путешествовали: ибо сами варвары, находя пользу в торговле, для ее безопасности наблюдают законы просвещенных народов. Греки, Армяне, Евреи, Маравы, Венециане жили в Киеве, привлекаемые выгодною меною товаров и гостеприимством Россиян, которые дозволяли Христианам Латинской церкви свободно и торжественно отправлять свое богослужение, но запрещали им спорить о вере...», – отмечает М.Н.Карамзин, ссылаясь на Киевскую летопись⁴⁴.

Тесные торговые связи с Киевом и с другими городами устанавливаются также через Львовскую армянскую колонию, которая основана в XII веке в основном из армянских купцов. По запискам, находящимся в Архиве Армянской Капитулы во Львове, можно установить, что «... находилась в том городе уже в 1183 (быть может 1283) году деревянная армянская церковь, пока в 1363 году некто Яков, сын Тахинов из Кафы и Панос из Гайсарацы, не построил своим иждивением каменную церковь, которой зодчим был итальянец Дорхи»⁴⁵. Говоря о купцах-армянах, Лео отмечает: «Польские армяне в высшей степени ловкие и способные торговцы. Они держали в своих руках всю торговлю Запада»⁴⁶. Армянские купцы в Киев и в другие русские города шли также через Каспийское море и по Волге. При этом в пути они устанавливали торговые сношения с Волжскими булгарами. Говоря об этом периоде, Карамзин, ссылаясь на «Путешествие» Палласа, отмечает: «Подобно Черному морю и Днепру, Каспийское и Волга служили другим важным путем для торговли. Болгары, в случае неурожая перепитая хлебом Суз-

⁴³ См.: Бжишкян М. Указ. соч. С. 84.

⁴⁴ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. III. Гл. 7. С. 124. Примечание 237.

⁴⁵ Галицкий. Исторический сборник, издаваемый Обществом Галицко-русской Матицы. Выпуск 2-ой. Львов. 1856. С.125.

⁴⁶ Лео. Армянская историография. Т. 1. Тифлис. 1904. С.181. (на армянском языке).

дальское Великое Княжение, могли доставлять нам ремесленные произведения образованного Востока. В развалинах города Болгарского, в 90 верстах от Казани и 9 от Волги, нашлись армянские надписи XII века: вероятно, что армяне, издавна славные купечеством, выменивали там Русские меха и кожи на товары Персидские и другие»⁴⁷.

О том, что армяне еще в древние времена имели торговые сношения с восточными славянами, в частности с волжскими булгарами, свидетельствует записка арабского историка Ибн-Фадлана, в начале X века совершившего путешествие к волжским булгарам, где он отмечает, что встретил в быту болгарской аристократии привозные армянские вещи: «Все они (булгары – И.А.) живут в юртах, с той лишь разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная в большей части армянскими коврами»⁴⁸. Ковры эти не могли быть частным случаем, так как с X века армянские купцы организовывали колонии в Булгаре, Новгороде Великом и Киеве⁴⁹. Не исключена возможность, что в городе Булгаре армянские купцы сталкивались с русскими, которые жили в самом городе и имели особую колонию к северу от города. Такие взаимосвязи определили те общие элементы, которые так выпукло представлены в материалах из города Двина⁵⁰. К деятельности армянской торговой колонии можно отнести инкрустированные восточные изделия, найденные при раскопках Красной Палаты. Например, найдена чаша, которая имеет полусферическую форму. На чаше изображены лица с несколько удлиненными глазами. Подобное лицо с такой же прической, такими же глазами и ртом, изображено на фаянсовой чаше, найденной в одном из колодцев цитадели Двина⁵¹. Среди тканей, обнаруженных в могилах Волжских Булгар, обращает на себя внимание ткань с вышивкой, представляющей

⁴⁷ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. III. Гл. 7. С.124.

⁴⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика Крачковского И.Ю. М.-Л. 1939. С. 73.

⁴⁹ См.: Очерки по истории СССР. Т. 1. М. 1953. С. 630.

⁵⁰ См.: Кафадарян К. Город Двин и его раскопки. Ереван. 1952. С. 175. (на армянском языке)

⁵¹ Там же. Табл. 205.

собой две обрамленные рамкой человеческие фигуры на фоне дерева. От первой фигуры сохранилась нижняя часть, вторая же уцелела почти вся. Она стоит лицом к зрителю и держит в правой руке платок. На голове у нее шапочка с расширяющимся плоским верхом, которая завершается чем-то в виде стержня с перекладинами. На фигуру надет прямой кафтан, перехваченный поясом. Дополнительные стежки вышивки позволяют установить детали этого костюма, обшитого тесьмой по подолу и на рукавах. Эти детали напоминают аналогичные одежды на армянской фреске, изображающей Хутлу-Бучи⁵².

В 1842 году в Киеве во время раскопок обнаружены были серьги, подобные которым были найдены во время раскопок армянской столицы – Двина⁵³. Кондаков Н.П. серьги такого рода называл киевскими, но вместе с тем считал, что они восточного происхождения⁵⁴. Кафадарян К. полагает, что они попали в Киев во времена Багратидов, когда армяне имели связи с Русью. Все эти восточные вещи проникали к Булгарам и в Киев вместе с армянскими купцами. Во время раскопок в Киеве были найдены также арабские серебряные монеты, свидетельствующие о торговле Киева с арабским востоком, с Закавказьем⁵⁵. Торговые связи армян с Русью получили свое дальнейшее развитие в период Московского Княжества и развивались параллельно с развитием и укреплением Московского Княжества.

⁵² См.: Марр Н.Я. Ани. Табл. 11. Рис. 216.

⁵³ См.: Кафадарян К. Указ. соч. С. 176.

⁵⁴ См.: Кондаков Н. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб. 1896. С. 218.

⁵⁵ См.: Арциховский А. Введение в археологию. М. 1947. С. 176.

**РУССКО-АРМЯНСКИЕ ВОЕННЫЕ
СВЯЗИ X-XIII ВВ.**

Как уже отмечалось, начиная с IX века, непрерывный поток армян переселялся в Византию. Армянские воины, подчас целыми легионами, вступали в ряды византийской армии. Армянские полководцы играли немаловажную роль в жизни Восточной империи. Следует отметить также, что, неоднократно, начиная с 860 года, русские воины угрожали Константинополю своими набегами (907 и 941 годы). Однако, эти набеги заканчивались тем, что императоры Византии охотно вербовали солдат среди этих отважных воинов. Русские воины, завербованные императором, пополняли ряды византийской армии, в которой к тому времени было немало солдат-армян. Первые сведения о военных связях армян с русскими относятся ко времени их совместной службы в рядах византийской армии. Случалось так, что армянские легионы при военных действиях, в борьбе с противниками сталкивались с русскими и в случае необходимости помогали друг другу.

Интересное свидетельство о совместных военных действиях русских и армян сообщает арабский историк Ахмед ибн Абдала Винам, он пишет, что в 964 году против Али Гасана воевали вместе русские и армяне. Об этом же читаем еще у Карамзина: «Греки, имея с собою Персов, Армян и Россиян, окружили в Сицилии в 964 году Али Гасана»¹.

В те отдаленные времена армянские войска проникали в Тавриду. Известно, например, что в войсках Митридата Евпатора в Тавриде в качестве союзников сражались и армянские войска². В начале VIII века в городе Херсонесе находился армянин-

¹ Карамзин М.Н. История государства Российского. СПб. 1894. Т. 1. С. 103. (См.: Примечание стр. 108 – «Арабский историк, Ахмед Эбн-Абдаль-Вегабъ, прозванный Новайри, пишет в *Histoire de Sicile*, переведенной французским профессором Коссенем, что в середине Шуаля 353 (т.е. 25 октября 964 года) греки, имея с собою многих персов, армян и россиян, окружили в Сицилии Аль-Гассана. Сия история напечатана при *Voyage en Sicile, par le Baron de Riedesel*»).

² См.: Патканян Г. Основание Нового Нахитчевана и Таврические армяне. (См.: Архив Матенадарана 1 и 2 фонд, п. 137, док. 68. на армянском языке).

патриций Вардан, который впоследствии сверг императора Юстиниана II и стал императором Византии³.

В X веке среди патрициев города Херсонеса был армянин по имени Калокир, с помощью которого Византия стремилась наладить дипломатические отношения с киевским князем Святославом, намереваясь столкнуть его с болгарами⁴. О 15 центнерах золота, присланных к Святославу с Калокиром, о количестве русских воинов говорится у Льва Диакона, византийского историка X века⁵. О походе Святослава на Дунай «на Болгары» кратко сообщается в Лаврентьевской летописи⁶.

Общение армян с русскими происходило при дворе византийского императора в Константинополе, а также в рядах византийских войск в Сицилии, на Крите, в Малой Азии⁷.

Армянские историки X века в своих трудах упоминают о русских дружинах, появившихся на территории Закавказья. Первое упоминание о русских встречается в труде армянского историка X века Моисея Каганкатваца: «Это было в 346 году армянской эры (897 год). Тот год был началом бедствий и терзаний Армении. Казнь Божия постигла страну нашу и предала великого царя Смбата. Сила высшая отреклась от него, он пошел к гибели своей и армян, т.е. к звероподобному князю Таджиков, который имел нрав пса, а не человека, захватил и на древе умертвил добровольно пришедшего царя. Тогда застонала плачем вся страна Торгома, и настала пора разрушения страны. То был 363 год армянской эры (914 год). Бог потребовал от него мечь за убиение Смбата. Немилосердный таджик этот отправился из Армении в Ассирию, и попался там в руки одного арабского князя, который зарыл заживо его. В продолжение этого времени ослабевают народ таджиков и является новый народ – Гелемеки. Начальник их Салар распространил власть свою и покорил Агванию, Персию и Армению. Он прибыл в Партав, покорив его себе. В то же время с севера грянул народ дикий и

³ См.: Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев. 1914. С.67.

⁴ Там же. С.112.

⁵ См.: Карамзин М.Н. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. Примечание 391.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Л. 1926. Столб 65. под 967 годом.

⁷ См.: Васильев А.Я. Византия и арабы. СПб. 1902. С.867-869.

чуждый, Рузики, не более как в три раза больше, они подобно вихрю распространились по всему Каспийскому морю до столицы агванской – Партава. Не было возможности сопротивляться им. Они предали народ лезвию меча и завладели всем имуществом жителей. Тот же Салар осадил их, но не мог нанести им никакого вреда, ибо они были непобедимы силой. Женщины города, прибегнув к коварству, стали отравлять Рузов, но те, узнав об этой измене, безжалостно истребили женщин и детей их, и пробыв в городе 6 месяцев, совершенно опустошили его. Остальные, подобно трусам, отправились в страну свою с несметною добычею»⁸.

О походе русских на Партав в 912-913 году есть свидетельства у арабских историков Якуба, Ал-Масуди, Ибн-ал-Атира и др. Эти русские походы, как известно, шли из Киевской Руси. Русские из Киева на лодках по Днепру спускались к Черному морю, оттуда переходили к Азовскому морю, по Дону в Каспийское море и по Куре доходили до Партава. По армянским и арабским данным есть свидетельства о походе русских на западный берег Каспийского моря в 944-945 годах⁹.

Отношения между Византией и Русью стали особенно тесными после того, как великая княгиня Ольга посетила Византию (957 г.) и приняла христианство. Но решающим событием было обращение в христианство киевского великого князя Владимира в конце X века.

В 988 году византийский император Василий II – армянин по происхождению, получил от киевского великого князя для подавления феодальных восстаний войско в 6000 наемников; за это Владимир потребовал руки византийской принцессы и, чтобы покончить с колебаниями императорского двора, завладел Херсонесом. Василий II уступил настояниям русского государя, но при этом убедил его принять крещение.

⁸ История Агван Моисея Каганкатваца, писателя X века. СПб. 1861. С.275-276. (в цитате сохранено правописание оригинала - И.А.).

⁹ О походе Русов на Партав См.: также Якубовский А.Ю. Ибн Вискавейх о походе Русов в Бердаа в 943-944 годах. // Византийский восточник. Л. 1926. Т. XXIV. С.63-92.

В конце X и начале XI века русское войско из 6000 человек находилось в Армении. Об этом свидетельствует историк XI века Степанос Таронский по прозвищу Асохик (говорун). Русское войско входило в состав Византийской армии, которую возглавлял полководец Барсег в 1000 году в Тайке. Степанос Таронский, говоря о русском войске, находящемся в Закавказье, сообщает, что между Владимиром, князем киевским, и императором Василием было заключено военно-политическое соглашение, согласно которому русское войско подчинялось кайзеру византийскому.

«В самый день отъезда последнего (греческого царя Василия – И.А.) в греческом лагере произошла сильная схватка из-за ничтожной причины. Князья и вассалы куропалата Давида, прибывшие туда, стояли недалеко от греческого лагеря. Из пехотного отряда Рузов какой-то воин нес сено для своей лошади. Подошел к нему один из Иверийцев (грузин) и отнял у него сено. Тогда прибежал к Рузу на помощь другой. Ивериец кликнул своим, которые прибежав, убили первого Руза. Тогда весь народ Рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6000 человек, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал свою сестру замуж за последнего. В то же самое время Рузы уверовали во Христа»¹⁰.

Русское войско принимало активное участие в борьбе с султаном сельджуков Тухрил Беком в 1054 году, о чем рассказывает Аристакес Ластивертци, называя русских «пранк», что, как установлено Еремянном и Юзбашьяном, означает «варяги», так назывались русские войска, находящиеся в Византии¹¹. Варягов мы встречаем также в числе наемных войск грузинского царя Баграта IV (1027-1172 гг.), который воспользовался их услугами в борьбе с непокорными владетелями Клдекарии. Русское войско, правда, малочисленное, входило в состав войска

¹⁰ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асогика по прозвищу, писателя XI столетия. Переведена с армянского и объяснена Н.Эминым. М. 1864. С. 200.

¹¹ См.: Еремян С.Т. Юрий Боголюбский в армянских и грузинских источниках // Научные труды Ереванского Государственного университета. Выпуск 23. 1946. С.390.

Давида Шинарара (Строителя) (1089-1125 гг.), вместе с которыми они принимали участие в битве против сельджукских эмиров в 1121 году около Тбилиси. Об этом нам сообщает армянский историк Матеос Ураец, который их также называет «варанги». «... имел (царь Давид II Строитель) и иные войска: кипчакского царя пятнадцать тысяч мужей храбрых и отборных, из племени аланов мужей пятьсот и варагнов сто»¹².

Как указывает Еремян С.Т. : «Варанги, участвующие в войне Давида II Строителя против коалиции мусульманских эмиров, упоминаются наряду с кипчаками-половцами и аланами-осетинами, и должны происходить из Тьмутараканской Руси. Ведь Никопсия, крайний северо-западный предел державы Давида II Строителя, почти соприкасалась с причерноморской Русью – Тьмутараканью. Именно через нее Грузия впервые вошла в Русью в тесное соприкосновение»¹³.

Русские еще в древние времена высоко ценили военное искусство армян, считали армян самоотверженными, смелыми воинами, чувствовали расположение к ним, армянам, поэтому еще в XI веке армянские войска приглашались в Киевскую Русь для борьбы с противниками. Впервые армяне были приглашены в Киевскую Русь в 1009 году для борьбы с Болеславом Храбрым (992-1025 годы)¹⁴. По более поздним свидетельствам, в 1062 году Великокняжескими грамотами были призваны армяне, названные Памескими, для оказания помощи Киевской стране к отражению поляков, с тем, чтобы по истечении трехгодичного срока, представлялись им отпуск и свобода вселиться в Русь, по произволу своему. До нас не дошел подлинник этой призывной и льготной грамоты, остался только перевод, о котором упоминают армянские историки.

Об этом есть упоминание в актах, находящихся в архиве Армянской капитулы во Львове, где упоминается, что «... Армяне призваны на Русь каким-то князем Феодором Димитриевичем. Грамота сего князя написана на русском языке и имеет на

¹² Матеос Ураец. История. Вагаршапат. 1898. С. 350. (На арм. яз.)

¹³ Еремян С.Т. Указ. соч. С.390.

¹⁴ См.: Кушнерян. История Крымской армянской колонии. Венеция. 1895. С.187. (На арм.яз.)

себе дату 1062 год»¹⁵. Дмитрий Тан, историк XIX века, несколько иначе передает этот факт: в 1062 году русский князь Изяслав послал грамоту и призвал 20000 армян из города Ани на Русь для войны против половцев. Они больше не возвратились на родину и поселились в Киеве, Каменец-Подольске, а позже по всей русской земле»¹⁶. Известный историк польско-украинских армян, прекрасный знаток первоисточников, Садок Баронч писал, что: «Изяслав, услышав много хорошего о благородном мужестве армян, отправил к ним посланцев с просьбой прийти к нему на помощь, чтобы дать отпор многим недругам его княжества»¹⁷.

Все это дает основание утверждать, что еще в 1062 году армяне призывались на Русь, многие из которых остались на Руси на постоянное жительство. Против вторгнувшихся в XI веке в Русь половцев под знаменем великого князя Киевского сражался отряд армянских воинов. «Во второй половине того же столетия (XI век) армяне, призванные, по мнению одних князем Феодором Дмитриевичем, а по указанию других Феодосием Дмитриевичем, принимали участие в борьбе его с удельными князьями и половцами. Из Киева они рассеялись по юго-западным провинциям Руси и, получив плодородные земли, утвердились, между прочим, в Львове и Луцке»¹⁸. Об этом же событии сообщает также историк XIX века Кушнерян¹⁹.

Многие из армян, призванных для борьбы с врагами русских князей, остались в русских городах на постоянное жительство, в частности в уже имеющихся армянских поселениях, составленных из торговцев. Благодаря этому растет Киевская ар-

¹⁵ См.: Галицкий исторический сборник, издаваемый Обществом Галицко-Русской Матицы. Львов. 1856. С.123.

¹⁶ См.: Дмитрий Тан. Восточные Армяне в Буковине. Вена. 1891. С.3. (перевел с немецкого на армянский Галемкерян).

¹⁷ Садок Баронч. Очерки истории армян. Тернополь. 1869. С.60. (на польском языке)

¹⁸ Кирион Е. Колонизация армян в юго-западной России. Каменец-Подольск. 1903. С.2.

¹⁹ Кушнерян. История Крымско-Армянской колонии. Венеция. 1895. С.187. (На арм.яз.)

мянская колония, которая к концу XI века так разрослась, что получила разрешение на постройку церкви²⁰. В 1280 году армянские войска были приглашены в Галицию князем Львом Даниловичем, которые оказали действенную помощь, в благодарность за что Лев Данилович разрешил армянам обосноваться в Галиции²¹. Благодаря этому, Львовская армянская колония, основанная в XII веке армянскими купцами и ремесленниками, разрослась и получила ряд привелегий. В частности, армянская колония получила право самоуправления, право иметь свой суд, который мог руководствоваться древними армянскими законами. Было разрешено иметь свою церковь и службу вести на армянском языке. По сведениям путешественников, первая армянская церковь была построена во Львове в 1183 году, церковь эта была деревянная, а в XIV веке была построена каменная.

В средние века армяне также обращались за помощью к русским для борьбы с иноземными захватчиками. Ценным источником, из дошедших до нас, является письмо Григора Тутеорди, написанное по поводу насилия по отношению к ватиканским армянам. Как известно из истории, Ватикан, пользуясь тяжелым политическим положением Киликийской Армении, желал «загнать в свой загон» и армян. Предводитель Санаина Григор Тутеорди написал письмо в Киликию к каталикосу Григору, прозванному Тха (мальчик – И.А.) (1173-1193), с советом ни в чем не уступать Ватикану, который желает воспользоваться тяжелым положением армян, и просить помощи у христианских народов, в числе христианских народов Тутеорди указывает «рузов» (русских – И.А.)²². Как указывает Абрамян А.Г., письмо Тутеорди является ценным документом, так как свидетельствует о том, что в средние века армяне нуждались в помощи с Севера. Кроме того, этот документ указывает на то, что в XII веке армяне уже хорошо знали русских, поэтому вдали от Руси, в Арме-

²⁰ См.: Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. 2. § 4. С.283.

²¹ См.: Кирион Е. Указ. соч. С.2.

²² Письмо Тутеорди (копия) хранится в Матенадаране. Рукопись № 2966. (письмо отпечатано Микаеляном в «Арарате» в 1893 году).

нии, могла возникнуть мысль об обращении к русским за помощью²³.

В 1185 году армяно-грузинское совместное войско вышло на борьбу с сельджуками под предводительством Юрия Андреевича Боголюбского, который к этому времени женился на грузинской царевне Тамаре. Они освободили от сельджуков столицу Древней Армении Двин.

Как мы видим, уже в средние века армяне и русские сталкивались на военном поприще. При этом, следует отметить, что они выступали как союзники, а не враги. Благодаря русско-армянским военным взаимоотношениям росла численность армянских колоний, первоначально составленных армянскими купцами.

²³ См.: Абрамян А.Г. Краткая история армянских колоний. Ч. 1. Ереван. 1964. (На арм.яз.)

**РУССКО-АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
XV-XVI ВВ.**

К числу древних армянских колоний на территории России относится и Астраханская. В Астрахани живут армяне с древних времен. Особенно усилился приток армян в Астрахань после 1554 года, когда город был завоеван русскими и присоединен к владениям Московского государства, став одним из важнейших пунктов сношений с Востоком.

Интересные сведения об армянах содержатся в русской оригинальной исторической повести о взятии турками в 1453 году Царьграда – «О Царьграде, о создании его и взятии турками в 1453 году»¹. Древнейший текст этой повести приписывается очевидцу падения Константинополя, некоему Нестору-Искандеру. В Повести повествуется сведения об участии армянских войск в защите города. В ней рассказывается о том, как «безбожный царь Амуратов сын», Магомет Второй, пошел войной против наследного византийского императора Константина и осадил Царьград. По мнению исследователей² историческая часть повести написана во второй половине XV века на основании дневников и рассказов современников.

Интересующий нас отрывок относится к наиболее достоверной исторической части, в которой подробно описаны военные события: осада города турецкими войсками и героическая его защита «греками, фрягами и армянами». Автор находился в турецких войсках, но был русским по происхождению и христианином. Описывая битву, он дает сведения об армянах, сражавшихся в войсках «православного царя Константина» против турок.

В другом историческом памятнике рассказывается о поведении армян-купцов при осаде Казани русскими войсками. Об этом читаем в Казанской летописи³. Летописец сообщает, что в

¹ «Памятники древней письменности и искусства. Повесть о Царьграде Нестора-Искандера XV века. Сообщил архимандрит Леонид». СПб. 1886. С.13.

² Бельченко Г.П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. // Сборник статей к сороколетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. М. 1934. С.512-513.

³ ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб. 1903. С.130.

городе было много иноземных купцов, в числе которых были армяне. Казанцы организовали оборону города и иностранных купцов: бухар, турчан, армян не выпустили из осажденного города. При этом, казанцы решили использовать их в борьбе против русских. Они заставили армян бить по русским, но они отказались, тогда, как пишет летописец, казанцы привязали армян железными цепями к пушкам, поставили сзади них татарских солдат с обнаженными мечами и под угрозой смерти заставили стрелять по русским полкам. Но татары успеха не достигли, так как, как говорит летописец, армяне «Лестно и худо бияху, и ядра через всех перепущаху или не допущаху, едва кого убиваху». Таким образом, привязанные цепями к пушкам армяне стреляли так, что ядра или не долетали или перелетали через русские войска. Этот эпизод свидетельствует о горячем сочувствии армян к русским. «История о Казанском царстве», известная под названием «Казанский летописец», как памятник русской исторической литературы, пользовалась огромной популярностью. Достоверных сведений об авторе нет, но его мировоззрение полностью сказалось в описании событий. Он всецело сочувствовал Ивану Грозному и восхвалял его деятельность. Что касается армянских купцов, то автор говорит о них с явным сочувствием и любовью, так как они были на стороне русских, несмотря на опасность. О поведении армянских купцов узнал Иван Грозный, который, как говорит Казанский летописец, «великий милость за се подаст им: живых всех, испустив во Отечества их». Но не только отпустил в свои отечества, Иван Грозный разрешил им поселиться в Москве. Армянская колония в Москве существовала задолго до этих событий. Во время победоносного въезда Грозного в Москву, в числе инородцев были и армяне. По приказу Ивана Грозного многие из армян поселились в Москве на постоянное жительство в той части столицы, которая носила название «Белого города». Помимо того, верхний ярус одного из девяти пределов Покровского собора в Москве (церковь Василия Блаженного), воздвигнутого в XVI веке Иваном Грозным в честь взятия Казани, был посвящен «Григорию Арменскому». В Московской летописи говорится: «Месяца октября в 1 день (1560), священы церкви придели в Новом городе у Фроловского мосту, которые ставлены на возвешение чудес божиих о Казан-

ском взятъе, в которые дни божия помочь и победа была православному царю над бусурманами: храм Живоначальные Тройцы. Вход во Иерусалим. Николе Великорецким, Кипприян и Устинья, Варлаам Хутынский, Александр Свирский, Григорий еписком великия Армении»⁴.

В официальном документе второй половины XVI века говорится о гостинном «Арменском дворе». Армянский посад сгорел в 1570 году вместе с большею частью Москвы во время нашествия крымского хана Дивлет Гирея⁵. Но армянская колония продолжала существовать и была «прочною и постоянною»⁶.

⁴ «Летописец Русский (Московская летопись) по рукописи, принадлежащей Лебедеву А.Н.» // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. М. 1895. С. 31, 127.

⁵ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Три части». М. 1833-1838. Т. 2. С. 19.

⁶ Ерицов А.Д. Первоначальное знакомство армян с северо-восточною Русью. // «Кавказский вестник». 1901. № 12. С. 50.

РУССКО-АРМЯНСКИЕ СВЯЗИ В XVII ВЕКА

После того, как Казань и Астрахань, важные узловые пункты перешли к Русскому государству, создались более благоприятные условия для развития торговли с восточными странами. Соловьев С.М. указывает на растущие доходы московского царя от таможенных пошлин в Астрахани. Во второй половине XVII века русские цари всячески поощряли деятельность иноземных купцов, особенно армянских, роль которых не ограничивалась торговыми операциями. Они выполняли определенные государственные задачи¹. В начале XVII века, при царе Михаиле Федоровиче, царские посланцы Иван Мартин – армянин по происхождению и англичанин Гловерти были отправлены с «просительными грамотами» в разные государства, где отмечалось, «дабы не воспрещено было вызываемым всякого рода иностранным художникам приезжать в Россию». При Алексее Михайловиче, вступившем на престол в 1645 году, из Персии чаще стали приезжать «промышленные армяне», которые доставляли русскому царю «великолепнейшие украшения», за что многие из них получали жалованные грамоты, «позволяющие приезжать в Москву и в другие города с узорочными товарами, и беспошлинно продовать оные»².

Во многих официальных документах XVII века, в числе торговых людей, приезжающих в Россию, в числе персов, греков, бухарцев, грузин, можно видеть и армян. В этих бумагах часто упоминаются имена крупных армянских купцов: Григория Лусикова³, Степана Ромодамского, Сафара Васильева, Парсея Васильева, Аваджана Каспарова, Богдана Мосесова, Давыда Иванисова, Вартана Семенова, Аваниско Назарова, Алексея Григорьева и многих других. В 1660 году из Персии в Москву приехал армянский купец Захар Сарадов, который преподнес

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. VII. СПб. 1893. С.390-391.

² Малиновский А.Е. Историческое описание древнего русского музея, под названием мастерской и оружейной палаты, в Москве обретающегося. Ч. 1. М. 1807. С. XXX-XXXI.

³ О Лусикове и его спорах во время приезда в Москву с Артамоном Сергеевичем Матвеевым в 1672 году См.: Соловьев М.С. Указ. соч. Т. XII. Кн. III. С.561, 565.

русскому царю богатые дары: «Престол, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугом, восточною бирюзой, турецкой финифтью, оцененный в 22589 руб.; персть золотой с алмазами; жаровню серебряную для сжигания ароматов; 15 сулей (сулея – плоская склянка, бутылъ с горлышком – И.А.) ширакского шарапу, что шах пьет; 4 сулейки водки гулфяной; 3 сулейки водки ароматной; стеклянницу водки нарвезтавой; золотников аромату восточного»⁴. Сарадов не только был лично принят царем, но им особенно заинтересовался и Посольский приказ, ведавший внешними сношениями Московского государства с другими государствами. Там Сарадова подробно расспрашивали о возможности приобретения для царя драгоценных камней, разных украшений, спрашивали о возможности приглашения в Россию золотописцев и алмазчиков-резцов⁵.

Армянские купцы часто выполняли роль культурных посредников, через которых приглашались в Россию не только разные мастеровые люди, но и чеканных дел мастера. В эту категорию, несомненно, входили и живописцы, способные выполнять самые разнообразные художественные работы при царском дворе⁶.

В жизни Московского государства имелось важное звено, которое выполняло большую и сложную работу по обмену культурными ценностями. Речь идет о Посольском приказе⁷. В Древней Руси первоначально всеми вопросами, касавшимися внешних сношений с государствами, занималась Боярская дума, выполнявшая функцию государственного Совета. В первой половине XVI века, в силу растущих и развивающихся связей Московского государства, постепенно выделился особый орган, впоследствии известный как «Посольский приказ», во главе которого стоял думный дьяк. В состав Посольского приказа входили дьяки (не думные, а обыкновенные), подьячие, толмачи-переводчики, золотописцы. Следует отметить, что в аппарате Посольского приказа были люди различных национальностей,

⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. XII. Кн. III. С.560.

⁵ Малиновский А.Е. Указ. соч. С.120.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ См.: Белокуров С.А. О Посольском Приказе. М. 1906.

которые выполняли роль толмачей – переводчиков. Среди толмачей были и армяне. В петровскую эпоху в протоколах Верховного тайного совета упоминаются: «вотчинной коллегии вице-президент в Астрахани Феодосий Мануков, толмач Павел Ормянин, Карапет Ширванов, который выполнял в Персии специальные задания»⁸. Среди фамилий, упомянутых в протоколе, есть загадочная фамилия воеводы и стольника XVII века Василия Александровича Даудова. Сведения о его национальной принадлежности разноречивы. Бартольд называет его персиянином, в Русском биографическом словаре Власов В. говорит о том, что Даудов «...по происхождению, вероятно, армянин»⁹, а биограф Селифонтов, автор специального исследования о служебной деятельности и домашней жизни Даудова, причисляет его безоговорочно к армянской нации. Сам Даудов, который именуется «Алимарцан Бабаев сын Даудов», нигде не говорит о своем национальном происхождении.

Следует отметить, что установление национальности официальных лиц по русским документам XVII века не исполнимая задача, так как многие армянские имена и фамилии принимают в этих документах русские окончания, искаженные формы. Догадаться об их первоначальных армянских корнях практически невозможно. Например: Арапет (Карапет – Айрапет), Матвеев (Матевосян), Несорюкс (Нерсес), Арютов (Арутюнян), Ашпуров (Асатурян) и т.д.

Во второй половине XVII века особо развивались культурные связи армян с Россией. В «Исторической записке о первоначальных и последующих сношениях армянского народа с Российским государством» говорится: «Из сношений 1671 года видно, что в Москве был тогда весьма искусный живописец Пеакуцира, и находились другие художники из армянской нации»¹⁰. Упоминает об этом и Глинка С.Н. в «Обзрении истории армянского народа», ссылаясь также на сношения 1671 года: «В

⁸ «Сборники русского исторического общества». Т. 63. СПб. 1888. С.669-670.

⁹ Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л. 1925. С.180-181.

¹⁰ «Собрание актов...» Ч. 2. С.288.

Москве между прочими армянскими художниками находился и искусный живописец Пеакуцира»¹¹. Что за странное имя? Не опечатка ли? Возможно, что имя это было прочитано неправильно при расшифровке рукописного документа. Не понятно, о каком художнике идет речь. Но ясно одно: во второй половине XVII века в Москве работали армянские художники, о которых до нас дошли лишь скудные сведения, не позволяющие делать какие-либо выводы.

Определенно можно говорить лишь об одном художнике – Богдане Салтанове, царском живописце XVII века, имя которого стало известно благодаря исследованиям А.И.Успенского¹². Богдан (Иван) Салтанов, художник «иноземец армянской веры», прибывший в Россию из «Шаховой области» (из Персии – И.А.), работал в Московской оружейной палате в качестве живописца и иконописца в течение тридцати лет. При чтении специальных работ по древнерусской живописи, бросается в глаза то обстоятельство, что некоторые исследователи стремились или упоминать имя Салтанова между строк, или вовсе умалчивать о многолетней деятельности Богдана Салтанова в Оружейной палате. Известный исследователь русской старины Забелин И.¹³ уделил не одну страницу описаниям работ Салтанова, которого он называет одним из «первых живописцев царского двора», но не говорит о его национальном происхождении. В книге Филимонова¹⁴ о Симоне Ушакове упоминается «Известный живописец из армян Богдан Салтанов», который «своим искусством и деятельностью далеко превзошел всех своих предшественников».

Другой исследователь истории русского иконописания В.И.Успенский пишет: «В XVII веке на поприще русского ико-

¹¹ Сергей Глинка. Обзорение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области армянской в Российской империи. Ч. 2. М. 1833. С.238.

¹² Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. Т. IV. М. 1916. С.494, 502, 507.

¹³ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII веках. Ч. 1. М. 1862. С.131-164.

¹⁴ Филимонов Г. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. М. 1873. С.31.

нописания трудятся: из Афин гречанин Апостол Юрьев, из Армении Богдан Салтанов, из Австрии Данило Вухтер и Иван Детекс, из Швеции Дексон, из Польши Станислав Лопуцкий»¹⁵.

Один из позднейших историков искусства Московской Руси А.Новицкий так определяет место Богдана Салтанова в истории русской живописи: «Салтанов среди живописцев занимал такое же положение, как Симон Ушаков среди иконописцев»¹⁶.

Многие исследователи говорили о Салтанове, о его многолетней деятельности в России, но никто специально не занимался художником – «иноземцем». Салтанова, по сути, открыл А.И.Успенский. Ему принадлежит заслуга составления первой биографической справки о художнике. В 1907 году он выступил в печати со специальной статьей, посвященной Салтанову: «Царский живописец дворянин Иван Иевлевич Салтанов»¹⁷. Впоследствии он же издал четыре объемистых тома «Царские иконописцы и живописцы XVII века» (1910-1916гг.) с публикацией материалов из Московского архива министерства императорского двора. Второй том этого труда составил «Словарь царских иконописцев и живописцев XVII века», в котором после центральных фигур в русской иконописи XVII века Симона Ушакова и Василия Познянского более всего внимания уделено Богдану Салтанову¹⁸.

Как указывает Успенский: «Салтанов принес громадную пользу русскому искусству, внес в него новую, свежую и живительную струю. Он дольше всех остальных художников-иностранцев работал в Оружейной палате, научил многих рус-

¹⁵ Успенский В.И. Очерки по истории иконописания. СПб. 1899. С.76-78.

¹⁶ Новицкий А. Парсунное письмо в московской Руси. // «Старые годы». 1909. Июль-Сентябрь. С.390.

¹⁷ Царский живописец дворянин Иван Иевлевич Салтанов. (Из открытий в области русской живописи XVII века) // «Старые годы». 1907. Март. С.75-86.

¹⁸ Записки московского археологического института, издаваемые под редакцией А.И.Успенского. Т. II; А.И.Успенский. Словарь царских живописцев и иконописцев XVII века. М. 1910. С.235-245.

ских живописцев искусству живописи. Было время, когда наши дворцы в числе своих драгоценнейших украшений имели именно картины Салтанова. Пожар 1737 года и другие пожары беспощадно уничтожили значительную часть произведений XVII века. Немногие из произведений Салтанова дошли до нас, но и они показывают, что это был действительно первоклассный художник... Мы добрым именем, с глубокой благодарностью и уважением помянем художника, оставившего «природительские пожитки» ради воссоздания и насаждения в России русской живописи» (Словарь царских живописцев. С.245). Следует отметить, что Салтанов вместе с Ушаковым сыграл большую роль в деле реформирования русских икон.

Салтанов не был одиноким. С ним вместе или рядом с ним работали и другие армянские художники, мастера-каменщики, гранильщики, чеканных дел мастера.

Многогранная, богатая творческая деятельность Богдана Салтанова – одна из интереснейших страниц художественной жизни России и истории русско-армянских культурных связей.

**РУССКО-АРМЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
XVIII ВЕКА**

Русско-армянские культурные связи приобретают совершенно иной характер в XVIII веке. На территории России появляются новые армянские колонии, во многих российских городах открываются армянские школы: в Москве, Петербурге, Астрахани, Кизляре, Моздоке, Дербенте и Крыму. Большую роль в этом деле сыграла политика Петра Великого, который наметил широкую политическую программу и всеми средствами старался заселить Прикаспийский край армянами. 2-го марта 1711 года вышел Сенатский указ, который гласил: «Армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»¹. 2-го мая того же года очередным приказом, за армянами были закреплены все права и привилегии, которыми пользовались они еще в допетровские времена², в период правления Ивана Грозного. В «Истории России» Соловьева мы читаем: «Разведав об армянском народе, много ли его и в которых местах живет, и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из купцов, и каковы они к стороне царского величества, обходиться с ними ласково и склонять к дружбе»³, такой приказ получил русский посланник в Персии А.П.Волынский.

Петр Великий принимал решительные меры для укрепления русского влияния в Прикаспийском крае, и в этом деле он большую роль отводил армянам. В указе на имя генерал-майора Кропотова Петр писал: «Понеже мы оной армянский народ в особливую нашу императорскую милость и протекцию приняли»⁴.

В свою очередь, именно в этот период, армянский народ ждал особой поддержки и помощи от России в освободительной борьбе против иноземных захватчиков. Большое участие в этом деле принимал армянский общественный деятель Израел Ори, который настойчиво добивался помощи России. С этой целью

¹ Полное собрание законов. Т. VII. СПб. 1830. // Грамоты Петра Первого об армянах. С.257.

² Там же. Т. IV. С.662.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVIII. СПб. 1893. С.664.

⁴ Там же..

он явился к министру Головину со своим планом освобождения Армении и Грузии. Но Израелу Ори не суждено было осуществить свою программу, выполнив поручение Петра Первого в Персии, он по возвращении умирает в Астрахани⁵. В «Обозрении истории армянского народа» С.Н.Глинка пишет: «Блеснувший дух надежды, что царь России готов содействовать армянам в выручении Армении из цепей порабощения: сия животворная надежда слилась с общей жизнью сынов Гайка и отдала от них все, кроме желанья свободы Армении»⁶.

Новые шаги в этом направлении в 60-ые годы XVIII века предпринимает другой общественный деятель Иосиф Эмин – выходец из армянской индийской колонии. Он преследовал широкие политические цели: поднять восстание армян и грузин и, опираясь на помощь России, сбросить персидско-турецкое иго. Но, не найдя нигде поддержки, Эмин вернулся в Индию, где умер в 1809 году⁷. Весьма важную роль в этом вопросе сыграли представители армянской церкви. Армянский патриарх Исаи обратился к Петру I с просьбой о помощи, на что Петр ответил, что он готов помочь армянам «ради христианства»⁸. Но все ограничилось только обещаниями.

Общаясь с Россией, прося помощи и поддержки в своей освободительной борьбе, армяне оказывали России большую посильную военную помощь. В 1723 году около 700 армян и грузин вступили в русскую армию. Об этом пишет П.Г.Бутков: «Когда турки занимали Грузию и Армению, то многие из грузин и армян оставили свое отечество, вышли в Гилян в 1723 году и там вступили в российскую службу»⁹. Именно с этого времени в русских войсках появляются представители армянской армии, которым суждено было занять важные позиции в русской армии. Командиром армянского эскадрона был Лазарь Христофо-

⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С.680-691.

⁶ Глинка С.Н. Обзорение истории армянского народа. Ч. 2. М. 1833. С.240-241.

⁷ См.: Иоаннисян А.Р. Иосиф Эмин. Ереван. 1945.

⁸ Собрание актов. Ч. 2. С.11-12.

⁹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб. 1869. С.57.

ров, а при нем были подполковник Петр Кашпаров, поручик Иван Исцатуров и прапорщик Хачатур Якопов. И уже в 1734 году в русской армии появляются первые генералы, которые получают это звание за «службу и верность к России» – Лазарь Христофоров и Иван Юз-Баша¹⁰. Впоследствии чины получают: Иван Сумбатов, Иван Петрович Каспаров, Мина Лазарев, Артемий Лазарев, Абрамов, Хастатов¹¹, Манеев, Лалаев.

Более тесные контакты с армянами были установлены после русско-турецкой войны 1768-1774 годов. Россия стремилась укрепить русское господство на Востоке. Об этом пишет А.Р.Иоаннисян: «Призывы русских властей, обращенные к армянам, встретили среди последних самый живой и горячий отклик. Уже с конца XVII начала XVIII столетия широкие круги армянского народа и все выдающиеся армянские деятели связывали с Россией свои надежды на избавление от персидского и турецкого ига. В эпоху Екатерины II к России обращали свои взоры представители самых различных слоев армянского общества»¹².

Политику Петра Первого по отношению к армянскому народу продолжала Екатерина II. Именно при ее содействии были построены города: Нор-Нахичевань, Григориополь. Екатерина дарует армянам особые права и привилегии, закрепленные высочайшими грамотами. Она возлагала большие надежды на армян в деле создания нового христианского государства на юге России при помощи восстановления Древней Армении. Но попытка эта не увенчалась успехом.

В екатерининскую эпоху, в усилении русского влияния на Востоке и в укреплении позиции русского государства на Кавказе важную роль сыграли епархиальный архиепископ обитающего в России армянского населения Иосиф Аргутинский-Долгорукий и И.А.Лазарев.

Расширение сфер взаимовлияний сопутствует усилению интереса к Армении в русской печати, в русском искусстве. В

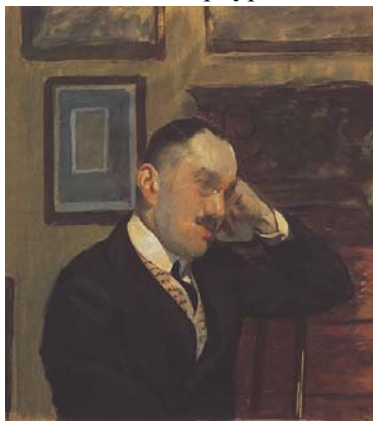
¹⁰ Собрание актов. Ч. 3. С.295-296.

¹¹ А.В. Хастатов был женат на родной сестре бабушки М.Ю.Лермонтова.

¹² См.: Иоаннисян А.Р. Указ. соч.

1780-1790-х годах Армению посетили русские живописцы М.М.Павлов и Г.С. Сергеев, которые в своих альбомах запечатлели отдельные уголки Армении¹³. В конце XVIII века в русской печати вслед за обзором Кавказского края появляются отрывочные сведения об Армении. В стихотворении В.Петрова и А.Н. Радищева находим упоминание об Армении («Сказка о Бове-королевиче» А.Н.Радищева).

В развитии культурных связей между двумя народами в XVIII веке большую роль сыграла петербургская армянская колония, возникшая вскоре после основания города. Петр придавал большое значение вопросу увеличения торгового сословия и дворянства. Специальные указы и грамоты Петра показывают, как он всячески поощрял и деятельность армянских купцов и промышленников¹⁴. В архиве Абамелик-Лазаревых сохранилась краткая записка, составленная в 80-ых годах XVIII века, из которой явствует, что уже в 1710 году, т.е. через семь лет после основания Петербурга, там была небольшая армянская колония.

*В.А.Тропинин, портрет
И.Аргутинского-Долгорукова.*

Записка составлена, по всей вероятности, для официальной цели¹⁵.

Первые армяне, появившиеся в Петербурге были люди из торгового населения, но вскоре появляются и «служилые люди»¹⁶. В этой же записке указывается, что на первое время для нужд многочисленной колонии из Москвы приезжали армянские священники, а в 1730 году священник Иван Шеристанов обосновался в Петербурге (скончался в

¹³ См.: Григорьян К.Н. Армения в Русской литературе и живописи XVIII - первая половина XIX века. Ереван. 1962. С.13-23.

¹⁴ Глинка С. Указ. соч. Ч. 2. С. 246.

¹⁵ ЦГАЛИ. Ф. 880. Оп. 5. № 108. л. 12.

¹⁶ Собр. Актов. Ч. 1. С. 355-357.

1787 году)¹⁷. Значит, в 30-ых годах армянский приход вырос настолько, что появилась необходимость иметь постоянного священника. В конце 30-ых годов XVIII века в Петербурге существовала армянская улица¹⁸.

Из представления Коллегии иностранных дел на имя русской императрицы выясняется, что часть Кизлярского армянского эскадрона, главным образом офицеры, в количестве 18 человек, в 1736 году оказались в Петербурге при войсках российских, которым императрицей было велено назначать окладное жалование и награждение в Приказ. Вполне вероятно, что некоторые из них обосновались в Петербурге.

Еще в 1714 году в секретном предположении одного из активных помощников Израела Ори, архимандрита Минаса, поданном на имя подканцлера барона Шафировва, один из 6 пунктов составляла просьба о дозволении строить в Петербурге армянскую церковь¹⁹. Вопрос этот возникает снова в январе 1740 года. Один из первых армян – житель Петербурга, Лука Ширванов, получает «высочайшее разрешение» построить на территории собственного дома небольшую армянскую каменную церковь²⁰.

С.М.Соловьев сообщает о том, что «Синод в январе 1742 года исходатайствовал у императрицы указ – упразднить армянскую церковь в Петербурге, Москве и Астрахани, кроме одной каменной в последнем городе, и впредь не позволять их строить. 7-го апреля просьба Синода была осуществлена»²¹.

В 1750 году армяне снова обратились через ювелира Русского двора Ивана Лазарева с челобитной о разрешении построить каменную церковь. На это последовало устное повеление Екатерины II о дозволении армянам построить церковь в Петербурге²². Генерал-полицмейстер, сообщая содержание устного указа в Сенате, присовокупил со своей стороны, что он находит

¹⁷ ЦГАЛИ. Там же.

¹⁸ «Словарь геогр. Российск. Государства». Ч. 5. С.655.

¹⁹ Собр. Акт. Ч. 1. С.358.

²⁰ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга. СПб. 1884. С.401.

²¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. XXI. С.151.

²² Петров П.Н. Указ. соч. С.92.

целесообразным для армянской церкви выделить место на Невском проспекте. Постройка была начата в 1771 году по проекту архитектора Фельтена. В 1781 году в торжественной обстановке, в присутствии высокопоставленных лиц, новая церковь была «освящена» архиепископом Иосифом Аргутинским. Десять лет спустя, последовал Сенатский указ губернатору «об отводе места на Василевском острове при кладбище для погребения армян»²³.

Армянская колония в Петербурге, по сравнению с другими колониями на территории России, не была многочисленной. По записке из архива Абамелик-Лазаревых выясняется, что даже в 80-ых годах XVIII века число постоянных жителей армян в Петербурге не превышало 150-ти. Но, несмотря на их немногочисленность, они, очевидно, выделялись своей ярко выраженной восточной внешностью, возможно, и национальной одеждой, поэтому были замечены немецким путешественником Шлецером, посетившим Петербург в 60-ые годы XVIII столетия.

Одним из первых жителей Петербурга был Лука Ширванов. Его имя впервые появляется в официальном документе от 16-го июля 1727 года в числе посланных из России в Персию армян, где, по всей вероятности, они выполняли какие-то дипломатические задания²⁴. Брат его, Карапет, был русским дипломатическим агентом в Персии. Его имя упоминается в протоколах Верховного тайного совета 1727 года, где о нем сказано: «С 1723 года поныне в Персии употребляется в интересах его императорского величества и служит со всякою верностью и усердием». В другом документе 1730 года говорится о нем, как о торговом армянине. Карапет Ширванов действовал во времена Исаи Ори. Карапет Ширванов (Иван Карапет) был послан Петром Первым в Карабах для организации вооруженных сил и для объединения армянских меликов. Он умер в 30-ые годы. Лука Ширванов, выходец из Новой Джульфы, приехал в Россию в самом начале XVIII века. В первое время действовал в Астрахани, затем приехал в Петербург. Обосновавшись в Петербурге,

²³ Собрание актов. Ч. 1. С.30.

²⁴ Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб. 1886. С.132-133.

он развивает широкую деятельность, строит фабрики, занимается разведением шелководства в Астрахани и Кизляре. В 1741 году Ширванову разрешается строить в Петербурге суда. Его имя как купца и промышленника встречается во многих документах и почти во всех случаях именуется «Санкт-Петербургским армянином»²⁶.

*В.А.Тропинин, портрет
И.Л.Лазарева.*

Вместе с Ширвановым обосновались в Петербурге и другие армянские купцы: Манвел Назаретов, его братья Артемий, Богдан и Никита. Во второй половине XVIII века из Новой Джульфы переселился в Россию армянский промышленник Лазарь Назарович Лазарев. В 1776 году грамотой Екатерины II он, его дети и потомки, были пожалованы в «российские дворяне». Один из его сыновей Иван Лазарев

обосновался в Петербурге, довел до совершенства шелковую фабрику и выдвигал отличнейшие шелковые изделия, коими обиты многие дворцы Петербурга: Зимний, Таврический²⁷. Впоследствии сыновья и внуки И.Л.Лазарева на гражданской и военной службе достигли чинов и высокого положения в обществе и при дворе. Наряду с И.Лазаревым, получившим в конце века титул графа, центральным лицом, через посредство которого в эту эпоху армяне общались с Россией, был архиепископ армянского народа, обитающего в России, Иосиф Аргутинский-Долгорукий. Он был одним из наиболее видных и деятельных

²⁶ Петров П.Н. Указ. соч. С. 01.

²⁷ «Историческое описание рода Лазаревых». ЦГАЛИ. Ф.880. Оп.5. № 1.

членов армянской культурной колонии в Петербурге²⁸. Некоторое время он жил в Астрахани, при его содействии армяне были переселены из Крыма в Нахичевань. Активная деятельность Аргутинского начинается с 1782 года, когда он участвовал в переговорах «О склонении Грузии поступить под покровительство России». В 1787 году он с русскими войсками был в Турции, участвовал также в Персидском походе 1796 года. С 70-ых годов Аргутинский оказался в северной русской столице в качестве не только духовного лица, но и политического представителя армянского народа. С 1773 года он был епархиальным архиепископом обитающих в России армян. А с 1800 г. становится верховным патриархом. Аргутинский был человеком незаурядных способностей, давших ему возможность быстро подняться и занять видное положение. Он принадлежал к числу культурных людей своего времени. Отличное знание русского языка, несомненно, способствовало его популярности в русских правительственных сферах. О языке Аргутинского можно судить по его предисловию к русскому переводу «Исповедание христианской веры армянской церкви», в котором он излагает содержание традиционной исторической легенды о происхождении армянского народа, заимствованной им из сочинений древнеармянских авторов.

В конце XVIII века петербургская колония значительно возросла. В ее состав вливались люди различного общественного положения. Преимущественно это были чиновники, военные, люди духовного звания, представители торгового сословия и промышленники.

В 1779 году Аргутинский познакомился с Григорием Халдаряном, который приехал в Россию из Лондона, где жил в течение десяти лет. Халдарян – уроженец новой Джульфы, некоторое время занимался торговлей в Индии, накопил капитал и уехал в Лондон, где у него возникла идея организации армянской типографии в России, чтобы распространять просвещение среди своих соотечественников, волею судьбы оказавшихся в

²⁸ О политической деятельности Лазарева и И.Аргутинского-Долгорукого См.: А.Р.Иоаннисян. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1947.

России. Преодолев большие трудности, потратив значительные средства, Халдарян, наконец, достигает своей цели. По его заказу были изготовлены в Голландии армянские шрифты для будущей типографии. В 1779 году Халдарян приезжает в Петербург, где спустя несколько лет, в 1783 году, открывает армянскую типографию. В этом важном культурном начинании Халдарян нашел такого сильного и деятельного покровителя, каким оказался Аргутинский²⁹.

Недолго просуществовала в Петербурге армянская типография. Недостаточная материальная база, особые трудности ведения дела, рост долговой суммы вскоре привели ее к весьма тяжелому положению. В 1788 году умер Халдарян. Типография была перевезена Аргутинским сначала в Нахичевань, а затем в Астрахань.

За пять лет своего существования петербургская типография выпустила несколько книг, преимущественно духовного содержания. Из них следует указать на новое издание сочинений армянского писателя XII века Нерсеса Шнорали (Благодатного), с двумя прекрасными портретами автора. Она была издана 1-го мая 1788 года с послесловием, в котором подробно рассказывалось о типографии Халдаряна и издательской деятельности Аргутинского. Вторая книга – «История Вардананской войны» армянского писателя V века Егише, с литографированными изображениями Вардана Мамиконяна и Гевонда Ереца. Из приложенной в конце статьи выясняется, что издание было начато при жизни Халдаряна и завершено после его смерти.

В конце XVIII века значительно возрастает интерес к русскому языку среди армянского населения. В богатейшем хранилище Матенадарана сохранилась записная книжка конца XVIII века неизвестного купца-армянина, где имеются не только деловые записи, отражающие его торговую деятельность, но и записи, по которым можно судить о круге духовных интересов хозяина этой записной книжки. Записи армянского купца носят двоякий характер. В одном случае источником могли служить живая речь и устное народное творчество, в другом – книжные тексты. В одной из частей записной книжки содержатся краткие

²⁹ «Архив армянской истории». Т. IX. С.486-487.

записи на русском языке по истории России от Рюрика до Екатерины II, русские поговорки и упражнения по русскому языку. Встречаются такие специфические русские выражения как: «мы сами с усами», «не брал, не драл», «гораздо нежно, да ненадежно», «дале море, меньше горе», «не в службу, а в дружбу» и т.д. Здесь же можно видеть поговорки: «На что желать мне долгих лет, в словах и в деле не вечный человек», «Не молви слова, крепись, а, дав слово, держись», «Дурака посади за стол, а он и ноги на стол», «Дом полон ослами, один пришел с рогами». Интересно, что автор книжки дает переводы этих выражений и поговорок. Его интересовали и омонимы русского языка: «мука – из чего хлеб пекут и мука – то есть мучение». Есть образцы песен, свидетельствующие о его культурном уровне, они стилизованы под модные «пастушеские» мотивы. Но автор записной книжки, видимо, плохо владел русским языком, поэтому русские песни были записаны при помощи армянских букв³⁰.

Следует отметить, что в XVIII веке такой способ записывания текстов неизвестного языка был наиболее удобный для овладения этим языком. Таким же методом пользовался и Халдарян – автор изданного в Петербурге первого русско-армянского словаря³¹. Появление словаря Халдаряна в 1788 году свидетельствует о растущем интересе армян к русскому языку. В нем заключено около двух с половиной тысяч «наиболее нужнейших слов из бездонного моря языка русского народа», как отмечает сам автор в предисловии к словарю. Автор преследовал цель «по тропинке языкознания вывести читателей на широкую дорогу» углубленного и всестороннего изучения языка просвещенной России. В конце словаря помещены армянский текст и русский перевод «Молитвы» Нерсеса Шнорали. Издание словаря было завершено после смерти Халдаряна вдовой автора – Катаринэ Захаровой. Лео назвал ее первой армянской издательницей. По словам самого автора, книга эта являлась «более пло-

³⁰ Матенадарян. № 5954. Лл. 118-121, 110-112, 122.

³¹ Книга, которая называется: «Стезя языкопознания». Напечатана в типографии Халдаряна. Иждивением Катаринэ Захаровны, вдовы покойного. СПб. 1788.

дом любви, нежели знаний». Для своего времени словарь Халдаряна был явлением большого культурного значения.

**РУССКО-АРМЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ X – XIII ВЕКОВ**

Связь, налаженная торговыми караванными путями между Арменией и русскими городами, вынужденное переселение армян, способствовали проникновению в различные города Руси армянских ремесленников, врачей, художников, что, естественно, приводило к общению их с русскими специалистами и к их культурному взаимовлиянию.

АРМЕНИЯ И КИЕВСКАЯ РУСЬ

В Киеве армянская колония существовала в X-XI вв. Образованию в Киеве армянской колонии способствовал, в некоторой степени, брак Владимира Святославича с сестрой византийского императора Василия, армянина по происхождению, Анной. Армянская колония состояла в основном из ремесленников, воинов и купцов. В XI веке, особенно после опустошительных набегов сельджуков на Армению, представители армянской молодежи, которые получили хорошее для своего времени образование по разным специальностям, вынужденно покидали родину и направлялись в чужие страны, в частности в Киевскую Русь, с тем, чтобы работать по своей специальности. В XI-XII вв., в период княжения Владимира Всеволодовича Мономаха (1113-1125) в Киеве поселились армяне, многие из которых были близки княжескому двору. Среди них были врачи. К тому времени армянские врачи своим опытом, знаниями приобрели большую популярность не только у себя на родине, но и на Востоке и даже в Византии. Некоторые из этих врачей, переселившись в Киев и, обосновавшись там на постоянное жительство, приобретают большую популярность. Об этом читаем в Киево-Печерском Патерике, где имеется рассказ об Агапите и враче-армянине «хитр зело во врачевании»¹ Рассказ Печерского Патерика об Агапите преследует цель показать его святую жизнь, рассказ же о враче-армянине приведен для того, чтобы путем сравнения подчеркнуть чудодейственную силу божественного черноризца, которая имела больше успеха, чем опыт и знания искусного врача-армянина. Если провести наблюдения над этим рассказом, то можно заметить, во-первых, противоречие – вна-

¹ Абрамович Д.И. Киево-Печерский Патерик. Киев. 1931. С.35.

чале врач-армянин назван «искусным во врачевании», а по ходу повествования Агапит оказывается искуснее него; во-вторых, допущена историческая неточность: армянин «родом и верою» в XII веке оказался не христианином и «уверовал в Христа» лишь после того, как проникся верою в святого Агапита.

На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в рассматриваемую эпоху медицина в России сосредотачивалась в монастырях и носила культовый характер, и желательнее было показать «силу» монастырского лекаря и «немоощь» врача «родом и верою армянина». То, что армянин «родом и верою» оказался не христианином, случай не единичный в памятниках русской письменности. Как указывает К.Н.Григорьян: «Не нужно забывать конкретные исторические обстоятельства эпохи, которые наложили известный отпечаток и на идеологию древних русских авторов. В раннем средневековье борьба русских церковников против всяких иных толкований христианской веры, против «ересей» и «еретиков», в том числе и против «армянских ересей и еретиков», принимала весьма острый характер. Они проявляли особую непримиримость и вражду ко всем, кто оказался вне единой православной церкви. Этим и объясняются такие, с первого взгляда, курьезы, когда человека «армянской веры» не признают христианином. Не только в XII – XIII вв., но и значительно позже, в XVII веке, армян часто и в летописях называют «иноверцами»².

Русское духовенство считало армян еретиками, поэтому и можно встретить резкие выпады в адрес армян в литературных памятниках. В ожесточенных спорах русское духовенство порою прибегало к подделке литературных памятников. Подделки эти иногда зависели от политических соображений. Так, при Петре Великом возникло «Соборное деяние Киевское на армянина еретика Мартина». Говоря о созыве армянских священников в Киеве в 1175 году, на котором присутствовали и русские, З.Т.Григорьян отмечает, что там обсуждалась якобы книга киевского армянина Мартироса, которого обвинили в еретизме, а

² Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских культурных связей X-XVII вв. ТОДРЛ. Т. 9. С.327.

книгу его сожгли³. Григорян З.Т., по-видимому, имеет в виду «Соборное деяние киевское на армянина еретика Мартина», созданное с целью борьбы со старообрядцами, выдававшееся за памятник XII века, а на самом деле, как это установил Перетц В.Н., оно и по содержанию, и по языку, и по почерку оказалось изданием начала XVIII века⁴.

Саркофаг Ярослава Мудрого

В культурной сфере между армянским и русским народом важное место занимали взаимовлияния в строительном, архитектурном и скульптурном деле. В науке существует предположение, что армянские мастера принимали участие в создании саркофага Ярослава Мудрого⁵. О.Х.Халпахчян, исследуя этот саркофаг, отмечает: «Интерес представляют имеющиеся на саркофаге Ярослава Мудрого надписи, в том числе и армянские, расположенные на северной стороне

крышки. Они процарапаны небрежно и без какого-либо оформления. Местами четко различимы буквы: «Ц»/а/, «У»/м/,

³ См.: Григорян З.Т. Вековая дружба армянского и русского народов. Ереван. 1960. С.25. (На арм.яз.)

⁴ См.: Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Петербург. 1922. С.91-92.

⁵ См.: Халпахчян О.Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван. 1957. С.99.

«Տ»/т/, «Կ»/к/, «Բ»/б/ и другие»⁶. По формам своим буквы эти можно отнести к буквам XI – XII вв. Подобные армянские буквы могли выгравировать только армянские мастера, но возможно сделано все это не во время создания саркофага, а позже, т.е. это граффити, тем более они, как указывает О.Х.Халпахчян, «процарапаны небрежно без какого-либо оформления».

В качестве доказательства культурной связи Киевской Руси и Армении Л.М.Меликсет-Бек указывает и на сходство в декорировке архитектурных сооружений этих стран характерными по своим формам рипидами⁷. В Киеве, например, они изображены на мозаичном панно «Таинство Евхаристии», помещенном в алтарном апсиде Софийского Собора (1036 г.). В Армении рипиды можно видеть на барабанах куполов главного храма монастыря Гандзасара близ села Ванк в Нагорном Карабахе (древний Агванк) (1216-1238гг.) и храма Аригаванес (1206г.) по сторонам центрального окна фасада последнего.

*Псков. Спасо-Мирожский монастырь.
1156 г.*

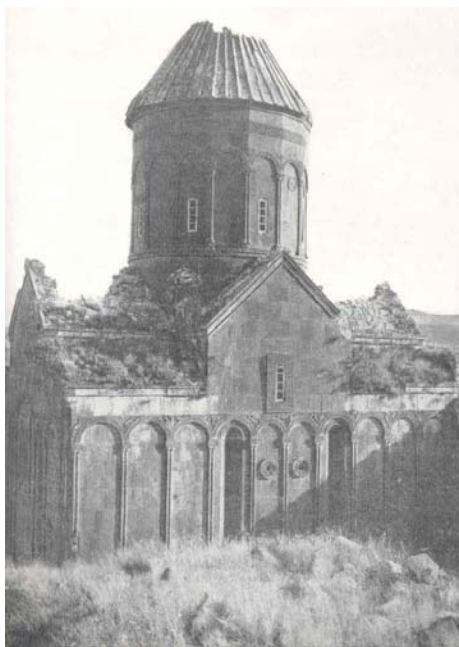
Однако не только армяне содействовали развитию русской архитектуры. Русские также в свою очередь оказывали влияние на развитие армянской архитектуры. В результате проводимых экспедиций Н.Я.Марра в Ани и исследований И.Я.Смирнова установлено, что роспись интерьера одного из величественных храмов церкви Григория, возведенной

в 1215 году армянином-халкедонитом Тиграном Оненцом, известным своей торговой деятельностью, была выполнена при непосредственном участии русского художника

⁶ Там же. С.100.

⁷ Меликсет-Бек Л.М. Древняя Русь и армяне. // Известия АН АрмССР. Т. 1. 1946.

Флора. Роспись интерьера церкви Бахтачеки в Ани также, может быть, выполнена русским живописцем, в частности, академик И.А.Орбели обнаружил в них сходство с русскими орнаментами, встречающимися на шапке Мономаха.

Ани. Церковь Тиграна Онеца. 1215г.

На общность системы фресковой росписи храмов XII-XIII веков указывал В.К.Мясоедов⁸, отмечавший сходство церкви св. Григория Просветителя в Ани, начала XIII века, и храмов Новгородской области XII века – Спасо-Мирожского монастыря в Пскове и Георгиевской церкви в Ладого. Мясоедов обращает внимание на то, что: «... в нередицкий Страшный Суд введена фигура олицетворения земли, отдающей мертвецов, неизвестная в более ранних византийских памятниках, но затем делающаяся вполне обычной и повторяемой, например,

уже в начале XIII в. в притворе церкви св. Григория Просветителя в Ани».

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что еще в древние времена в архитектуре русского и армянского народов установились прочные связи и намечалось творческое взаимовлияние. В 1842 году в Киеве во время раскопок обнаружены были серьги, подобные которым были найдены во время раскопок армянской столицы – города Двина.

⁸ Мясоедов В.К. Спас-Нередицы // Фрески Спаса-Нередицы. Л. 1925. С.17.

О. Айвазовский. Крещение Армянского народа (Григорий Провосветитель, IV в.) 1892г.

Русско-армянские культурные связи начали заметнее развиваться после крещения Руси и проявились прежде всего в сфере церковной жизни. В русском хронографе повествуется о крещении Армении, при этом повествование это в основных чертах совпадает с повествованием армянского историка Агафангела. «Армянский же царь Тиридат, увидев о своем болярине Григории, сыне Анакове, яко христианин есть, и во многих различных муках во граде Арарате вверже его в ров глубокий, идеже множество змиев и гадов. И соверши тамо 15 лет, питаем женою вдовицею. Царю же Тиридату мучашу христиан и божиим гневом

различными недуги казняше, дондеже божие видение бысть Кусарадукте, сестре Тиридата царя, повелевая Григория извести из рова. Изшедше же и архиерей поставлен бысть и крести всех. Исцеление и царя и всех окружающих от бесов»⁹. Позднее это предание повторяется в официальном документе Московской Руси 1447 года¹⁰.

⁹ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 2. С.86-87.

¹⁰ См.: Послание российского духовенства Углицкому князю Дмитрию Юрьевичу 1447 года, декабря. // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. 1334-1398. СПб. 1841. С.82.

Киево-Печорская Лавра

Если о крещении Армении мы читаем в русском хронографе, то о крещении Руси упоминается в труде армянского писателя XI века Степаноса Таронаци (Таронского) «Всеобщая история». Степанос Таронаци говорит о факте выдачи царем Василием своей сестры Анны замуж за царя Рузов Владимира Святославича и пишет: «В это же самое время Рузы уверовали во Христа»¹¹.

В Сугдейском синаксаре есть заметка от 1242 года о смерти раба Божья Давида, сына Сумбата – армянина, судя по имени. Там же имеется заметка от 1282 года о том, что армяне разошлись с православием в праздновании дня св. Пасхи и справили его по другому исчислению, раньше православных на одну неделю. Очевидно, в ту пору армяне составляли в Сугдее довольно значительную колонию, если этот факт заинтересовал летописца, заносившего свои заметки в Синаксар.

В XII веке очень тесные связи устанавливаются между русской и армянской церковью. Так, например, известно, что в

¹¹ Степанос Таронаци. Всеобщая история. С.200.

1157 году в Киеве было Собрание армянских духовных лиц, в котором принимали участие и русские. В Киево-Печерском Патерике есть данные о некоем монахе Феодосии, который часто посещал армянский квартал Киева, чтобы поспорить с армянами по вопросам вероисповедания.

Со временем русско-армянские церковные связи усиливаются, организуется культ святых русских в Армении и армянских святых на Руси. Известно, что имя Григория, епископа «Великия Армении» в древней Руси пользовалось большим уважением. Русские летописцы окружают ореолом величия и славы личность христианского Просветителя. Он стоит в первом ряду среди христианских великомучеников, упоминается среди участников «Собора первого святых отцов»; по православному календарю 30 сентября отмечается память «священного мученика Григория, епископа Великия Армении и святых мучениц Рипсимии и Гаиании»¹².

Наглядным примером тому, что армянские святые почитались на Руси, может служить помещение их изображений на фресках, украшавших интерьеры различных храмов. Так, например, изображение Григория с соответствующей надписью – «Григори» и «Девы Рипсимии» – можно было видеть среди главных фигур фресковой росписи интерьера храма Спаса Нередицы. Описывая эти фрески, Успенский пишет: «... обычный ряд святителей пришлось поместить в двух поясах: Климента, Николая, Афанасия, Иоанна Златоуста, **Григория** (подчеркнуто нами – И.А.), Василия и прочие»¹³. И далее: «... ряд святых женщин: Репсымия, Зиновия, Устинья, Дымьника, Христина, Арина, Огафия, Татиана, Феврония – все они, кроме Христины, в монашеских одеждах, с крестами в руках»¹⁴.

Как указывает Макарий Мироллюбив, «Григорий Арменский» несколько позднее был изображен «первым в киоте» на

¹² См.: Ерицов. Первоначальное знакомство армян с северо-восточной Русью до воцарения дома Романовых в 1613 году // Кавказский вестник. Тифлис. 1901. № 12. С.49.

¹³ Успенский А.И. Фрески церкви Спаса-Нередицы. М. 1910. С.5.

¹⁴ Там же. С. 8.

фресковой росписи интерьера небольшой церкви Хутынского монастыря¹⁵.

Известно также, что культ Бориса и Глеба был признан в Армении. «Интересно отметить, – пишет Б.Д. Греков, – что через несколько лет после прославления на Руси Бориса и Глеба их культ был установлен в Чехии. Очень скоро откликнулась на это событие Армения, включив в свой «Пролог» житие Бориса и Глеба. В конечном счете, признал их и Константинополь»¹⁶. Греков имеет в виду армянский «Айсмавурк», созданный в Киликийской Армении Тер-Исраелем, где под 24 июня читаем «Патмутюн србоц Давти ев Романоси» (Сказание о святых Давиде и Романе) (Давид и Роман имена Бориса и Глеба по крещению).

¹⁵ См.: Макарий Мирлолюбив. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М. 1860. Ч. 2. С. 47.

¹⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М. 1953. С. 373-472.

**СВЯЗИ АРМЯН С ВЛАДИМИРО-
СУЗДАЛЬСКИМ И НОВГОРОДСКИМ
КНЯЖЕСТВАМИ**

Весьма показательным является декоративное убранство памятников Владимиро-Суздальской архитектуры, в частности, Дмитриевского собора во Владимире (1194-1197гг.). Специальные изучения показали, что в резьбе Дмитриевского собора есть элементы армянского стиля. Об этом говорят и исследования русского искусства – В.Н.Лазарева и Б.Д.Грекова, которые высказывают мысль о наличии кавказских корней в происхождении каменной резьбы Дмитриевского собора¹.

Академик И.А.Орбели в поисках связи между богатой

София Новгородская. XI в.

резьбой по камню рельефных украшений Дмитриевского собора и храма Креста на острове Ахтамар на озере Ван в Армении, пришел к заключению, что связующим звеном между ними могут быть кавказские памятники, в частности «албанские рельефы» дворца аула Кубачи (XI – XII вв.). «Албанские рельефы и, в меньшей степени, бедные и несовершенные по формам детали убранства Ткобаерди, в Север-

¹ См.: Лазарев В.Н. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси // История русского искусства. Т. 1. М. 1953. С.196-441; Греков Б.Д. Киевская Русь. М. 1953. С.434.

ной Осетии, дали подходящий и по времени, и по месту, выход через двое великих кавказских ворот – железные Кавказские ворота Дарьяла и железные Кавказские ворота Дербента»².

Рассмотрение орнаментального убранства Дмитриевского собора показывает стилистическую близость его с декоративной резьбой армянских памятников как более раннего, так и позднего времени.

Как указывает В.Н.Лазарев, найденные в гробнице Андрея Боголюбского кусок парчи с изображением львов и грифонов, и в различныхкладах большое количество восточных изделий из металла, свидетельствуют о знакомстве русских мастеров с этими произведениями искусства, а, следовательно, о прямой связи этих произведений с орнаментальным убранством памятников архитектуры Владимиро-Суздальской Руси³.

О.Х.Халпахчян, детально рассматривая сходство Дмитриевского собора с храмом Аруга (VII век), с церковью Спасителя в Ани (1036 г.), с памятниками Санаина и Ахпата (X-XIII вв.) и др., отмечает: «Близкое сходство орнаментального убранства Дмитриевского собора с памятниками Армении, удаленных друг от друга на значительное расстояние, не является случайным явлением или механическим заимствованием готовых образцов. Без сомнения, это творческая переработка древних восточных памятников, в частности, изображений сасанидского искусства, основанная на содружестве мастеров, выполнявших социальный заказ в духе творчества своего народа»⁴.

Говоря о Дмитриевском соборе, В.К.Мясоедов отмечает: «Дмитриевский собор во Владимире обнаруживает своими рельефами, как мне кажется, наибольшее родство с Кавказом. И не в силу ли родственных связей основателя Нередицкой церкви с Кавказом⁵ в ее диаконике представлена св. Рипсимия, хотя и

² Орбели И. Албанские рельефы и бронзовые котлы. // Памятники эпохи Руставели. М. 1938. С.326.

³ См.: Лазарев. Указ. соч. С.200.

⁴ Халпахчян О.Х. Указ. соч. С.14.

⁵ Основатель Нередицкой церкви, Ярослав Владимирович, был посажен в Новгороде великим князем Всеволодом «Большим Гнездом». Ярослав приходился ему свяжком, т.е. был женат на родной сестре жены

рано вошедшая в общие святцы восточной церкви, но почитаемая особенно на Кавказе»⁶.

*Киев. Софийский Собор.
1037-1061гг.*

Не меньший интерес представляет также архитектурная форма кивория 1165 года в Боголюбове. Композиция кивория в виде восьмиугольной ротонды с граненым барабаном и шатровым покрытием близка ротондам армянских колоколен XIII века и более поздних. Но подобная композиция, по всей вероятности, была известна в Армении и в более ранние времена, так как ее можно видеть на армянских миниатюрах XI – XII вв. На подножии кивория и на одном из камней

Золотых ворот 1164 года во Владимире высечен знак «русского княжеского мастера», в данном случае, вероятно, строителя. Н.Н.Воронин объясняет его как монограмму Андрея Боголюбского⁷. О.Х.Халпахчян отмечает: «По своей конфигурации рисунок этого знака представляет собой совмещение в одном изображении армянских букв: «Է» /э/, «ր» /и/, «ճ» /м/, «ր» /р/ и дру-

Всеволода, княгине Марии, про которую известно, что она была «ясыня», т.е. уроженка Северного Кавказа. (См.: Мясоедов В.К. Спас Нередицы // Фрески Спас Нередицы. Л. 1925. С.17.)

⁶ Мясоедов В.К. Спас Нередицы. С.18.

⁷ См.: Воронин Н.Н. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества. XI-XIII вв. М.- Л.1945. С.50.

гих, что сплошь и рядом практиковалось армянскими резчиками по камню при высекании армянских надписей на памятниках»⁸. Таким образом, Халпахчян позволяет предположить, что «Русским княжеским мастером» был армянин. В этом же отношении примечательна форма крестов, широко распространенных в Армении V-VII веков, которая была отмечена в фресковом изображении Григория Великого в храме Спаса Нередицы (XII век).

Об этом фресковом изображении Григория Парфянского и св. Рипсимии Л.М.Меликсет-Бек пишет: «Русская церковь, исходя из традиции времени так называемого «вселенского согласия» в церковной жизни вообще, сохранила почитание Григория Парфянского, просветителя Армении и иже с ним 37 дев (Рипсимии, Гаянии и пр.)».⁹ На этот факт обратил внимание А.Д.Ерицов, который извлек выписки из «Иконописных подлинников» Новгородской редакции XVI века, свидетельствующие о сохранении русской традиционной иконописью обязательных норм изображения Григория Просветителя.¹⁰

На древней Русской земле, в Хутыни, близ Новгорода, была воздвигнута церковь в память «Григория Арменского». Об этом мы читаем в Софийской летописи.¹¹

Кресты изображены здесь разноконечными с расширяющимися от центра ветвями, т.е. тип креста, широко распространенный в Армении V-VII веков.

На общность системы фресковой росписи храмов XII-XIII веков указывал В.К.Мясоедов, отмечавший сходство церквей в Ани и в Пскове.

⁸ Халпахчян О.Х. Указ. соч. С.13.

⁹ Мелксет-Бек Л.М. Древняя Русь и армяне. // Сб. Трудов института языка им. Н.Я.Марра АН АрмССР. Ереван. 1946. Т.1. С.120

¹⁰ См. Сб., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М. 1873. С.6.

¹¹ ПСРЛ. Т.3. С.240.

АРМЯНЕ И ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ

В VI веке болгары, как и хазары, жили в местности по северную сторону Кавказских гор. Булгарское государство не было связано, подобно хазарскому, с традициями турецкой кочевой империи. Булгарский владетель не называл себя каганом и при его дворе не было турецких обычаев. По-видимому, отнесенные на север потомки общих предков болгар и хазар находились более под славянским, чем турецким влиянием, а арабы иногда называли царя волжских болгар «царем славян».

До Монгольского периода, предприимчивые армяне с устьев Волги поднялись вверх и водворились в столице Волжско-Булгарского царства в Булгарах. И вполне возможно, как указывает В.В.Бартольд, что к волжским булгарам относится известие о «государе славян», к которому, наравне с государями греков и хазар, обратились с просьбой о помощи в 852 году бежавшие от арабов армяне¹. Приток армян в Восточную Европу, в частности Поволжье, значительно усилился в XI веке в результате завоевания Армении турками-сельджуками. В 1048 году сельджукский султан Торгул-Бек вторгся в Армению и, как пишет Аристакес Ластивертци в своей истории Армении, турки «мечом, огнем и пленением разрушили и разорили 24 округа»².

В 1049 году сельджукские войска захватили долины Басена, Карина, Гореха, Аракса. Был полностью уничтожен город Арца. С этого времени большое число армян появилось в Крыму и на Волге.

К западу от городища Волжские Булгары, в метрах 150 от него, находились развалины здания, называемого, по преданию, «Греческой палатой». Развалины этого здания впервые были описаны в 1712 году дьяком Михайловым, который отметил, что «За валом к Волге реке палата четверугольная без сводов, мерою длины 5 сажен с аршином, а поперек 3,5 сажени, вышина 1сажень, вход в ту палату в одни двери..., та палата была наперед сего церковью, потому что около ее многие есть кладбищ-

¹ Бартольд В.В. Арабские известия о русах. Советское востоковедение. М.-Л. 1940. Т. 1. С.18.

² «Повествование Вардапета Аристакеса Ластивертци». Перевод с древне-армянского, вступительная статья, комментарии и приложения К.Н. Юзбашьяна. М. 1968. С.89.

ные камни с надписью, а подписи походили на армянские письма»³.

В районе этого памятника в начале XVIII века при Петре I были найдены армянские надгробья с христианскими эпитафиями. В 1722 году, как указывает Карамзин, подписи эти были переведены при Петре Великом казанским армянином, неким Иваном Васильевым, они относились к X-XIV векам и к выходцам преимущественно из Шаки и Ширвана⁴. Армянских надписей было в то время обнаружено только три, позднейшими разысканиями число увеличилось до пяти. Первоначально ими занимался Сен-Мартен. Надписи, изданные Лепехиным, позднее, в 1862 году, вновь переведены и обнародованы Броссе М.И., который расшифровал полностью две надписи, одна из которых не была еще известна, и установил дату, отнеся их к 1321 и 1335 годам⁵. В переводе Броссе одна надпись гласит: «Здесь покоится боголюбящий и милостивый господин Автин, сын господина Тенера. Вы, читающие (это), просите прощения грехов (его) год 734 арм. – 1335». Вторая надпись: «Гроб этот заключает честное тело Сары госпожи, (которая) перешла ко Христу. Вы, которые читаете (это), просите у бога прощения грехов ее... (далее следует непрочитанное слово) господин Авак. Год 770 – 1321». Броссе не ставил задачу объяснить, каким образом армяне оказались на севере в татарском городе в начале XIV века, но предполагает, что их не было в Болгарах в большом количестве и что эти гробницы лишь свидетельствуют о посещении города торговыми людьми из армян.

Надписи эти исследовал также Миллер Б.В., который указывает, что: «Более чем вероятно, что армяне переселились в Казань после разорения Булгар и образовали в ней колонию еще

³ См.: Смирнов А.П. Волжские булгары. М. 1951. С.185.

⁴ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т. III. СПб. 1842. С.206.

⁵ Броссе М.И. Об армянских надписях в Болгарах. // Известия имп. Археологического общества. Т. II. Вып. 2. 1859. С.181-184.

в татарскую эпоху. Они имели поселения, церковь и кладбище»⁶.

В Волжских Булгарах очень много каменных зданий и нет сомнения в том, что мы имеем дело с заезжими иноземными мастерами-каменотесами, камнерезами и художниками-глазуровщиками. Над кладкой зданий и над резьбой по камню трудились, по всей вероятности, армянские каменщики⁷. На основе многочисленных работ И.А.Орбели, следует считать установленным, что техника резьбы по камню возникла в горной, обильной камнями стране – в Армении. Носителями лучших традиций резьбы по камню являлись армяне, а по изготовлению изразцов – арабы⁸. И.А.Орбели указывает, что на постройке крупных зданий, по всей вероятности, работали артели смешанного состава и армянских и персидских мастеров. Это указание Орбели помогает раскрытию истории булгарских памятников.

Наиболее ранним памятником, свидетельствующим о пребывании армян в Булгарах, является могильная плита 1121 г., обнаруженная у Греческой палаты за пределами городища⁹.

Как отмечает Миллер, очень вероятно, что здание, известное под названием «Греческой палаты», было церковью и, притом, именно церковью армянской¹⁰. Исследование, проведенное в 1845 году, установило, что уже в XIV веке у Греческой палаты был христианский армянский некрополь, где обнаружено 113 погребений¹¹. Большая часть каменных надгробий, в том числе и армянские, в дальнейшем были использованы населением в хозяйственных нуждах. Путешественники и исследователи XVIII и

⁶ Миллер Б.В. Об армянских надписях в Булгарах и Казане. // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Т. 4. Л. 1925. С.76.

⁷ См.: Материалы по охране и реставрации памятников. Т. 4. М. 1928. С.46.

⁸ Орбели И.А. Памятники эпохи Руставели. Л. 1938. С.160.

⁹ См.: Высоцкий П. Новая антропологическая находка в селе Болгарах. // Известия Общества Археологов, историков и этнографов при Казанском университете. Т. 7. Казань. 1889. С.1-3.

¹⁰ См.: Миллер Б.В. Указ. соч. С.76.

¹¹ Из отчетов о раскопках А.И.Ефимовой – зав. Историческим отделом Казанского музея. Казань. 1951.

начала XIX века упоминают о плитах с армянскими надписями в фундаменте и на камнях пола местной Успенской церкви.

«Некоторые строительные приемы (Греческой палаты), как-то, прекрасная притеска квадратов, составляющих внешнюю облицовку этого здания, полуботовое заполнение массивных стен и простое внутреннее простарнство, все это заставляет вспомнить некоторые памятники армянского зодчества и маленькие церкви типа базилик, обычные для Кавказа. Весьма близок по плану к этой постройке двухэтажный храм 1339 года в монастыре Нораванк в Армении, где наблюдаются те же размеры и те же пропорции, что и у Греческой палаты. Сближают также оба эти памятника массивные стены, отсутствие выступающей абсиды, прямая восточная стена нижнего этажа, пилястры, оживляющие южную и северную стены, и использование нижнего этажа в качестве склепа. Кроме того, весьма близки к Греческой палате старый храм в Феодосии XIV века и Сургах в старом Крыму – постройки того же времени, где в прямой восточной стене имеются небольшие углубления, заменяющие абсиду»¹².

Среди тканей, найденных в могилах некрополя близ Греческой палаты, интерес представляют ткани с двумя вышивками: одна с изображением пантеры, другая – с двумя танцующими фигурами. Пантера представлена идущей влево, с повернутой на $\frac{3}{4}$ четырехугольной мордой. У нее заостренные уши, правая лапа с выпущенными когтями поднята вверх.

Животное представлено на фоне дерева, от которого сохранились ветви и овальные листья. По общему облику, по рисунку морды, по ушам, по фону с деревьями, эта пантера напоминает изображение на сасанидском серебре, а по позе с поднятой лапой – зверя с подноса послесасанидского времени. Как неоднократно отмечали Орбели и Тревер, сасанидские традиции были весьма живучи и сохранились до позднего средневековья не только на Востоке, но даже в отдельных местах Европы. Совершенно естественно, что в Волжской Булгарии, где сильна была струя восточной культуры, сасанидские традиции дожили до XIV – XV веков.

¹² Смирнов А.П. Указ. соч. С.195.

Вторая вышивка представляет две обрамленные рамкой человеческие фигуры также на фоне дерева. От первой фигуры сохранилась нижняя часть, вторая же уцелела почти вся. Она стоит лицом к зрителю и держит в правой руке платок. На голове у нее шапочка с расширяющимся плоским верхом, которая завершается чем-то в виде стержня с перекладинами. На фигуру надет прямой кафтан, перехваченный поясом. Дополнительные стежки вышивки позволяют установить детали кафтана, его покрой и шапка напоминают аналогичную одежду на иранских миниатюрах XIV – XV и на армянской фреске, изображающей Хутлу-Бучи¹³. Эта последняя устанавливает лишний раз связь Булгарии с Востоком и в первую очередь с Арменией.

Приведенные аналогии дают основание поставить Греческую палату в связь с существованием армянской колонии в Булгарах, что подтверждает и находка в XУIII веке в районе армянских надгробий.

Но, помимо Греческой палаты, в Булгарах есть и другие памятники, свидетельствующие о связях армян с волжскими булгарами. Одним из таких памятников является постройка из камня – баня, известная под названием «Белая палата». Система нагрева воды в этой бане похожа на систему нагрева в бане Джаниси (Армения). В Белой палате открыты остатки железных труб диаметром в 2-3 дм.¹⁴, которые применялись в средние века в Армении, где они открыты в Ани¹⁵ и Амберде¹⁶. Те и другие трубы изготовлены из листов железа. Окрашенные стены болгарской бани производят впечатление отполированных, как и в армянских банях, да и цвет стен там и здесь красный¹⁷.

По-видимому, за счет деятельности армянской колонии следует отнести инкрустированные восточные изделия, представленные в наших музеях рядом замечательных произведений.

¹³ См.: Марр Н.Я. Ани. Ереван. 1939. Табл. 11. С.216.

¹⁴ См.: Башкиров А.С. Памятники Булгаро-Татарской культуры на Волге. Казань. 1928. С.84.

¹⁵ Марр. Н.Я. Указ. соч. С.123-124.

¹⁶ Орбели И.А. Баня в скоморах XII века. // Памятники эпохи Руставели. Л. 1938. С.163.

¹⁷ Орбели И.А. Указ. соч. С.163.

К числу таких произведений относится чаша, найденная при раскопках Красной палаты. Это бронзовая чаша, имеющая полу-сферическую форму. На чаше изображены лица с несколько удлиненными глазами. Подобное лицо с такой же прической, такими же глазами и ртом, изображено на фаянсовой чаше, найденной в одном из колодцев цитадели Двина¹⁸.

«Несомненно, что все вещи происходят из одного источника, с Востока и, по-видимому, через Кавказ получили распространение в Крыму и в Поволжье. Не исключается возможность, что они проникли к булгарам вместе с армянскими купцами. Датируется эта группа произведений XII-XIII вв. н.э.»

О том, что армяне еще в древние времена имели торговые сношения с восточными славянами, в частности с волжскими булгарами, свидетельствует арабский историк Ибн-Фадлан, который в X веке посетил великого князя Волжских булгар¹⁹.

Армянская колония в Булгаро-Казанском крае, по мнению Миллера, «...преимущественно связана с теми армянами, которые, несомненно, были хорошо знакомы с хазарами в качестве торговых посредников».

Новые ценные сведения, которые содержатся в исследованиях советских историков, позволяют уточнить вопрос о составе населения городов и колоний Поволжья и Крыма. Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский отмечают: «В дальнейшем (т.е. после нашего Чингис-хана в 1220-1221 гг. – И.А.) мы видим в Сарае-Бату и Сарае-Берке ремесленников, которые могут считаться местными по своему происхождению или по своей воле сюда приехавшими из других городов, как среднеазиатских так и с Кавказа, Крыма и даже Египта, что, конечно, не исключает нового притока пригнанных путем захвата в плен ремесленников из какого-нибудь завоеванного города»²⁰.

Обращаясь к вопросу об армянской колонии в Волжских Булгарах, А.П. Смирнов пишет: «Нам известна армянская колония, возникшая здесь еще до эпохи монгольского завоевания.

¹⁸ Кафадарян К. Двин. Ереван. 1952. Табл. 205. (На арм.яз.)

¹⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Переводы и комментарий под редакцией академика И.Ю. Крачковского. М.-Л. 1939. С.73.

²⁰ Миллер Б.В. Указ. соч. С.79.

Центром ее являлась «Греческая палата», находившаяся на западе городища и представляющая развалины христианской церкви. К этому же времени относится ряд армянских надгробий 784, 770, 757 годов армянского летоисчисления (XIV век н.э.)²¹. Смирнов считает вероятным, что армяне появились в Поволжье во второй половине XI века, т.е. тогда, когда большое число их выселилось в Восточную Европу и значительная часть обосновалась в Крыму. А.Смирнов устанавливает, что в Волжских Булгарах наряду с армянами торговыми людьми были и армяне-ремесленники, мастера строители, каменотесы. Они принимали непосредственное участие в строительстве архитектурных памятников²².

Таким образом, армяне, переселившись еще в XI веке в Поволжье, обосновавшись в крупных городах, несли туда и свою культуру, они оставили значительный след в архитектурных памятниках приволжского края.

²¹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950. С.152.

²² Смирнов А.П. Волжские Булгары // Труды государственного исторического музея. Вып. 19. М. 1951. С.59-60.

**КНИГА КЛЕОПАТРЫ САРАФОВОЙ.
РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ВАРЛААМА
ВАГАНОВА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВЫХ
АРМЯНСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ**

В 1788 году в петербургской типографии Халдаряна была издана книга Клеопатры Сарафовой, предназначенная для юношества³². Она открывается посланием к великому князю Константину Павловичу: «Милостивейший государь! Сей первый плод слабых трудов моих недоумевала воистину, кому бы могла посвятить, как токмо не имени вашего императорского величества. Удостойте же, милостивейший государь, оный вашего приятия и не отриньте его! Коль щастлива и прещастлива буду я в роде смертных, когда сей труд и вкупе трудившаяся привлекут на себя вашего императорского высочества благоволение. Милостивейший государь, вашего императорского величества, все-нижайшая Клеопатра Сарафова».

Книга К.Сарафовой содержит:

А/ Букварь армянский и русский

Б/ Российский букварь с армянским

В/Наименование букв армянских с показанием, которые из российских букв соответствуют употреблению армянской, наименование букв армянских с показанием, какая из армянских букв соответствует употреблению российской

Д/ Армянские слоги с российским произношением

Е/ Российские слоги с армянским произношением

В основе всех разделов – принцип параллельного воспроизведения. Сначала дается русская форма слова, затем его звучание при помощи армянских букв, и, наконец, его значение. Сарафова впервые применила способ передачи звучания русских слов армянскими буквами и звучания армянских слов русскими буквами, что было связано с определенными трудностями, вытекающими из фонетического различия этих двух языков. Лишь в некоторых случаях возможно было достичь правильной передачи звучания слова.

Патив – честь

Анун – имя

Еритасард – молодой

³² «Книга, содержащая в себе ключ познания, букваря, словаря и некоторых правил из нравоучения. Сочиненная и переведенная с российского на армянский и с армянского на российский языки девицею Клеопатрою Сарафовою.» 1788.

Для большинства же армянских слов применяемый Сарафовой способ давал лишь приблизительное, далеко не точное представление о звучании оригинала:

Акагаг – фазан (петух)

Банастегць – стихотворец (поэт)

Интрель – избирать

Исгаль – чувствовать

В книге Сарафовой имеется разговорник, рассчитанный по своей тематике на школьников, где нашли отражение общепринятые педагогические нормы и где автор преследовала цель приучить своих юных читателей «хорошим манерам». В книге много нравоучительных сентенций. В таком именно плане составлен раздел «Гражданское начальное учение», в котором излагаются основы христианской морали и нравственности, приводятся образцы русских пословиц и поговорок. В форме вопросов и ответов даются общепользные сведения о временах года, частях света, разных стран. В книге имеются такие понятия, которые дают основание полагать, что Сарафовой не были чужды передовые веяния века просвещения: демократическое правление, республиканское правление, деспотический или неограниченный правитель. Она придерживается дворянско-просветительских позиций, ратует за справедливость, за право граждан защищать свои интересы, независимо от того, к какому классу они относятся.

Биографические сведения о Сарафовой отсутствуют. Можно говорить лишь предположительно, что она родилась в 1755-1760 годах в Астрахани. Есть все основания думать, что она была дочерью армянского промышленника Мосеса Сарафова.

Нет достоверных биографических сведений и о другом петербургском авторе XVIII века – Варлааме Ваганове, который с большим энтузиазмом занимался пропагандой истории армянского народа. Во всех печатных источниках его имя упоминается как автора русских переводов книг об Армении. Известно, что в 1784 году Варлаамов был капралом лейбгвардии южного полка. Его имя, как переводчика, стоит под официальными письмами армянских меликов. Небольшая книга Ваганова, состоящая из 27 страниц и озаглавленная «Плач об Армении»,

представляла перевод на русский язык заключительной части «Истории Армении» армянского писателя V века Мовсеса Хоренаци³³. Переведенный отрывок свидетельствует о патриотических чувствах, которыми руководствовался переводчик. В то же время, отрывок этот принадлежит к числу наиболее ярких страниц, характеризующих и сам памятник армянской литературы.

Не случайным было русское издание эпилога «Истории Армении» в Петербурге в 1786 году, где повествуется о падении армянского царства династии Аршакуни в 428 году. Оно тесно связано с событиями политической жизни России конца XVIII в. Вместе с тем, книга Ваганова отражала настроение деятелей армянского национально-освободительного движения 80-ых годов XVIII столетия. Это был период, когда в русской столице, в Коллегии иностранных дел, при непосредственном участии Потемкина и Суворова разрабатывались планы восстановления армянского государства³⁴. «Плач о Армении» напоминал читателям об угнетенном и бедственном положении армян в султанской Турции и шахской Персии. Переводчик ставил перед собою определенную задачу: вызвать интерес российского двора к судьбам армянского народа. Видимо поэтому книга была посвящена одному из виднейших государственных и военных деятелей екатерининских времен, сподвижнику русской императрицы, фельдмаршалу, светлейшему князю Г.А.Потемкину-Таврическому. На обороте титульного листа помещены шесть стихотворных строк самого Ваганова, которые говорили о светлых надеждах автора, об освободительной миссии России в судьбе армянского народа. В предисловии, обращенном к читателю, Ваганов просил быть не строгим к его русскому языку, которому он учился «без всякого руководителя». Здесь же он упоминает двух своих помощников и консультантов: Макара Богдановича Маничара и Степана Попова. Степан Попов был

³³ «Плач о Армении. Из сочинений славного Арменского историка Мовсеса Хоренацеса». Перевел с армянского на российский язык В.В.Ваганова в Санкт-Петербурге. Печатано с дозволения Управы Благочиния. У Шнора. 1786.

³⁴ См.: Нерсисян М. А.В.Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1790 гг. Ереван. 1944.

переводчиком и посредником между резиденцией патриарха Армении и Петербургом³⁵. Иногда его называли «араратским послом».

Интересна личность Макара Маничара³⁶. Его настоящее имя – Маргар Аствацатурович Манучарян. Он был крупным промышленником и видным представителем армянской культурной колонии в Петербурге. Он оказывал большое содействие Халдаряну в работе типографии, помогал Ваганову при переводе исторического сочинения армянского историка V в. Манучарян был инициатором организации армянской школы в Астрахани – учебного заведения, где вначале занимались дети армянских купцов, и не ставила перед собой широких образовательных задач. Школа давала минимальные знания, необходимые для занятия коммерческими делами.

В 1805 году в Астрахани было открыто первое армянское учебное заведение – Агабабовское училище³⁷, основателем которого был астраханский житель, купец Николай Иванович Агабабов. Попечителем учебного заведения был его сын – титулярный советник Иван Николаевич Агабабов³⁸.

С Петербургской армянской колонией связана и деятельность Макара Хоченца³⁹. Настоящая его фамилия – Гехамянц Маркар Захарович. Он уроженец Эривани, откуда он со своей семьей переехал в Смирну и был переводчиком у английского посла. Он пользовался репутацией ученого человека, свободно владел многими языками. Узнав о деятельности армянской колонии в Петербурге, установив связь с Аргутинским, он из Смирны переезжает в Петербург. Хоченц переводит на армянский язык популярный в XVIII веке роман французского писателя Фенелона – «Приключения Телемака» и при содействии Аргутинского издает его в 1794 году. Он является автором пере-

³⁵ См.: Иоаннисян А.Р. Россия и армянское освободительное движение... С. 170-177.

³⁶ Там же. С. 269-271.

³⁷ Речь идет об учебном заведении, которое существовало в Астрахани с конца XVIII столетия.

³⁸ См.: ЦГАЛИ. Ф. 733. Оп. 39. № 5310. Л. 1,7

³⁹ См.: Лео. История Армении. Т. 3. С. 1056-1057.

вода восточной повести «Роза и соловей» поэта XVI века Физули. Он же перевел эту повесть на французский и итальянский языки. В 1817 году Хоченц принимал участие в издании Санкт-Петербургским библейским обществом Библии на армянском языке.

Все вышеприведенное свидетельствует, что Петербург играл большую роль в жизни армянского народа в XVIII веке, оказывал содействие в укреплении русско-армянских культурных связей.

**РУССКО-АРМЯНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА**

На протяжении веков тянется цепь фактов, рисующих как различными путями и в различных областях русские и армяне встречались, работали вместе, взаимно содействуя развитию торговли, ремесел, обменивались богатейшим опытом национального искусства и литературы.

Наилучшим доказательством культурных связей и взаимоотношений русских и армян в Средние века являются литературные связи, хотя они в X-XIII веках имели эпизодический характер.

Уже в X-XIII вв. армяне проявляли интерес к русскому языку и письму. Первые известные нам сведения о русском языке в армянской литературе имеются в памятнике XII-XIII вв. под заглавием «Воскепорик» (Златочрев) из собрания армянских рукописей Венецианских мхитаристов № 258 (752)⁵⁶.

Некоторые из средневековых армянских поэтов в своих произведениях с большой любовью вспоминают «рузов». Имя «руз» впервые употребил в одном из своих стихотворений известный поэт своего времени Нерсес Шнорали (XII век). В своих загадках-скороговорках против слова «Русь» он пишет: «Ունի հազար դէնիկ խնդուկ»⁵⁷, т.е. «имеет тысячу денег». В этой загадке примечательным является то, что слово «деньги» поэт не переводит на армянский язык, а употребляет в русской форме. Следовательно, армянский поэт XII века был знаком не только с Русью, которую упоминает в своих загадках-скороговорках, но и знал отдельные русские слова.

Иерарх Киликийской Армении второй половины XII века, преемник Нерсеса по престолу в 1173-1193 гг., Григорий Отрок (Григор Тха) в своей элегии, написанной на взятие Иерусалима Саллаэдзином в 1187 году, упоминает «рузов» и «булгар»⁵⁸.

Армянский поэт XIII века Фрик в своем стихотворении «Жалоба», сетуя на мир за то, что бог внес различие между людьми по происхождению, физическим свойствам и социаль-

⁵⁶ Меликсет-Бек Л.М. Древняя Русь и армяне. С.99.

⁵⁷ Нерсес Шнорали. Загадки – скороговорки. Венеция. 1837. (на древнеармянском языке).

⁵⁸ См.: Меликсет-Бек Л.М. Из истории русско-армянских отношений. Известия АН АССР. 1954. № 4. С.24.

ному положению, отмечая, что Адам и Ева, создавая разные нации, дали им разные языки, чтобы они друг друга не понимали и не любили, перечисляет языки, какие только существуют в мире, упоминая и «рузов»:

Тот – франк, а этот – латынянин,
Тот – венецианец, а этот – гемузец,
Тот – римлянин, а этот – грек,
Тот – русский, а этот – гунн.⁵⁹

Русско-армянские литературные связи стали заметнее развиваться после крещения Руси и проявились в сфере церковной жизни. В частности, немаловажное значение имело появление в русском хронографе повествования о крещении Армении, а в армянской историографии – о крещении Руси.

Сведения, которые сохранились в древних армянских рукописях, конкретно не относятся к русским, а к славянским народам вообще. Так, в книге армянского ученого Анания Ширакаци (VII век) «Ашхарацуйц» (Армянская география) мы читаем сведения о том, где располагались славянские народы, в частности болгарские племена, в первой половине VII века. В «Ашхарацуйце» имеется также древнейшее географическое описание территории нынешней Украины и сопредельных стран под заглавием «О Европейской Сарматии», где Ширакаци упоминает реку Танаис (Дон)⁶⁰. В «Хронологии» А.Ширакаци есть сообщение об опустошительном походе хазаров на Закавказье в 685 году⁶¹. Упоминание русских в армянских источниках конкретно встречается лишь с X века – «История Тарона» Ована Мамиконяна, История Моисея Дасхуранского, Моисея Каланкатуйского (Каганкатваци), Стефана Таронского (Асохик).

Сведения об Армении стали проникать в русскую историографию с XI века. У русских летописцев XI века чаще встречаем упоминание об Армении и армянах, о существовании Армении Великой и Малой, о назначении епископа, о несогласии

⁵⁹ Фрик. Стихотворение. Ереван. 1941. С.232. (На арм.яз.)

⁶⁰ Абрамян А. Рукопись Ширакаци. Ереван. 1944. С.342. (на армянском языке).

⁶¹ Абрамян А., Туманян Б., Акопян Г., Мелик-Бахщян С. Анания Ширакаци. Ереван. 1958. С.113.

армян с решением четвертого Халкедонского собора. В «Повести временных лет», рассказывая «откуда пошла Русская земля», летописцы упоминают «Армению Великую и Малую» в перечислении стран, оказавшихся населенными «Афетовыми племенами»⁶². Здесь мы также часто встречаемся с упоминанием гор Араратских или Раратских, как конкретного географического понятия и крайнего предела Христианского мира⁶³.

Как указывает Тихомиров: «Вопреки распространенным мнениям о малом знакомстве русских с другими странами, мы сталкиваемся с некоторыми фактами, обнаруживающими у русских хорошее знание стран Востока. Среди народов Кавказа русские летописи упоминают и армян»⁶⁴.

Иная картина наблюдается с XVIII века, когда организуются архивы, сохранившие до наших дней важные документы, материалы. Основная часть документов, относящихся к истории русско-армянских отношений, сосредоточена в архивах Москвы, в частности – в архиве Внешней Политики России (АВПР), в Военно-историческом архиве (ВИА).

Помимо хронографа, первые сведения об Армении в русских книгах появились в 1765 году в «Дорожной географии» – справочное пособие «О всех в свете государствах». Армении в этой книге были посвящены две странички с краткими сведениями о территории, о климате и главных городах: «Сия земля веселая, воздух в ней хороший, здоровый и умеренный. Ефрат наводняет нивы. В ней собираются плоды, виноград, шелк и проч. Однако очень мало хлеба. Находятся несколько серебряных рудокопных заводов»⁶⁵. В 1779 году был издан «Всемирный

⁶² См.: Полное собрание русских летописей: Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб. 1846. С.2.; Т. V. Софйская первая летопись СПб. 1851. С.1.; Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскую летописью. СПб. 1862. С.2. Т. XVIII Симоновская летопись. СПб. 1913. С.2.

⁶³ См.: Симоновская летопись. С.65.

⁶⁴ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV-XV веках. М. 1957. С.216.

⁶⁵ Дорожная география, содержащая описание о всех в свете государствах, о их качестве, климате, нравах или обычаях, их жителях, сто-

путешественник», являющийся переводом с французского. В нем Армении уделено несколько страниц, где из отрывочных, случайных сведений составлен краткий историко-географический очерк. Здесь описаны города: Джульфа, Нахичевань, Эривань, озеро Севан и Эчмиадзинский монастырь. Здесь помещено письмо под № XIX, где написано: «Сие имя (Армения – И.А.) не может быть вам неизвестно, – государыня моя, – так начинается письмо об Армении, – Об нем часто упоминается в священной и светской истории. Армения почитается за первую землю, населенную людьми, спасшимися от потопа. В ней еще и гораздо раньше были жители, если то правда, как утверждают некоторые писатели, что здесь находился земной рай. Но столько раз переменяли положение сего чудесного сада, что ничего о том верно сказать нельзя... Армения есть страна плодоносная, и вообще приятная... Наилучший округ в Азии, сей части света в старину столь изобильной, а ныне столь опустошенной, по крайней мере в том месте, которое почитается колыбелью рода человеческого»⁶⁶. В 1776 году была издана книга, где имеются сведения об армянах. Книга эта была переведена с французского, а автор его Г.Бель, который в предисловии говорит о себе. Бель в 1714 году оказался в Персии и в своей книге «Путешествие из Санктпетербурга в Испаган, при отправленном посольстве от его имп. Величества Петра I к шаху Гуссейну, персидскому Софи, в 1715 году»⁶⁷, дает краткие сведения о Шемахе, об армянском населении в Тавризе, о своей встрече с армянскими крестьянами в армянской деревне Кара-Хина в 1717 году. Как пишет Бель, армяне устроили ему торжественную встречу. В описании этой встречи имеются сведения, свидетель-

личных городах, и о ведущих дорогах. Переведена с французского, печатана при Императорском Московском университете 1765 года. «Об Армении» стр. 131-133.

⁶⁶ См.: «Всемирный путешественник, изданный господином аббатом Де-ла-Порт, а на российский язык переведенная с французского». СПб. 1779.

⁶⁷ См.: «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли: в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь.» Перевел с французского Михайло Попов. Три части. СПб. 1776.

ствующие о настроениях армянского народа в Персии, о их симпатии к русским. Армяне в лице посланников русского императора видели представителей великой России, с которой связывали все свои надежды на лучшее будущее. Бель описывает также отдельные детали быта и жизни армянского населения.

В книге, изданной в конце XIII века, «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетании разных чужеземных в России обитающих народов, и при том нечто для холостых и женатых»⁶⁸, упоминается и об армянских обычаях. Автор этой книги Глеб Громов в своей книге повествует также легенду из древней мифологии о богине любви Анаит.

Другой автор конца XIII века Иоган Готтлиб Георги в своей книге «Описание всех обитающих в российском государстве народов»⁶⁹, после кратких исторических, географических и статистических сведений, переходит к характеристике армянского народа. Как отмечает К.Н. Григорьян, самым ценным в его описании является описание народных танцев армян⁷⁰.

Запечатленные в трудах русских и армянских летописцев исторические факты тождества описаний и трактовки событий устанавливают аналогии, которые не могут не обратить на себя внимания. Говоря об аналогиях, нельзя не отметить тот факт, что армянский историк VIII века Зеноб Глак в своей «Истории Таронской области»⁷¹ и русский автор «Повести временных лет» излагают по сути совершенно тождественную легенду об основании некоего города.

Повествуя о происхождении двух идолов в Армении, с культом которых пришлось бороться Григорию Просветителю, армянская легенда гласит: «А причина нахождения названных идолов в этом месте следующая: Деметр и Гисаней были князья

⁶⁸ См.: Глеб Громов. «Позорище странных и смешных обрядов». СПб. 1797. (в языке XVIII века слово «позорище» означало «зрелище»).

⁶⁹ Иоган Готтлиб Георгий. Описание всех обитающих в Российском Государстве народов. СПб. 1799. Ч. 4. С.46-52.

⁷⁰ Григорьян К.Н. Русские печатные источники конца XVIII – начала XIX вв. об Армении. // Известия АН АССР. № 6. 1955. С.83.

⁷¹ О книге Зеноба Глака см.: Айвазян К.В. «История Тарона» и армянская литература IV-VII вв. Ист.-филол. исслед. Ереван. 1976.

индов и братья племенами. Они замыслили против царя своего Динаскей козни, узнав о чем, царь послал за ними (с наказом) или убить их или изгнать их из страны. Оказавшись на волосок от смерти, они искали убежища у венценосца Валаршака, и он пожаловал им землю Тарон с правом владеть, где они построили город и назвали его Вишап. Придя затем в Агитишат, они поставили здесь идолов по именам тех идолов (Деметра и Гисанея), которых они почитали в Индах. Спустя пятнадцать лет армянский венценосец убил своих братьев, не знаю из-за чего, и дал власть трем их сыновьям – Куару, Мелтею и Хореану. А Куар построил город Куары, и назван был он Куарама по его имени; а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтий; а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времени, посоветовавшись, Куар, и Мелтей, и Хореан, поднялись на гору Каркая и нашли там прекрасное место с благорастворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлады, а также обилие травы и деревьев, и построили они там селение и поставили они двух идолов, одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра, и назвали его именем старшего брата Куара – Куаром»⁷².

Следует отметить, что на месте этого языческого святилища Деметра и Гисанэ в христианскую пору был построен монастырь святого Карапета.

Русская книжная легенда в «Повести врменных лет» гласит: «Подем же жившем особе и володеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ местехъ, владеюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревича. И створиша градъ во имя брата старейшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь, бяху мужи мудры и смыслени, нарицахуса поляне, от них же

⁷² «Книга повествований страны Тарона, названная Зеноб». Константинополь. 1719. С.68-69; Иоанн Мамиконян. История Тарона. Публикация и предисловие Ашота Абраамяна. Ереван. 1941. С.107-109.

есть поляне в Киеве до сего дня. Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оной стороны Днепра, темъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ, аще бо перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; по се Кий княжавше в роде своемъ, приходившу ему ко царю, якоже сказуютъ, яко велику честь приялъ от царя, при котором приходивъ цари. Идущую же ему вспять, приде к Дунаеви, и взлюби место, и сруби градокъ малъ, и хотяше сести с родомъ своимъ и не даша ему ту близъ живуци; еже и доньне наречаютъ дунайци городище Киевецъ. Кий же пришедшу въ свой градъ Киевъ, ту животь свой сконча: и брат его Щекъ, и Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася»⁷³.

Армянская легенда сохранилась в древнеармянском литературном памятнике, носящем название «История Тарона», автором которого считаются Зеноб Глак и Иоанн Мамиконян. Арменовед Манук Абегиан считает, что: «... под этими именами скрывается одно и то же лицо, которое древнюю часть написанной им «Истории» приписал какому-то автору, по имени Зеноб Глак, а последнюю – епископу Иоанну Мамиконяну. Так он поступил, чтобы придать большую достоверность и неоспоримость своему труду, как произведению современника»⁷⁴.

К такому методу автор обратился постольку, поскольку труд этот представляет собою компиляцию, составленную по разным источникам.

«Эта книга, – отмечает Манук Абегиан, – по своему простонародному языку, ясному и простому стилю и содержанию, в действительности является сборником народных сказаний, которые не имеют ничего общего с реальной историей, и, напротив, обладает всеми свойствами народных сказаний»⁷⁵.

Характер исторического предания, народного сказания имеет также книжная легенда о построении Киева в «Повести временных лет».

⁷³ Повесть временных лет. Ч. 1. М.–Л. 1950. С.12-13.

⁷⁴ Манук Абегиан. История древне-армянской литературы. Т. 1. Ереван. 1948. С.345.

⁷⁵ Там же. С.346-347.

Впервые на сходство этих двух легенд обратил внимание академик Марр в своей работе «Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси»⁷⁶. Этой темы он касался также в статьях «Яфетические зори на украинском хуторе («Бабушкины сказки о Свинье Красном Солнышке»)»⁷⁷ и «Скифский язык»⁷⁸. Марр отмечает: «В более древней, более обширной и более обстоятельной, именно армянской книжной легенде, часть, представляющаяся параллелью к русской книжной легенде, ее явно генетическим двойником, поражает совпадение не только отдельных конструктивных деталей, числа и имен героев, их деяний, но и описание природы. По русскому тексту читаем: «... на горе бяше около града (Киева) лесъ и боръ великъ, и бяху ловаще зверь», а в более обстоятельном, пожалуй, и многословном армянском изложении говорится, что на горе Каркая «нашли прекрасное место, с благорастворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев»⁷⁹.

Марр сопоставляет имена трех братьев и их сестры Лыбедь (Лебедь – похоже на название монастыря св. Карапета, построенного на месте языческого святилища в христианскую пору), названия племен поляне и палуник. Все эти сопоставления Марра правильны и точны. Но далее Марр делает попытку доказать, что и русская и армянская легенды «результат скифской устной народной редакции, т.е. в обеих книжных легендах имеем скифское племенное предание»⁸⁰.

Но доводы Марра, приводящие к такому выводу, неубедительны. Дальнейшие разыскания ученых решительно отвергают мысль о том, что русская и армянская легенды восходят к общей основе, возникшей на скифской или доскифской «стадии» обоих народов, как это стремился доказать Марр, говоря, что «русская

⁷⁶ Марр Н.Я. Избранные работы. Т. V. С.44-66.

⁷⁷ Там же. С.227.

⁷⁸ Там же. С.195, 208.

⁷⁹ Там же. С.61.

⁸⁰ Марр Н.Я. Указ. соч. С.62.

и армянская легенды–версии драгоценного скифского предания»⁸¹.

Проблему параллели русской и армянской легенды ставит Л.М.Меликсет-Бек в своей работе «Древняя Русь и армяне»⁸², где он очень кратко касается этого вопроса и при этом придерживается положений Н.Я.Марра.

Наиболее обстоятельно останавливается на этом вопросе Б.А.Рыбаков в своей статье: «Начало русского государства (представления летописцев о Руси VI-IX вв.)»⁸³. Б.А.Рыбаков старается определить время появления легенды о Кие. Вопрос о том, когда и кем был основан Киев, дебатировался в русской исторической науке с первых дней существования легенды. Глубокий интерес к этому вопросу понятен: проблема возникновения Киева – неотделимая часть древнейшей истории Русского государства. «Предание о трех братьях Кие, Щеке и Хориве, – писал Д.И.Иловайский, – есть не что иное, как попытка ответить на вопрос: откуда пошло русское государство»⁸⁴.

Долгое время киевская легенда вызывала недоверчивое отношение исследователей. Ее считали «этимологическим» или «эпонимным» мифом, полагая, что она возникла как попытка осмыслить древнюю киевскую топонимику (названия урочищ и реки). На необходимость серьезного отношения к легендарным рассказам русских летописей об основании городов обращал внимание еще М.В.Ломоносов: «Владетели и здатели городов в пределах Российских известны по Нестору: в Полянах Кий, Щек и Хорив; Славян новгородских по летописцу Славян и Рус. И хотя в оном летописце с начала много есть известий невероятных, однако же его откинуть невозможно»⁸⁵.

⁸¹ Там же. С.66.

⁸² Меликсет-Бек Л.М. Древняя Русь и армяне. Сборник трудов института языка им. Н.Я. Марра. Ереван. 1946. С.100-105.

⁸³ См.: Вестник Московского университета. № 4,5. 1955.

⁸⁴ Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Изд. 2-е. М. 1882-1886. С.52,65.

⁸⁵ Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием. Петроград. 1760. § 6.

Что касается данной легенды, то комментирование ее приводило к взаимно исключаящим выводам. Так, В.Н.Татищев легенду об основании города князем Кием считал вымышленной «от названия сего имени», основание же самого города относил ко времени «до пришествия Христова»⁸⁶. Князь М.Щербатов считал, что основателями Киева были гунны, что гунны, покорив алан «остались в земле оных и наконец дошли до места, где ныне Киев. Нашед себе сие место удобно к населению, тут вожди их остановились и вышеозначенные грады построили»⁸⁷. Все историки докарамзинского периода в своих толкованиях летописной легенды, столь не сходных между собой, сходились в одном: они не хотели верить, что Кий с братьями были славяне, а не гунны, не готы и не авары. Карамзин пишет: «Не видим мы нужды отвергать сказание Нестора, который приписывает строение Киева славянским племенам. Имена древние не всегда могут быть изъяснены языком новейшим, из чего не следует, что они произошли от иного языка»⁸⁸.

Главный вопрос, возникающий в связи с исторической оценкой киевской легенды – вопрос времени возникновения легенды, а, следовательно, и деятельности Кия, и построения городища на Старокиевской горе. Археологические материалы, добытые при раскопках городища⁸⁹, доказали, что летописная легенда об основании Киева – это рассказ о совершенно реальных явлениях: речь идет о конкретных поселениях, остатки которых обнаружены именно на трех названных в летописи горах, послуживших основой для возникновения города Киева. К сожалению, эти материалы не дают возможности точно определить дату, но свидетельствуют о том, что в VIII веке он уже существовал (керамика, найденная на дне рва, относится ко времени не позже VIII века).

⁸⁶ Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен. Кн. 2-я. М. 1773. Примечание 2-е.

⁸⁷ Кн. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен. Т.1. СПб. 1794. С.116-121.

⁸⁸ Карамзин М.Н. История государства Российского. Т.1. Примечание 71.

⁸⁹ Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. С.98-105.

Б.А.Рыбаков считает, что: «Наиболее вероятным временем жизни Кия (или того князя, который скрывается за этим топонимическим именем) является время царствования императора Юстиниана (527-565гг.) или его ближайших преемников Юстина II (565-578гг.), Тиверия (578-582гг.), Маврикия (582-602гг.), Фомы (602-610гг.)»⁹⁰. Рыбаков свои выводы основывает на том, что летописец поместил легенду о Кие раньше описания событий VII века. При этом примечательно, что летописцу оказалось неизвестным имя византийского императора, принимавшего у себя киевского князя. Рыбаков отмечает, что: «Летопись хорошо знает императоров IX – X веков, особое внимание уделяла Михаилу III (842-867 гг.), при котором было восстановлено почитание икон, впервые был записан греческими историками поход Руси на Царьград и были переведены книги на славянский язык. Знания летописца опускаются вглубь еще на одно столетие: хорошо известна деятельность императора Ираклия (610 – 641 гг.). Сведений о более ранних цесарях в летописи нет. Наиболее естественно считать, действие легенды о Кие происходило ранее VII века, как это и указано размещением статей в летописи»⁹¹.

Летописные сведения о Кие и его деятельности отражают очень важный, поворотный этап в развитии восточно-славянского общества, который можно считать начальным моментом в сложном и длительном процессе образования Киевской Руси. Легенда закрепляла мысль о том, что Киев был главным городом задолго до того времени, когда он во второй половине X века стал признанной столицей Руси. Может быть эта мысль и составляет наиболее реальную историческую основу древней народной легенды.

«Предание о Кие, Щеке и Хориве, – пишет Д.С.Лихачев, – ярко свидетельствует об интересе русского народа к своей истории еще в дописьменный период. Эта легенда имеет не только узко местный, но и общерусский интерес»⁹².

⁹⁰ Рыбаков Б.А. Начало Русского государства (представления летописцев о Руси VI-IX вв.) // Вестник Московского университета. № 4,5. 1955.

⁹¹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С.62.

⁹² Повесть временных лет. Ч. 2. М.-Л. 1950. С.220.

Говоря об этой легенде, М.К.Каргер пишет: «Чрезвычайно важно установить, к какому времени относится это предание. Армянский историк XIII века Зеноб Глак рассказывает об основании Куара (Киева) в стране палуни (Полян) Куаром, Мелтеем и Хореаном. Решительно отвергая мысль, что русская и армянская легенды восходят к общей основе, возникшей на скифской или доскифской «стадии» обеих народов, как это стремился доказать Н.Я.Мартен, следует думать, что Киевская легенда могла проникнуть в Армению через славянские поселения, издавна существовавшие на Северном Кавказе. Если это действительно так, то предание это во всяком случае уже существовало в VIII веке н.э.»⁹³.

Когда же создавалась «История Тарона», в которой мы встречаемся с легендой о построении города Куара? Как отмечает Манук Абегиан, «История Тарона» Зеноба Глака написана не ранее VIII века⁹⁴. По Мануку Абегиану: «Составление этой «Истории» приписывается какому-то Иоанну Мамиконяну, который якобы жил в VII веке. Но это – явная подделка. Это видно из «памятной записи» книги, в которой автор рассказывает какую-то обычную для поддельных книг историю. Затем он говорит, что свою книгу он написал «в царствование Геракла (610-641 гг.), по смерти Хосрова (590-628 гг.) по велению армянского католикоса Нерсеса (воссел на патриарший престол не ранее 641 года, умер в 662 году) и в княжение Ваана Мамиконяна, которого по матери зовут Камсараканом». Впрочем этот Ваан Мамиконян – Камсаракан в одном месте книги (стр. 56 и след. арм. текста) считается умершим и княжит уже его сын Тиран, «еще до того как Геракл пошел на персов» и когда «выступает Геракл и убивает Хосрова (628 г.)». Восемь лет спустя, значит в 636 году, был убит даже сын Ваана, Тиран, в борьбе его против Абдерахима, племянника Махмеда. В другом месте, moreover (стр.56 арм. текста), «в сто тридцатом году армянского летоисчисления» (130 + 551 = 681 г.) еще княжит тот же Ваан Камсаракан вместе с католикосом Нерсесом, которого уже не было в живых.

⁹³ Каргер М.К. Указ. соч. С.66.

⁹⁴ См.: Манук Абегиан. История древнеармянской литературы. Т. 1. Ереван. 1948. С.346.

Таким образом, автор имеет очень смутное представление о «прожитом им» времени, отсюда ясно, что он мог жить самое раннее в начале VIII века»⁹⁵.

Отсюда можно сделать вывод, что армянская легенда о построении города могла быть написана не ранее, как в VIII веке. Необходимо отметить также, что Зеноб Глак (или Иоанн Мамиконян) сказание это поместил в книге до описания событий, приуроченных к эпохе императора Маврикия (582-602 гг.), что вполне соответствует дате, установленной Б.А.Рыбаковым – VI столетию.

Не может быть и сомнения, что легенда эта возникла не позднее VIII века, если она в VIII веке могла попасть в «Историю Тарона» Зеноба Глака. Как замечает Д.С.Лихачев в своих комментариях к «Повести временных лет», в рассказе об основании Киева тремя братьями – Кием, Щеком и Хоривом лежит народное предание, записанное летописцем⁹⁶. Аналогичную характеристику дает армянской легенде Манук Абегиан, который считает, что книга Зеноба Глака «является сборником народных сказаний»⁹⁷. Но народные предания связаны с возникновением того или иного населенного пункта или местности, которые впоследствии персонифицировались, т.е. топонимические названия становились личными именами. Как русское, так и армянское сказание возникли на почве народного толкования реально существующих топографических названий.

Марр считал, что общие с древнерусской легендой мотивы выступают в той части легенды, где описаны действия братьев. Но это неверно: сходным можно считать весь эпизод, если, конечно, очистить его от наслоений, имеющих чужое происхождение. При этом нельзя не заметить совпадение имен, на что указывал и Марр:

Поляне – Палуник
Хорив – Хореан
Кий – Куар

⁹⁵ Манук Абегиан. Указ. соч. С.346.

⁹⁶ См.: Повесть временных лет. Ч. 2. С.11.

⁹⁷ Манук Абегиан. Указ. соч. С.346-347.

Не совпадают только имена Щек и Мелтей. Отсутствие сестры Лыбедь в армянской легенде компенсируется совпадением с именем Карапета (монастырь св. Карапета в области Тарон – от армянского «карап» – «лебедь»). Бросаются в глаза также совпадения в самом тексте. Почти аналогично ведется повествование о выборе места для построения будущего города.

В русском тексте: «Седяше Кий на горе, где ныне увозь Боричевъ, а Щекъ седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горе, от него же прозвася Хоревича. И сотвориша градъ во имя брата своего старшего, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лесъ и боръ великъ, и бяху ловяща зверь...»⁹⁸.

В армянском тексте: «... А Куар построил город Куары, и назван был он Куарами по его имени; а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтей; а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времен посоветовавшись Куар, Мелтей и Хореан, поднялись на гору Каркая и нашли там прекрасное место с благотворением (воздуха), так как были там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев, и построили там селение и назвали именем старшего брата Куаром»⁹⁹.

Безусловные ассоциации с древнерусским преданием вызывает и более широкий сюжетный фон армянского текста. Например, согласно русской легенде Кий искал поддержки у византийского императора, стремился осесть на Дунае, где даже построил городок, и лишь после неудачи укрепился на горах Киевских. С подобными же ситуациями встречаемся и в армянской легенде – за заговор против царя Деметр и Гисаней вынуждены покинуть свою страну и искать поддержку у Валаршака: они строят город Вишап и погибают, и только их сыновьям удается построить города, которые называют своими именами. Бегство Гисаней и Деметра от Динаска соответствует началу истории Кия; прием у Валаршака – приему Кия у византийского императора; пожалование им местности Тарон – попытке Кия обосноваться в придунайских землях; три города, построенные

⁹⁸ Повесть временных лет. С.12.

⁹⁹ Зеноб Глак. С.35-36.

тремя братьями в армянской легенде – трем горам в Киеве, на которых были поселения; основание города на горе Каркае – сооружению древнейшего Киевского городища.

Эти аналогии дают основание предполагать, что в основе как русской, так и армянской книжных легенд лежит одно предание.

Вряд ли можно представить, что летописец Киево-Печерского монастыря мог хоть сколько-нибудь знать «Историю Тарона», чтобы формы названий по народному толкованию ассоциировались с именами армянской легенды. Вероятнее всего, что русский летописец и армянский историк были знакомы с одним и тем же народным преданием, которое и изложили в своем труде, при этом каждый из них приспособил это предание к конкретной географической среде. Но нельзя, конечно, полагать, что это скифское предание, как отмечал Марр. Скорее всего это славянское предание, тем более, что в армянской легенде названо племя «палуник» – полян, а не скифское. Предание возникло в VII веке (но не позднее VIII века) и вскоре после своего возникновения вышло за пределы восточно-славянской территории и получило распространение у других народов.

Особый интерес представляет вопрос о проникновении славянской легенды в армянский источник VIII века, так как указывает на существование армяно-славянских связей еще до образования Киевского государства. Возникает вопрос – какой характер имели армяно-славянские связи в этот период. В этой связи немаловажно сообщение арабского писателя Баладури о том, что в VIII веке около 20000 славян были переселены арабским калифом в Кахетию¹⁰⁰. Благодаря этим славянам легенда, имеющая славянское происхождение, могла проникнуть в Армению и в сильно переработанном виде появиться на страницах древней армянской историографии.

¹⁰⁰ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб. 1870. С.38.

Все вышесказанное нами, – гипотеза, требующая дальнейшего доказательства. Но на наш взгляд, это единственно возможный путь проникновения славянского предания в Армению в VII-VIII вв. и дальнейшей книжной переработки на ар-

Титульный лист армянского «Айсмаурка»

мянской почве.

Говоря о русско-армянских литературных отношениях древнего периода, следует остановиться на «Сказании о святых Борисе и Глебе», которое в конце XII начале XIII века было переведено на армянский язык. Армянский извод Сказания был включен в армянский Айсмавурк – Четъи-Минеи, редактором которого был Тер Исраэль.

Сказание о Борисе и Глебе в армянском источнике фигурирует как: «Патмутюн србоц Давти ев Романоси»¹⁰¹, так как названные святые «... наречены от купели Романос и Давид, благонаравные были и боголюбивые паче всех братьев»¹⁰². О Борисе и Глебе Голубинский пишет: «Первыми святыми нашей Русской церкви были страсотерпцы Борис и Глеб, по христианским именам Роман и Давид, сыновья крестителя Руси, великого князя Владимира, потерпевшие смерть от руки брата своего Святополка»¹⁰³.

На первый взгляд кажется необычным, странным – русские князья-мученики в армянских Четъи-Минеях. Встает вопрос, каким путем вошло русское сказание в армянские Минеи. Но прежде чем выясним, каким путем русское Сказание вошло в армянский источник, обратимся к армянскому Айсмавурку вообще.

«Айсмавурк» (от «айсм-авур», что означает «в сей день») – сборник житий, где жития расположены по порядку дней месяца и обыкновенно озаглавлены как или Жития, или Сказания о жизни, мученической смерти, памяти святого. Как правило, повествование начинается со слов «айсм авур».

Жизнеописания святых, почитающихся всеми христианами, интересовали армян уже в древние времена. Это были святые, которые предпочли смерть во имя Христа, предали себя добровольно мукам и даже смерти. Так, еще в V веке армянские переводчики, которые приумножали духовное богатство своего

¹⁰¹ Книга, которая называется Айсмавурк. Полис. 1834. С. 39-42. (На древнеармянском языке).

¹⁰² Там же. С.39.

¹⁰³ Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М. 1903. С.43.

народа, перевели с греческого языка книгу, отражающую жизнь святых. Вслед за этим, в IX веке вардапет монастыря «Атом» – Гагик перевел с греческого языка книгу о жизни святых и назвал эту книгу «Атомадир»¹⁰⁴.

Говоря об этой книге, Н.О.Эмин пишет: «Книга эта не так обширна, не так полна как последующие армянские Минеи, но замечательна тем, что вся она состоит из переводов с сирийского языка. С X века, времени ее редакции, до XI века и далее не переставали пополнять ее новыми переводами житий святых то с греческого, то с сирийского»¹⁰⁵.

В IX веке жизнь святых заинтересовала католикоса Григора Вкаясера. Католикос Григорий, вступивший на патриарший престол в 1065 году под именем Григоря II в Цамендаве, недалеко от Мараша странствуя по разным странам собирал сведения о святых этих стран у свидетелей и очевидцев чудес, совершаемых на могиле. Он перевел эту книгу жизни святых с греческого языка на армянский. Помимо этого, Григор католикос собрал речи святых в отдельную книгу, которую назвал «Чарндир» («Избранные речи»). Книга эта предназначалась для чтения в церкви во время службы, посвященной тому или иному святому. Таким образом, он восполнил пробел в «Атомадире» Гагика, довершил начатый им труд и «оставил на земле, – как говорит Нерсес Благодатный, – духовную пищу для алчущих душ». Таковы начало и постепенный рост армянских Миней с V века до кончины Григория II, т.е. до начала XII века.

В начале XIII века вардапет Тер Исраэль, используя речи и описания жизни святых, которые были в «Чарндире», создает сводную редакцию житий святых, куда рядом с общепринятыми вошли и армянские святые. Эти жизнеописания он делит по дням года и называет книгу эту «Айсмавурк» и начинает ее с

¹⁰⁴ См.: Степанос Асогик. Всеобщая история. Переведена с армянского и объяснена Н. Эминым. М. 1864.

¹⁰⁵ Переводы и статьи Н.О. Эмина по духовной армянской литературе за 1859-1882 гг.: апокрифы, жития, слова и др. М. 1897. С.151.

первого дня сентября, считая этот месяц началом года по айсма-
вурку¹⁰⁶.

Согласно ненапечатанному труду Н.Адонца, синаксарный сборник житий на армянском языке появился в XI –XII веках и представлял собой не что иное, как перевод с греческого. Этот перевод уже в первой половине XIII века (между 1240-1249 гг.) был положен Тер Исраэлем в основу первой сводной редакции житий святых, куда вошли как общехристианские святые, так и армянские. Этот сборник Тер Исраэля был в XIII веке переработан дважды в Киликии. В XV веке Киракос вардапет, руководствуясь Айсмавурком Тер Исраэля, создает новый Айсмавурк.

В XV веке появляется Минея архимандрита Григория Церенца, уроженца Хлата, города, лежащего на северо-западе от озера Ван. Редакция ее относится к XV веку. Эта Минея во многих отношениях уступает первоначальным: «... ибо с одной стороны редактор, а с другой, – переписчики, без разбора и критики вносили в нее все, что попадалось им под руку по части житий»¹⁰⁷. Говоря о сборнике Григора Церенца, следует подчеркнуть его высокую художественность и народность. Как отмечает К.С.Тер-Давтян, Айсмавурк Хлатеци отличается от предыдущих следующей особенностью: во всех Айсмавурках все герои – признанные церковью святые, а у Хлатеци помимо общепринятых мы встречаемся с выходцами из народа, с простыми смертными, с народными героями (см.: Памятники армянской агиографии.//Пер. С древнеарм., вступ. Статья и примеч. К.С.Тер-Давтян.Ереван 1973).

Таким образом, под пером Григора Церенца Хлатеци происходит демократизация традиционного сборника, когда в церковную по характеру книгу проникают мирские темы.

Этот «Айсмавурк» начинает бытовать в церкви и используется по личному выбору служителей церкви и как бы на второй план отходит книга Тер Исраэля, в которой выборочно были даны и речи из «Чарндира». Этот искаженный «Айсмавурк» бы-

¹⁰⁶ См.: Предисловие Григора дпира Пештмашчяна к книге, которая называется Айсмавурк. Полис. 1834.

¹⁰⁷ Эмин Н.О. Указ. соч. С.153.

тует до 1834 года, несмотря на то, что признавался недоработанным и неточным даже простым народом.

И так как, согласно обычаю предков, «Айсмавурк» всегда читался до начала службы, после чего произносилось «Отче наш» и начиналась служба, желательно было восстановить «Айсмавурк» Тер Израэля. Как гласит народная поговорка «Вода из родника прозрачнее и чище, чем из реки»¹⁰⁸. Об этом было сообщено в церкви и монастыри разных городов, чтобы можно было обнаружить утерянный и забытый «Айсмавурк»¹⁰⁹.

Именно в этот период католикосом в Киликии назначается Тер Киракос, который вскоре сообщает, что в патриарших покоях обнаружил «Айсмавурк» Тер Израэля. Книга эта была написана на папирусе при царе Ошин и католикосе Константине. И так как отсутствовали первые и последние страницы истории, трудно было установить время его написания. Но была возможность по тексту определить эту дату. В этой книге за сентябрь месяц есть пометка, которая свидетельствует о том, что царь только был коронован и сын его Левон был еще отроком. Как известно, армянский царь Ошин взошел на престол в 1308 году и царствовал два десятилетия. Отсюда можно сделать вывод, что книга написана была в первый или второй год царствования, т.е. не позже, чем в 1309 г. уже после смерти Тер Израэля, следовательно, не могла не иметь некоторые отклонения и дополнения по отношению к книге самого Тер Израэля.

После того, как этот «Айсмавурк» был внимательно изучен издателем, пароном Галустом при содействии братьев Асцатура и Георга¹¹⁰, постановили заменить «Айсмавурк» Церенца данным «Айсмавурком». Но необходимо было корректировать и дополнить эту книгу. Работа эта была поручена Григору дпиру Пештмашчяну и вардапету Матевосу Чухаджяну¹¹¹. Они подвергают серьезной корректировке жизнеописания, дополненные после смерти автора, включают описания жизни представителей династии Рубенидов, которые до этого давались в сносках. Ре-

¹⁰⁸ См.: Предисловие Григора дпира Пештмашчяна.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

дакторы «Айсмаурка», сохраняя историческую часть книги и распорядок описания жизни святых, в свою очередь добавляют новые жизнеописания святых – Никогоса Брусаци и Варвары Гарнецы.

Айсмаурк бытовал в рукописном виде. Впервые публиковался Айсмаурк Григора Церенца в 1706г., затем в 1708 и 1730 гг. в Константинополе. В 1834 году в Полисе Григор дпир Пештмашчян и вардапет Матеос Чухаджян издали Айсмаурк, который в науке был признан Айсмаурком Тер Израэля. Но последующие исследования показали, что в основу издания 1834 г. был положен Айсмаурк Григора Анаварзеци (см.: Авдалбекян М. «Армянские прологи /Синаксари/ и их историко-литературное значение». Ереван.1982). В этом «Айсмаурке» мы встречаемся со Сказанием о Борисе и Глебе в армянской редакции – «Патмутюн србоц Давти ев Романоси»

Как русское «Сказание о Борисе и Глебе», так и армянский перевод описывают жизнь и смерть святых Бориса и Глеба и чудеса, совершающиеся после их кончины. Перед нами произведения, относящиеся к агиографической (житийной) литературе.

Житийная литература имеет свою историю, связанную с ходом развития христианства. Еще во II веке начали появляться произведения, описывающие мучения и смерть христиан, которые становились жертвой своих убеждений. Произведения эти назывались мучениями-мученичества. Все они имели одинаковую форму, при этом центральную часть составлял допрос мученика, который передавался в форме диалога между судьей и подсудимым. Заключительную часть составляли приговор и сообщение о смерти мученика. Следует отметить, что мученики не имели никаких вступлений, рассуждений, похвал или заключительных слов. До нас дошло незначительное количество мучений, при этом далеко не все могут претендовать на какую-то долю исторической достоверности.

С 313 года прекратились преследования христиан, мучеников не стало. Изменилось само представление об идеальном христианине и перед автором, поставившим цель описать жизнь будущего святого, встали задачи биографа. Так в литературе возникли жития.

Посредством житий церковь стремилась дать своей пастве образцы практического применения отвлеченных христианских понятий. Через посредство образов идеализированного христианского подвижника, жизнь которого протекала в обстановке «легенды» и «чуда», церковь насаждала среди народных масс свою идеологию.

«В житийной литературе «чудеса» и «видения», имеющие целью показать «святость» героя и могущество «небесных» сил, занимают очень важное место. Но «чудеса» и «видения» изображаются там большей частью внешне-описательно, как они представляются агиографу. Обнаруживается, скорее, результат «чуда», чем сам процесс его становления»¹¹².

Каноническая форма жития сложилась на почве Византии в IV веке (где к этому времени существовал характерный образец жития – «Житие Антония Великого, написанное Афанасием Александрийским»), откуда и проникла в Армению и на Русь в виде переводной литературы¹¹³. Житийная армянская литература появляется в V веке, житийная переводная литература появляется на Руси в XI веке.

Но ни русские, ни армяне не могли ограничиваться только переводом существующих византийских житий. Необходимость в церковной и политической самостоятельности от Византии заинтересовала в создании своего церковного олимпа, своих святых, могущих упрочить авторитет национальной церкви. Но агиографическая литература на русской и армянской почве получила своеобразное развитие, вызванное историческими обстоятельствами.

На Руси обращение к агиографическому жанру совпадает с началом летописания, созданием Киевского летописного свода. На русской почве агиографическая литература прошла своеобразный путь развития. Так как авторы русских житий героями своих произведений сделали князей, военная слава, политическая и придворная деятельность которых была уже рассказана и

¹¹² Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М. 1963. С.72.

¹¹³ См.: История русской литературы. Т. 1. М.-Л. 1941. С.90.; Манук Абемян. История древнеармянской литературы. Т. 1. Ереван. 1948.

в других нежитийных статьях, то они не могли слепо подражать византийским авторам, создавать образ праведника. Русские авторы житий заимствовали лишь общую тенденцию композиционного построения.

То обстоятельство, что русская агиография была тесно связана с ранним русским летописанием, способствовало обновлению жанра жития. Оно стало отражать прогрессивные идеи времени, в них звучала тема единства Руси, необходимости ее защиты от княжеских междоусобиц. Проявляется и тема патриотизма, правда, завуалированная узкоцерковным мировоззрением.¹¹⁴

В ранний период Киевского летописания и агиографии элементы исторического изложения и житийного повествования были слиты (летописные житийные повести): задачи, цели и творческие приемы летописца и агиографа не были расчленены.

В период культурной гегемонии Киево-Печерского монастыря замечается ясная дифференциация обоих этих направлений. В агиографических статьях этого периода изображается идеальный тип монаха-аскета, образец для подражания. Создается абстрактно-иконописный образ, заслоняющий конкретного исторического человека и его деятельность.

Агиограф стирает и обезличивает все временные и местные черты, выдвигает на первый план дидактическую сторону и занимательность повествования. В результате этого легендарно-фантастический, чудесный элемент становится преобладающим в житийной литературе. Образцом Киево-Печерских житий являются жития, принадлежащие перу Нестора («Чтение о житии и о погублении блаженную стратотерпцу Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печорского»). Нестор следует Византийским образцам и, например, в лице Феодосия Печорского мы видим типичный образ монаха-аскета византийских житий.

Но следует отметить, что, несмотря на то, что Нестор придерживается византийского трафарета, он часто удаляется от темы и житийного стиля, внося тем самым в агиографические

¹¹⁴ См.: Лихачев Д.С. Поэтика Древнерусской литературы. Изд. «Наука». М. 1979. С.55-80.

формы живое, реальное содержание. Но в целом, житие остается в рамках традиционного жанра.

В конце XIV – начале XV века происходит расцвет экспрессивно-эмоционального стиля. В житийной литературе, раскрывающей внутреннюю жизнь одного человека, все большее и большее внимание уделяется эмоциональной сфере, литература интересуется психологией человека, его душевным состоянием. Это приводит к экспрессивности стиля, к динамичности описания. В литературе развивается экспрессивно-эмоциональный стиль, а в идейной жизни все большее значение приобретает «безмолвие», уединенная молитва, совершаемая вне церкви, уход в пустыню – в скит. Это уединение личности, уход ее из общества также соответствовали духу развивающегося личностного начала. В русской агиографии первые проявления экспрессивно-эмоционального стиля связывают с именами Киприана, Епифания Премудрого и Пахомия Лагофета.

XVI век, когда митрополитом Московским был Макарий, является периодом расцвета русской агиографии. При его непосредственном участии были составлены «Великие Четьи-Минеи», в которые были внесены все имевшиеся к этому времени жития русских святых.

На русской почве житийная литература переживает эволюцию от традиционного жития до автобиографического произведения XVII века – «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», ставшего практически «лебединой песней» русской агиографической литературы, которая, таким образом имеет шестивековую историю.

Изменение характера жития на Руси связано с самой исторической обстановкой, с той реформой церкви, которая произошла в XVII веке. Критика этой реформы и привела к тому, что Аввакум вместо традиционного образа бедного «праведника» внес в свое сочинение образ крестьянина как представителя не только старого «благочестия», но уже и трудового народа вообще. Поэтому традиционная христианская тема «гордости» и «смирения» превращается у Аввакума в символическое изображение общественно-экономических отношений его времени.

Как же развивалась житийная литература в Армении, какой характер она имела?

Прежде всего, следует отметить, что христианство в Армении нашло распространение еще задолго до официального крещения в 301 году. При этом, христианство в Армении утверждалось путем ожесточенной борьбы с господствующей языческой религией. Немаловажным фактором было то обстоятельство, что Армения была окружена со всех сторон языческими государствами и первой приняла христианство как государственную религию.¹¹⁵

Так в Армении стали создаваться истории подвижников, мучеников-мученичества, повествующие о людях, замученных за приверженность христианской вере. В начале IV века эта борьба ознаменовалась официальным признанием христианства как государственной религии, но в течение нескольких десятилетий борьба между религиями, между проповедниками нового вероучения и хранителями древней веры – язычниками не утихла. И все это не могло не отразиться на литературе. Поэтому на армянской почве распространение получают не традиционные жития, как на Руси, а мучеников-мученичества, истории о мучениках и пишут их не монахи, а историки.

До нас дошли лишь несколько мучеников, относящихся к периоду до официального принятия христианства и свидетельства первых армянских историков – Павстоса Бюзанда, Лазаря Парбеци, Мовсеса Хоренаци. Периоду крещения армян посвящена «История Армении» Агатангелоса (V в.). Именно в этой истории мы находим мучеников святого Григора Просветителя и Рипсименских дев, мученичества апостола Тадеоса (Фаддея) и девы Сандухт, а также Шушаник Вардени. Все вышеназванные произведения относятся к V веку. Основная задача этих мучеников – проповедь христианских идей, борьба с язычеством. Но они отличаются друг от друга затронутыми проблемами, положением дел и судьбой героев.¹¹⁶ В них всесторонне раскрывалась душа героя, который, каждый своим путем, добивался свободы совести и убеждения, терпел во имя этого

¹¹⁵ См.: Манук Абемян. История древнеармянской литературы. Т. I. Ереван. 1948г. С.108.

¹¹⁶ См.: Мовсес Хоренаци. История Армении. Кн. II. С.34.

мучения, страдания, предпочитал умереть, но не осквернить свою душу.

Икона святых Бориса и Глеба. XIV в.

Яркое изображение реальной жизни, правдивость и естественность обрисовки героя, его психологии делают эти произведения увлекательными и выразительными. При этом нельзя

подвести их к какому-либо трафарету, как это было в житийной литературе в целом, и в русской в частности, где описанию подвергались те факты жизни героя, которые выражали церковную идеологию, христианскую мораль, а об остальных моментах жизни героя просто умалчивалось. В армянской мартирологической литературе главное – борьба за свободу совести и вероисповедания и каждый герой идет к этому своим путем.

Интересен тот факт, что русское житие о Борисе и Глебе, переведенное на армянский язык и включенное в армянский «Айсмавурк» под 24 июня, в армянском изводе схоже с армянскими мартирологами – в центре внимания мученическая смерть Бориса и Глеба. Единственное, что сохранено автором извода «Փաժմյոն սրբոց Դավի եւ Ռոմանոսի» – описание чудес, происходящих на могиле братьев, которые испытал на себе сам автор

Князь Борис

перевода, в то время как в армянских мартирологах этих описаний чудес после смерти героя мы не наблюдаем. Как мы видим, традиционная житийная литература, характерная для всех христианских государств, получает своеобразное развитие в каждом конкретном случае в зависимости от исторических обстоятельств, традиций и задач, стоящих перед данным народом и страной.

В древнерусской литературе имеется два Сказания о Борисе и Глебе – анонимное Сказание и Чтение о

Борисе и Глебе, принадлежащее перу Нестора.

Сказание – первое крупное произведение древнерусской агиографии. Сама тема подсказала автору жанр произведения. Но тем не менее Сказание не является типичным произведением агиографической литературы. На стиль Сказания оказала влияние Византийская агиография, но Сказание отстывает от традиционной трехчастной формы византийских житий (вступление, изложение биографии, заключительная похвала). Автор преодолевает и форму, и основные установки византийской агиографии, что и сам сознает, назвав свое произведение «Сказанием», а не «Житием». В центре Сказания – агиографически стилизованные портреты Бориса и Глеба и полный напряженного драматизма рассказ об их трагической гибели. Едва ли не самая показательная особенность Сказания как литературного произведения – широкое развитие в нем внутреннего монолога. Своим образом монологов произведений подобного жанра является то, что произносятся действующими лицами как бы «немо», «в себе», «в сердце», «в своем уме», «в души своей». В Сказании имеем внутренний монолог, ничем не отличающийся от прямой речи, произносимой вслух. Автор Сказания не придавал большого значения исторической достоверности своего повествования. Здесь, как и во всяком агиографическом произведении, многое условно, историческая правда полностью подчинена морально-политическим и церковно-обрядовым задачам, которые поставлены автором в данном произведении. И, как отмечает Н.Н.Ильин, Сказание со стороны достоверности мало отличается от «настоящих житий»¹¹⁷.

Борис и Глеб были первыми русскими святыми, следовательно, «первыми собственными предстателями за нее (за Русь – И.А.) перед Богом и первым залогом Божия к ней благоволения».¹¹⁸

Борис и Глеб были мучениками не совсем в собственном и строгом смысле этого слова, так как хотя они потерпели мученическую смерть, но это была смерть не за веру Христову, а по

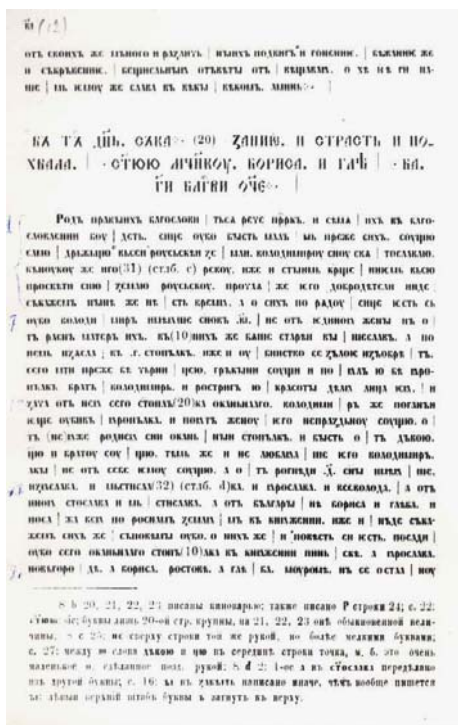
¹¹⁷ См.: Ильин Н.Н. Летописная статья. 6523 года и ее источник. М. 1957.

¹¹⁸ См.: Голубинский Е. История Русской церкви. Т. 1. М. 1904. С.386.

причинам политическим, не имеющим отношения к вере. Автору необходимо было признание Бориса и Глеба как святых русской церкви, поэтому автор Сказания придерживается обязательного условия для причисления к лику святых – чудотворения и основную часть своего произведения посвящает описанию чудес, совершаемых мощами Бориса и Глеба. Как указывает Ильин, Сказание действительно не представляет собой строгого канонического жития, составленного по византийским шаблонам. Оно было иного рода попыткой объединить и закрепить в литературной форме разрозненные и противоречивые обрывки устных преданий о гибели Бориса и Глеба, обстоятельства которой вуалировались религиозной дымкой, образовавшейся вокруг

их
вышегородских
гробниц.¹¹⁹

«Чтение о житии и погублении блаженную стратотерпца Бориса и Глеба», составленное автором Жития Феодосия Печерского Нестором, иноком Киево-Печерского монастыря, представляет собой Житие по типу византийских агиографических произведений. Нестор взялся за описание в духе византийских монашеских и великомученических житий. Автор начинает Чтение с молитвы и с признания «грубости и неразумия» своего сердца, с «худости» автора. Далее он говорит об искуплении Христом человеческого греха, приводится притча

*Первая страница русского
«Сказания о Борисе и Глебе»*

¹¹⁹ См.: Ильин Н.Н. Указ. соч. С.65.

о рабах, затем уже следует повествование о Борисе и Глебе. И здесь, в отличие от Сказания, мы знакомимся с подробностями биографии братьев, автор говорит о их любви к чтению, о том, что оба брата «оделяли милостыней» всех нуждающихся; о том, что юный Борис женится, уступая лишь воле отца; повествует о том, что Глеб находился при отце и по смерти его пытался скрыться от Святополка в «полнощные страны». То есть Чтение написано по строго установившимся агиографическим схемам. Влияние византийских шаблонов сказалось и на литературном языке Чтения, в манере заменять конкретные собственные имена условными обозначениями и эпитетами. В иных случаях

*Первая страница армянского извода
«Патмутюн Српоц Давти ев Романоси»*

личные имена и географические названия исчезают вовсе: не встречаются названия рек Альты и Смядины, имена убийц и даже имя Георгия Угриня.

В отличие от яркого и насыщенного эмоционального стиля Сказания, изложение Нестора бледно, отвлеченно и сухо, образы погибших схематичны и безжизненны, и поэтому, как указывает С.А.Бугославский: «Чтение Нестора, давшее агиографическое решение исторической темы, не смогло вытеснить более яркий исторический рассказ анонимного Сказания».¹²⁰

¹²⁰ См.: Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. // Известия отд. русск. яз. и словесности императорской Академии Наук. Т. 19. К. 1. СПб. 1914.

Чтение – настоящее житие, литературное произведение, о форме которого автор составил себе представление из чтения переводных житий. Но Чтение не было просто житием церковного типа. Это было произведение философско-исторического характера, в нем давалась определенная концепция мировой истории. В отличие от других агиографов Нестор, вопреки господствующим в древности приемам, заявляет о своем авторстве. В конце Чтения он открывает свое имя, подчеркивает назидательную цель своего труда и поясняет, что пользовался для него письменными и устными источниками, данные которых дополнил собственными разысканиями.

Князь Глеб

Впервые о существовании в армянских Четьи-Минеях «Сказания» о русских святых сообщил Н.О.Эмин в 1877 году в своей статье «Сказание о святых Романе и Давиде по армянским Четьи-Минеям»¹²¹. Н.О. Эмин ставит два вопроса и отвечает на них: откуда вошло русское Сказание в армянские Минеи? и что служило источником армянского Сказания о Романе и Давиде? Вопрос, откуда вошло русское Сказание в армянские Минеи, Н.О.Эмин решает очень просто. Он обращается к самому армянскому Сказанию, в конце которого читаем небольшо-

шую заметку, вставленную, по мнению Эмина, тем, кто вносил его в армянские Минеи. Рассказ о чудесах завершается следующими словами: «...много других совершено чудес этими святы-

¹²¹ Эмин Н.О. Переводы и статьи по духовной армянской литературе (за 1859-1882 гг.): Апокрифы, жития, слова и др. М. 1897. С.150-155.

ми и они записаны в пространной их истории, чудеса совершаются ими и поныне. Многие из нашей страны, видевшие эти чудеса, рассказывали нам». Приводя эту заметку, Эмин делает следующий вывод: «... один из многих армян, посещавших в старину Киев и бывших свидетелями помянутых чудес, живший долго, быть может, в этом городе и хорошо знакомый с русским языком, возымел благочестивое желание перевести на свой язык «Сказание о Романе и Давиде». По возвращении в отечество, он, вероятно, познакомил с ним представителей своего духовенства и через них оно вошло в армянские Минеи»¹²². И как заключение Эмин пишет далее: «Вот, по нашему мнению, путь, которым могло войти в Армению русское «Сказание» и вошло оно в Малую Армению, т.е. в Киликию, во время господства здесь последней армянской династии, а именно династии Рубенидов»¹²³. Для доказательства своих выводов Эмин приводит следующие аргументы: во-первых, что последнюю редакцию армянские Минеи получили в Киликии; во-вторых, слово «барон», которое фигурирует в армянском переводе, встречается и в армянской письменности этой страны с появлением в ней крестоносцев.

Так в своей статье Н.О.Эмин решает первый вопрос. Далее он обращает внимание на то, что могло послужить источником армянского Сказания. Русский рассказ о Борисе и Глебе дошел до нас в двух литературных произведениях. Одно – «Сказание анонимное, приписываемое черноризцу Иакову», другое – «Чтение», принадлежащее перу летописца Нестора. В связи с этим Эмин пишет: «По внимательному сличению армянского «Сказания о Романе и Давиде» с помянутыми двумя списками (имеются в виду «Сказание» и «Чтение» – И.А.), мы пришли к заключению, что первому служило источником Сказание черноризца Иакова, у которого подробнее и обстоятельнее, чем у Нестора, излагаются чудеса, совершенные святыми князьями над недужными. Эта же подробность, равно как и объем рассказа о каждом чуде и последовательность, в какой чудеса описы-

¹²² Эмин Н.О. Указ. соч. С. 154.

¹²³ Там же. С. 154.

ваются одно за другим, замечаются¹²⁴ и в армянском «Сказании».

Таковы соображения Эмина относительно армянского «Сказания», о путях, по которым могло попасть оно в армянские Минеи, об источнике его. Эмин в своей статье ставит также вопрос, на который сам он не дает ответа: «...интересно было бы знать, какая это «пространная история»?¹²⁵

Долгое время в науке это было единственной точкой зрения. И лишь в 1909 году к этому вопросу обратился В.Н.Бенешевич в своей статье «Армянский пролог о св. Борисе и Глебе»¹²⁶. Свой интерес к этому вопросу Бенешевич объясняет тем, что высказанные взгляды Эмина он не признает сколько-нибудь солидно обоснованными. Он в своей статье приводит доводы Эмина, изложенные нами выше, подвергает их сомнению и считает, что сам Эмин перевод Сказания дает по Минеи редакции Церенца, а не Киликийской, как сам отмечает, и считает, что ни один довод Эмина не обоснован. Бенешевич отмечает, что историю происхождения «Сказания» надо основывать на наблюдениях иного рода, ибо Эмин, опирается на случайные признаки. Таким случайным признаком Бенешевич считает вставку «и милого своего барона», которую нельзя принимать как доказательство киликийского происхождения Сказания. Он, так же как и Эмин, рассматривает два вопроса, вопрос пути, по которому Сказание попало в армянские Минеи, и вопрос источника.

По Бенешевичу, результат сравнения текста Сказания с древнерусским текстом может быть сформулирован следующим образом: Сказание Иакова, как и Нестора, не может считаться подлинником, из которого непосредственно черпал редактор армянского Сказания. Он пишет: «...оригинал последнего был сам не что иное, как переработка какого-то особого вида расска-

¹²⁴ Эмин Н.О. Указ. соч. С. 154.

¹²⁵ Там же. С. 153.

¹²⁶ Бенешевич В.Н. Армянский пролог о св. Борисе и Глебе. // Изв. отд. русск. яз. и словесности императорской Академии наук. Т. XIV. Кн. 1. СПб. 1909. С. 201-236.

за о святых (по-видимому, именно упоминаемой здесь «пространной» истории святых)¹²⁷.

Говоря о путях, по которому Сказание могло попасть в армянские Минеи, Эмин считает, что составитель его армянин, который жил в России, и под «нашей страной» автор подразумевает Армению. Бенешевич также утверждает, что составитель армянской переработки «неизвестного» русского Сказания не русский, ибо резко противопоставляет «новообращенной стране Рузов» «нашу страну». Но он отмечает при этом, что автор даже не жил в России, как считает Эмин. Он не согласен также с тем, что Эмин под «нашей страной» подразумевает именно Армению. По Бенешевичу, есть много соображений, говорящих в пользу того, что под «нашей страной» следует разуметь Византию, а не Армению, и, следовательно, надо считать армянское Сказание переводом с греческого, а не с русского.

Соображения Бенешевича по этому поводу следующие:

А/ Сказание о Борисе и Глебе могло войти в армянские Минеи в XII веке в составе переданного тогда греческого сборника житий святых, так как чествование святых Бориса и Глеба в Константинопольской церкви началось не позже первых десятилетий XII века.

Б/ Примечание: «...суть и ина много чудеса святых писана в совершенной повести их (и они совершают знамения вплоть до сегодня), их же мнози от нашея страны (сея) очевидцы бывше поведаютъ нам», – могло быть приведено редактором, жившим не в том месте, где святые страдали, но, по крайней мере, там, где особенно живо было почитание их. Известно, что в Константинополе есть церковь святых мучеников Бориса и Глеба, а в Армении таких мест нет.

В/ Если уже к 1117 году относится построение церкви святых в Цареграде, то заключительные слова «умножи и нам благодать исцеления, якоже во оней стране, иже с ними чтемъ память сихъ», должны быть приписаны византийцу.

Г/ Сходством с русской церковью, праздновавшей память Бориса и Глеба много раз в году, вызвано, быть может, и появление новых дней празднования памяти святых 5 мая и 8 июля

¹²⁷ Бенешевич В.Н. Указ. соч. С.208.

(по армянской редакции), неизвестных русской церкви. Освящение церкви в Испагане, явление святых в Константинополе или перенесение чудотворной иконы их в св. Софию были бы в Константинополе достаточными поводами для установления особых дней празднования дней памяти. Странно, конечно, что и в сделавшихся известными уже в разных видах одной первоначальной армянской редакции встречаем разные числа одного и того же месяца. Но, как отмечает далее Бенешевич, объяснять этот факт теперь не время, так как история армянских Миней представляется в подробностях сложной и мало изученной.

Д/ Наконец, даже особенности самого языка армянского Сказания показывают, что это перевод с греческого.

Закljučая свои доводы, Бенешевич пишет: «Приведенные наблюдения пока достаточны лишь для того, чтобы вопрос о греческом подлиннике армянского сказания поставить на прочную почву в качестве руководящей гипотезы для будущего более счастливого исследователя; разрешение же его зависит как от дальнейшего изучения самой истории армянского текста, так и от поисков в других направлениях; возможно, что найдутся или красноречивые редакции среди русских и юго-славянских проложных сказаний или отголоски пользования в житиях соименных юго-славянских святых; возможно и то, что житие русских святых или следы его окажутся хотя бы в грузинских переводах с греческого; возможно, наконец, и то, что сказание не входило в греческие минеи, а обращалось в виде самостоятельного произведения и найдется в каком-нибудь греческом сборнике. Значение армянского текста заключается еще и в том, что оно впервые дает след существования греческого жития о св. Борисе и Глебе»¹²⁸.

Таковы доводы Бенешевича по данному вопросу. Но следует отметить, что Бенешевич, подвергая сомнению точку зрения Эмина, тут же отмечает, «...что еще и теперь не пришло время для того, чтобы с уверенностью и основательностью приступить к решению хотя бы главнейших вопросов, разъясняющих историю армянской редакции, а с нею и других редакций

¹²⁸ Бенешевич В.Н. Указ. соч. С.212-213.

сказания»¹²⁹. Бенешевич в своей статье не дает окончательного ответа на вопросы, поставленные в начале статьи. Он считает невозможным разрешение вопроса, так как история основных редакций армянских Четвы-Миней XI-XII века не изучена основательно.

Позднее, в 40-ых годах XX века, к вопросу об армянском Сказании о Борисе и Глебе обратился Л.М.Меликсет-Бек в статье «Древняя Русь и армяне»¹³⁰. Меликсет-Бек придерживается мнения Бенешевича: «Что армянский пролог о Борисе и Глебе является обработкой греческой версии, а не непосредственной русской редакции, видно по тому, что чисто русские собственные имена приводятся в греческой форме с особым искажением: Стаполкас – Святополк; Равствалос – Ярослав; Прамерос – Владимир; Меронес – Миронег; Блатимос – Владимир; Георгос – Георгий; Паврис – Борис; Кювай – Киев; Весольратон – Вышгород; пицанк – печенег и т.д.».

Итак, в науке были поставлены вопросы об источнике и путях проникновения русского Сказания о Борисе и Глебе в армянские Четвы–Миней, но вопросы эти не получили своего окончательного разрешения. В нашей работе мы ставим следующие вопросы:

1. Когда составлен армянский перевод русского Сказания?
2. Что явилось источником данного Сказания?
3. Каков характер перевода?
4. Чем объяснить, что армянский переводчик остановил свой выбор именно на этом произведении?
5. Как вошло русское Сказание в армянские Миней?

Если обратиться к вопросу о том, когда составлен перевод русского Сказания, то из самого текста, из его заключительной части, можно сделать следующий вывод: древнеармянский перевод Сказания о Борисе и Глебе выполнен около 1173 года (в тексте отмечается, что храм, где собраны мощи Бориса и Глеба, «... возобновили придав ему большее благочестие в лето армян-

¹²⁹ Бенешевич В.Н. Указ. соч. С.203.

¹³⁰ Меликсет-Бек Л.М. Древняя Русь и армяне. // Изв. АН Арм ССР. Т. 1. Ереван. 1946. С. 97.

ской эры 622 (= 1173 году)», но не позднее первой половины XIII века, так как составитель армянских Четъи-Миней Тер Израэль умер в 1249 году. Следовательно, перевод должен был быть составлен до 1249 года, при жизни Тер Израэля. Учитывая вышесказанное, можно предполагать, что перевод составлен тогда, когда Тер Израэль создавал сводную редакцию житий святых, между 1240-1249 годами.

Говоря о путях проникновения русского Сказания в армянские Минеи, Н.О.Эмин отмечает: «... что вошло оно в Малую Армению, т.е. в Киликию, во время господства здесь последней армянской династии, именно династии Рубенидов»¹³¹. В качестве довода Эмин приводит слово «барон» – «парон», с которым сталкиваемся в тексте армянского Сказания. Слово «барон» впервые появилось именно в Киликии с появлением крестоносцев. Армянские владетельные князья этот титул приняли вместе со многими западными титулами, каковы: маршал, сир, и пр. Слово «барон» в данном тексте употреблено в значении «господин», «князь».

Говоря о доводах Эмина, Бенешевич отмечает, что «...вставка «и милого своего барона» хотя и отсутствующая в списке Г (список, напечатанный в 1834 году)¹³², но естественная в одной из киликийских редакций, попала в редакцию Ц (редакция Церенца) разве только из редакции К (редакция Киракоса) и едва ли могла находиться в редакции И (редакция Тер Израэля), как видно из отсутствия ее в Г, а значит пока еще не может приводиться в доказательство киликийского происхождения Сказания»¹³³. Выводы Бенешевича, в данном случае, несколько не обоснованы, так как, как он сам отмечает в своей статье, у него не было возможности ознакомиться с рукописями армянских Четъи-Миней.

Ознакомление с рукописями дает нам основание отметить, что вставка «и доброго князя и милого барона» характерна для всех рукописей армянских Четъи-Миней, просмотренных на-

¹³¹ Эмин Н.О. Указ. соч. С.154.

¹³² Данные условные обозначения принадлежат В.Н.Бенешевичу.

¹³³ Бенешевич В.Н. Указ. соч. С.206-207.

ми¹³⁴, как редакций Тер Исраэля, так и Церенца. При этом следует отметить, что в некоторых рукописях вставка эта звучит несколько иначе, но слово «барон» остается без изменения во всех рукописях. Так, например, в рукописях № № 1506, 3814, 4737 и др. мы читаем: «и милого господина и доброго барона». Итак, армянское Сказание о Борисе и Глебе проникло в Киликийскую Армению в конце XII – начале XIII века, но не позже, чем в 1249 году.

Что послужило источником армянского Сказания?

Говоря об источнике армянского перевода Сказания о Борисе и Глебе, необходимо обратиться к самому тексту армянского Сказания, где мы читаем: «Много других совершено чудес этими святыми, и они записаны в «пространной» (совершенной) их истории». Следовательно, автор имел перед собой пространное-совершенное Сказание, где описано много чудес святых, по крайней мере, число их должно было быть больше чудес, переданных армянским переводчиком. «Мы здесь рассказали и изложили немного из многого» – отмечает далее автор.

С этой точки зрения и рассмотрим известные нам тексты русского Сказания о Борисе и Глебе¹³⁵. Текстологические разыскания дают нам основание отметить, что источником для армянского Сказания могло служить пространное Сказание, где имеем подробное описание чудес. А так как перевод этот принадлежит концу XII века или к началу XIII века и составлен не позднее, чем в 1249 году, то таковым источником является Сказание, помещенное в Сборнике Московского Успенского собора, относящегося к XII веку – древнейший список Сказания, дошедший до нас. Список этот раньше принадлежал Московскому Успенскому собору, а затем Московской Синодальной библиотеке. В этом списке имеется повесть о посмертных чудесах Бориса и Глеба, которая, по мнению Д.И.Абрамовича, была

¹³⁴ Рукописный фонд Института древнеармянских рукописей им. М.Маштоца. Рукописи №№ 1507, 1508, 3817, 3818 и т.д.

¹³⁵ Нами привлечены рукописные тексты русского Сказания из рукописного собрания Гос. публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.

составлена отдельно и независимо от жития¹³⁶. По-видимому, именно эта повесть о чудесах и называется в армянском тексте «пространной историей о чудесах», так как здесь, в этой повести, мы видим обстоятельное описание чудес. Следует отметить также, что чудеса в армянском тексте даны в такой же последовательности, в какой они даны и в русском Сказании. Итак, анонимное Сказание о Борисе и Глебе послужило источником армянского извода.

Но каков характер этого перевода?

Текст Сказания по содержанию можно разделить на три части: первая – вступительная, содержит краткие сведения о семье князя Владимира; вторая – рассказ об умерщвлении Бориса и Глеба – повествует о событиях, начинающихся со смерти Владимира и вокняжения в Киеве Святополка и заканчивается известием о погребении Глеба и Бориса в Вышгороде; третья – похвала Борису и Глебу, составляющая как бы заключение Сказания. Далее следует описание чудес «святою страстотерпцу христову Романа и Давида».

Первая, вступительная часть Сказания, передана переводчиком очень кратко, переводчик лишь говорит о принятии христианства Русью и о том, что у Владимира было 12 сыновей.

Вторая часть, так же как и первая, не переведена полностью, а пересказана переводчиком армянского текста, при этом автор акцентирует свое внимание на междоусобицах и на братоубийстве, как логическом исходе при междоусобицах. В этой части переводчик старается подчеркнуть «святость» и «благонравность» «единоматерных братьев Бориса и Глеба», противопоставляя им «окаянного» и «злого» Святополка. Далее переводчик вкратце излагает рассказ об убийстве Святополком Бориса и Глеба, о вокняжении в Киеве Святополка и о погребении при Ярославе Бориса и Глеба. Следует отметить, что переводчик ведет рассказ своими словами, при этом очень сокращенно, как бы констатируя факты русской действительности того времени.

¹³⁶ См.: Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. П. 1916. С. 2-10.

Заключительная часть Сказания, как и ее историческая часть, передана в измененном виде, переводчик просто пересказывает от своего имени, поэтому и возможно появление следующей фразы: «... и много других совершали чудес святые, которые описаны в пространной истории их и совершаются ими по сей день, которые видели многие из нашей страны и рассказали нам». В русском тексте этой фразы нет, она является вставкой, произведенной переводчиком. Необходимо обратить внимание также на следующее обстоятельство: во всех рукописях армянских Четьи-Миней мы имеем памятные записи, принадлежащие переписчику или владельцу данного экземпляра. Эти памятные записи различаются друг от друга, но все они подчеркивают всеобщее признание русских святых: «... Романос и Давид, как светила, распространили между рузами лучи богопочитания, благодаря чудесам, многоязычная молва (подчеркнуто нами – И.А.) о которых шла всюду».

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: переводчик армянского Сказания не придерживается строго текста русского Сказания, он пересказывает содержание русского Сказания, останавливаясь на основных моментах.

Иная картина наблюдается в той части Сказания, где автор описывает чудеса, совершаемые мощами русских святых. В этой части переводчик придерживается текста источника, при этом чудеса описаны в такой же последовательности, как и в русском тексте. Но, как отмечает сам переводчик, «Мы здесь изложили и рассказали немного из многого», т.е. далеко не все чудеса, которые изложены в их пространной истории переданы переводчиком. Необходимо отметить также, что в русском тексте о чудесах, совершаемых мощами святых Бориса и Глеба, святые названы именами по крещению – Роман и Давид, т.е. так, как и герои армянского Сказания.

Приведенные нами текстологические сопоставления армянского и русского текстов Сказания приводят нас к заключению, что пространной историей, о которой говорит переводчик армянского Сказания, является древнерусский текст, дошедший до нас в Сборнике Московского Успенского собора, относящегося к XII веку – древнейший в настоящее время список Сказания, оставшийся неизвестным Н.О.Эмину и В.Н.Бенешевичу.

Н.О.Эмин считает, что переводчик армянского текста армянин, один из тех, кто жил в Киевской армянской колонии. В.Н.Бенешевич отмечает, что переводчик русского Сказания не русский и при этом добавляет, что заключительные слова текста не могут принадлежать армянину, а должны быть приписаны византийцу, так как «благодать исцеления, якоже во оней стране иже с ними чтем память сих» могла коснуться только византийца. Это очень слабый аргумент, ничего не говорящий, так как в каждой рукописи переписчики или владельцы оставляли свои памятные записи. Приведем памятные записи некоторых армянских рукописей: «В дни праздника **благодать исцеления** (подчеркнуто нами – И.А.) распространяется и по иным странам во имя Христа. Благословения их коснулись и меня, получившего это писание, Улухана и жены Шахера и детей...»¹³⁷.

«И не прекратиться **благодать исцеления** (подчеркнуто нами – И.А.), которая коснулась и меня, получившего писание это, Ованеса, Антона, Захара, Петроса, Айваза»¹³⁸.

«... и милостью которых получил **благословение Христова** (подчеркнуто нами – И. А.), написавший сие Акоп, его отец Цатур, мать Асорик, брат Мартирос, сын Саргис, внук Киракос»¹³⁹.

Можно привести ряд других памятных записей из армянских рукописей, все они принадлежат переписчику или владельцу данного Айсмаурка, а не одному редактору. Но бесспорно, что ни одно из этих заключений нельзя приписать византийцу, они принадлежат армянам. Так что, исходя из заключительной части текста нельзя делать вывод о первоисточнике текста.

Чем объяснить, что армянский переводчик остановил свой выбор именно на этом произведении, произошло ли это случайно или чем-то обосновано? Только ли признание русских святых армянской церковью привело к этому или какие-либо другие обстоятельства побудили автора обратиться именно к этому Сказанию? На наш взгляд, выбор этот обоснован также идеей исследуемого Сказания. Главная идея памятника – утверждение

¹³⁷ Рукопись № 3814.

¹³⁸ Рукопись № 1340.

¹³⁹ Рукопись № 1506.

необходимости единства русской земли и осуждение братских междоусобиц князей, пропаганда родового старшинства в системе наследования. События, которые нашли свое отражение в Сказании, в некоторой степени перекликались с событиями Киликийской Армении начала XIII века, куда и проникло Сказание о Борисе и Глебе. Сказание в какой-то степени должно было способствовать укреплению единства армянских феодалов, упорядочению разногласий между ними.

В переводе соблюдена политическая направленность памятника, его прогрессивная, по тому времени, идея. В армянском тексте сохранена тема патриотизма, наполненность прогрессивными идеями о единстве Руси, о необходимости защиты страны от княжеских междоусобиц, мысль о необходимости покоряться старшему князю, пусть даже тема эта завуалирована узкоцерковным мировоззрением.

По Бенешевичу: «Даже особенности самого языка армянского сказания показывают, что перевод его с греческого»¹⁴⁰. При этом Бенешевич обращает внимание лишь на сходство имен армянского текста с греческой транскрипцией¹⁴¹. Довод Бенешевича не представляется вполне обоснованным. Ссылаясь только на имена армянского текста, нельзя говорить о том, что армянский текст переведен с греческого. Имея в нашем распоряжении рукописные тексты Айсмавурков и печатное издание, сравнивая имена этих текстов, мы можем заметить, что далеко не все имена в армянском тексте переданы в греческой транскрипции. Намечается следующая закономерность: есть имена, с которыми армянский переводчик сталкивается впервые, и имена, которые были знакомы армянскому переводчику по Библии или Священным писаниям. Те имена, которые незнакомы армянскому переводчику, переданы в греческой транскрипции. При этом, в передаче этих имен замечается следующая особенность: в разных рукописях они передаются по-разному, более того, на одной и той же странице той же рукописи можно встретить различное написание одного и того же имени. Например:

¹⁴⁰ Бенешевич В.Н. Указ. соч. С.212.

¹⁴¹ На этом основывает свои выводы позднее делает и Л.М. Меликсет-Бек.

«Прамирос» и «Прамирас» (рук.1506); «Прамис» и «Прамирос» (рук. 1508). В передаче имени Ярослава интересен следующий факт: в армянском тексте имя это переведено двумя корнями: «рус» и «тха». «рус» от слова «русский», «тха» – **«тхамард»** (мужчина – И.А.), т.е. «русский мужчина». Следовательно, переводчик как бы желает подчеркнуть принадлежность имени русскому мужчине. Имя Владимира Мономаха в армянском тексте передано как Владимир и Мономах. В русском тексте читаем: «Володимиръ же иже и Мономахъ», в армянском тексте: «... сыновья Руславуса Балатимай и Мономах». Следует обратить внимание на передачу имени Мономах. В некоторых текстах мы встречаемся с формой «Մոնոմախ» – рук. 1508,1340,1511. Чередование х – һ как и г – һ – характерное явление для армянского языка. Как, например, в одной из редакций **«Ахикара»** (армянской редакции – И.А.) мы встречаемся с подобным чередованием Ампугил – Ампуһил¹⁴². Наличие же в некоторых текстах формы «Мономах» доказывает знакомство переводчика с русской редакцией, как и в «Ахикаре».

Имя же «Владимир» в данном случае передается как «Балатимай» (рук.1509,3818), «Балатимос» (рук.1506,3812) или «Балатима» (рук. 1510). Имя «Миронег» передано как «Мероние» или «Мироние». Корень данного имени был знаком армянскому переводчику, так как схож с корнем слова «мерон» (мир), поэтому переводчик сохранил форму этого имени. Те же имена, которые были знакомы армянскому переводчику еще до ознакомления с русским Сказанием по Библии или по другим Священным писаниям, переданы в армянской или общецерковной транскрипции: Василий – Барсех, Иоанн – Иованес, Николай – Никогаес, Каин – Кайен, Авель – Абел, Георгий – Георг.

Необходимо отметить, что эти имена во всех рукописях даны одинаково, без каких-либо колебаний, изменений.

Наши наблюдения дают возможность отметить, что основываясь на сходстве имен с греческой транскрипцией, нельзя говорить о том, что армянское Сказание переведено с греческого языка.. По армянскому тексту видно, что переводчику из-

¹⁴² См.: Мартиросян А.А. История и поучения Хикара Премудрого. Ереван. 1968. (На армянском яз.)

вестно также, что на родине святых (на Руси – И.А.) отмечают праздник св. Бориса и Глеба несколько раз в году.

Бенешевич отмечает, что сходством с русской церковью, праздновавшей память Бориса и Глеба много раз в году, вызвано быть может, и появление новых дней празднования памяти святых – 5 мая и 8 июля (по армянской редакции), неизвестных русской церкви.

То обстоятельство, что Сказание в Айсмавурке помещается под различными датами, также свидетельствует о знакомстве переводчика с подлинником Сказания. Наши изыскания дают возможность утверждать, что в армянских рукописях Сказание о Борисе и Глебе встречается либо под 24 июля (в редакции Тер Исраэля), либо под 8 июля (в редакции Церенца), а не под 5 мая, как отмечал Бенешевич. Как известно, память Бориса и Глеба праздновалась с необычайной торжественностью шесть раз в году. День же **24 июля** (подчеркнуто нами – И.А.) – главный праздник из этих празднеств – причислялся к великим годовым праздникам¹⁴³. И именно под 24 июля помещается «Патмутюн србоц Давти ев Романоси» в Айсмавурке Тер Исраэля, где и первоначально появилось армянское Сказание о Борисе и Глебе.

Следовательно, переводчику было известно не только о том, что память святых отмечали несколько раз в году, но и то, что главный из этих празднеств – праздник, отмечавшийся 24 июля.

Все вышесказанное приводит нас к заключению, что источником армянского Сказания о Борисе и Глебе послужило Сказание, помещенное в Сборнике Московского Успенского собора и что перевод произведен с русского оригинала, а не с промежуточного текста.

Говоря о русско-армянских литературных связях древнего периода, следует упомянуть статью М.Д.Амирханяна «О некоторых типологических сходствах в «Молении» Заточника и стихотворениях Фрика» (Сборник ЕГУ № 2. 1675). Особый интерес представляет работа Мартиросян А. «История и поучения Хикара Премудрого», где автор на основании текстологических изы-

¹⁴³ См.: Воронин Н.Н. У истоков русского национального зодчества. // Архитектура СССР. № 5. 1944. С.35.

ский приходит к выводу, что русский перевод «Повести о Хикаре Премудром» сделан с армянского текста. Он пишет: «Текст повести о Хикаре был переведен на славянский в 11-13 веках. Это была эпоха, когда уже существовали связи между армянским и славянским народами. С давних пор в Болгарии имелись большие армянские поселения. Повесть о Хикаре могли принести с собой армяне-павликиане, она могла быть переведена и в Киевской Руси. Отметим, что все это согласуется с тенденцией развития древнерусской литературы»¹⁴⁴. Мартиросян имеет в виду статью Д.С.Лихачева «В чем суть различий между древней и новой русской литературой»¹⁴⁵, где он отмечает, что русская литература не имеет никаких связей с Азией, и что это является «поражающей особенностью древнерусской литературы». При этом Лихачев допускает отклонение от этого положения и в качестве примера приводит повесть о Хикаре. Мартиросян, подводя итог, отмечает: «Поскольку повесть об Акире Премудром идет из армянского источника, то отпадает и это исключение. Армянская литература не входила в «азиатские» рамки и Древняя Русь не имела надобности оказывать ей сопротивление».

Следует отметить также работу Розова Н.Н., который на основе текстологических изысканий, с использованием материалов из архива русского ученого-филолога, академика Н.К.Никольского, ставит вопрос о возможном отражении творчества одного из первых русских писателей митрополита Илариона, жившего в середине XI века, в догматическом сочинении Нерсеса Шнорали (1102-1172) «Изложение веры»¹⁴⁶. Установление этого факта было бы очень важным для характеристики раннего периода литературного общения двух народов, однако, остается много неясного.

¹⁴⁴ Мартиросян А.А. История и поучения Хикара Премудрого. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ереван. 1970. С.34.

¹⁴⁵ Лихачев Д.С. В чем суть различий между древней и новой русской литературой. // Вопросы литературы. 1965. № 5. С.176.

¹⁴⁶ Розов Н.Н. К изучению русско-армянских культурных связей древнейшего периода (Русский митрополит Иларион и католикос Нерсес). // Вестник Ереванского университета. № 2. 1970. С.197-203.

Отмеченные Розовым совпадения могут быть обусловлены общим сюжетом, они могут толкать лишь на мысль о возможном существовании единого греческого источника.

Все факты, приведенные в данной работе, свидетельствуют о том, что еще в X-XIII веках между русскими и армянами существовали торговые, военные, экономические, культурные и, в какой-то степени, литературные связи и взаимоотношения.

Источниковедческая база по данному вопросу необыкновенно сложна. С одной стороны, источники крайне неполно освещают древнейшие русско-армянские отношения, с другой стороны, освещаются не отношения, а отдельные моменты и отдельные факты этих отношений, из которых невозможно создать целостную и полную картину. Поэтому мы нашу работу назвали с ограничениями «Из истории...» Самой «истории» создать еще не удастся. Источники не всегда достоверны, факты сообщаются без ссылок на документы. Подчас трудно в исторических сочинениях отделить вымысел от более или менее достоверного факта.

Мы постарались взвесить достоверность тех или иных сведений и представить свои соображения по тому или иному поводу.

Мы пришли к выводу, что все эти факты и сведения, пусть и эпизодические, сыграли большую роль в деле дальнейшего развития русско-армянских взаимоотношений, как в области культуры, так и литературы.

Русско-армянские культурные и литературные связи, носящие в древний период эпизодический характер, с особой интенсивностью развиваются в конце XVIII века и получают свое дальнейшее развитие в XIX веке.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелик-Лазаревы, 59, 61
Абегян Манук, 103, 108, 109, 118, 121
Абрамович Д.И., 68, 136
Абрамян А.Г., 42, 43, 98
Авдалбекян М., 117
Агабабов Н.И., 94
Агафангел, 73
Адонц Н., 115
Айвазян К.В., 14, 15, 101
Ал-Масуди, 38
Александр Свирский, 47
Алимарцан Бабаев сын Даудов, 51
Амирханян М.Д., 142
Анаварзеци Григорий, 117
Апостол Юрьев, 53
Аргутинский Иосиф, 10, 21, 22, 58, 59, 61, 63, 64, 94, 95
Арциховский А., 34
Аскольд, 25
Асохик (Степанос Тарунский), 26, 39, 98
Ахмед ибн Абдала Винам, 36
Ахмед Эбн Абдаль Вегабь (прозванный Новайри), 36
- Баграт IV, 39
Баладзори, 29
Баладури, 111
Баронч Садок (Викентий Феррари Баронч), 6, 10, 11, 41
Барсег, 39
Бартольд В.В., 29, 51, 83
Башкиров А.С., 87
Белокуров С.А., 50
Бельченко Г.П., 45
Бенешевич В.Н., 130, 131, 132, 133, 134, 138, 139, 141
Бжишкян Минас (Мина Медици), 6, 10, 32
Боголюбский Андрей, 79, 80
Боголюбский Юрий, 39, 43
Богуш С.С., 22
Болеслав Храбрый, 8, 40
Броссе М.И., 84

Бугославский С.А, 127, 128
Бутков П.Г., 57

Ваганов В.В., 92, 93, 94
Варлаам Хутынский, 47
Василий II, 38, 39
Васильев А.Я, 9, 37
Васильев Парсей, 49
Васильев Сафар, 49
Владимир (князь), 8, 38, 39, 68, 74, 113, 138
Владимир Мономах, 68, 140
Власов В., 51
Вольнский А.П., 56
Воронин Н.Н, 80, 141
Восканян В.К., 12

Гаркави А.Я, 111
Гельцер Г., 21
Глинка С.Н, 6, 51, 52, 57, 59
Гловерти, 49
Головин, 57
Голубинский Е, 113, 125
Греков Б.Д., 76, 78, 88, 89
Григор Вкаясер - Католикос, 114
Григор дпир Пештмашчян, 116, 117
Григорий Великий, 8, 14, 46, 47, 72, 73, 74, 75, 81, 102, 121
Григорьев Алексей, 49
Григорьян К.Н., 13, 59, 69, 101
Григорян З.Т., 13, 69, 70
Громов Глеб, 101
Гурко-Кряжин В., 26

Давид Шинарар (Строитель), 40
Данило Вухтер, 53
Дексон, 53
Де-ла-Порт, 100
Дивлет Гирей, 47
Дмитриев Л.А., 15
Дмитрий Тан, 41
Дорхи, 32

Егише, 64
Езьян К., 7
Екатерина II, 58, 60, 62, 65
Ереванц Семеон, 10
Еремян С.Т., 39, 40
Ерец Гевонд, 64
Ерицов А.Д., 7, 8, 47, 75, 81
Ефимова А.И., 85

Жузе П.К., 29

Забелин И., 52
Захарова Катаринэ, 66
Зеноб Глак, 101, 102, 105, 108, 109, 110

Ибн-ал-Атира, 38
Ибн-Фадлан, 33, 88
Ибн-Хаукаль, 27, 29
Ибн-Хордадбе, 25
Иван Грозный, 46, 56
Иван Детекрс, 53
Иван Мартин, 49
Иван Юз-Баша, 58
Иванисов Давыд, 49
Изяслав, 41
Илларион, 13
Иловайский Д.И., 105
Ильин Н.Н., 125, 126
Иоанн Католикос, 27
Иоаннисян А.Р., 57, 58, 63, 94
Иоаннисян Христофор (Кучук), 30
Иоган Готлиб Георгий, 101
Исраел Ори, 56, 57, 60, 61
Истархий, 27, 29
Исцатуров Иван, 58

Калокир, 37
Карамзин М.Н., 5, 21, 22, 32, 33, 36, 37, 84, 106
Караулов, 29
Каргер М.К., 106, 108

Карнович Е.П., 61
Каспаров Аваджан, 49
Католикос Григор, 42
Католикос Константин, 116
Кафадарян К., 28, 33, 34, 88
Кашпаров Петр, 58
Киприян, 47
Кирион Е, 8, 41, 42
Ключевский В., 25
Княгиня Ольга, 38
Кондаков Н., 34
Константин Павлович (Великий князь), 45, 91
Константин (император), 45
Крачковский И.Ю., 33, 88
Кулаковский Ю, 8, 9, 31, 37
Кушнерян К.В., 31, 40, 41

Лазарев В.Н., 78, 79
Лазарев И.Л., 60, 62
Лазарев Л.Н., 62
Лазарев И.А., 58
Ластиверци Аристакеc, 18, 19, 27, 83
Лев Данилович, 8, 42
Лев Диакон, 37
Лео, 12, 32, 66, 94
Линиченко И.А., 11, 12
Лихачев Д.С., 14, 108, 109, 119, 142
Лозинский, 11
Ломоносов М.В, 105, 106
Лопуцкий Станислав, 53
Лусиков Григорий, 49

Магомет II, 45
Малиновский А.Е., 49, 50
Мамиконян Ваан-Камсаракан, 108
Мамиконян Вардан, 64
Мамиконян Иоанн, 102, 103, 108, 109
Мамиконян Ован, 98
Мануков Феодосий, 51
Манучарян М.А., 94
Марр Н.Я., 28, 34, 71, 81, 87, 104, 105, 108, 109, 110, 111

Маргиросян А.А, 140, 142
Матвеев А.С., 49
Меликсет-Бек Л.М., 12, 71, 81, 97, 105, 133, 139
Миллер Б.В., 84, 85, 88, 89
Минасович И.Э, 6
Миролюбив Макарий, 75, 76
Митридат Евпатор, 36
Михаил Федорович, 49
Моисей Каланкатуйский (Каганкатвацци), 28, 37, 38, 98
Мосесов Богдан, 49
Мукаддасий, 27
Мясоедов В.К., 72, 79, 80, 81

Назаретов Артемий, 62
Назаретов Богдан, 62
Назаретов Манвел, 62
Назаретов Никита, 62
Назаров Аваниско, 49
Нерсес Шнорали (Благодатный), 13, 64, 66, 97, 114, 143
Нерсиян М., 93
Нестор-Искандер, 45
Никола Великорецкий, 47
Никольский Н.К., 13, 143
Новицкий А., 53

Ованисян А.Г., 12
Ованнисян А.Р., 12
Оненц Тигран, 71
Орбели И., 72, 78, 79, 85, 86, 87
Орманиан Малахий, 9
Ормянин Павел, 51

Паллас, 33
Парсамян В.А., 12
Патканян Г., 36
Патриарх Исаи, 57
Пахлавуни, 19
Перетц В.Н., 70
Петр I, 7, 56, 57, 58, 59, 61, 69, 84, 100
Петров В., 59
Петров П.Н., 60, 61, 62

Пиду (Луи Мари Пиду де Сент Олон), 5
Познянский Василий, 53
Попов Михайло, 100
Попов Степан, 94
Потемкин Таврический, 93

Радищев А.Н., 59
Рипсима и Гаяне, 75, 79, 81
Робинсон А.Н., 118
Розов Н.Н., 13, 143
Ромодамский Степан, 49
Росика Степанос, 6
Рыбаков Б.А., 105, 107, 109
Рюрик, 25, 65

Салар, 37, 38
Салтанов Богдан, 52, 52, 54
Сарадов Захар, 49, 50
Сарафова Клеопатра, 90, 91, 92
Святослав, 37
Селифонтов Н., 51
Семенов Вартан, 49
Сен-Мартен, 84
Смбат (царь), 26, 37
Смирнов А.П., 84, 86, 89
Смирнов И.Я., 71
Соловьев С.М., 49, 50, 56, 57, 60
Суворов А.В., 93

Таронаци Степанос, 74
Татищев В.Н., 106
Тер-Давтян К.С., 115
Тер-Израэль, 76
Тер-Мовсисян М., 21
Тер-Петросян Л.А., 15
Тиридат, 73
Тихомиров М.Н., 99
Тутеорди Григор, 42
Тухрил Бек, 39

Ураци Матеос, 40

Успенский А.И, 9, 52, 53, 75

Успенский В.И., 53

Устинья, 47, 75

Ушаков Симон, 52, 53, 54

Фельтен, 61

Феодор Димитриевич, 41

Физули, 95

Филимонов Г., 52

Флор, 72

Фрик, 97, 98, 142

Халдарян Григорий, 63, 64, 65, 66, 91, 94

Халпахчян, 70, 71, 79, 80, 81

Хастатов А.В., 58

Хоренац Мовсес, 93, 121, 122

Хоченц Макар (Гегамянц Маркар Захарович), 94, 95

Христофоров Лазарь, 58

Царевна Тамара, 43

Царь Ошин, 116

Церенц Григор, 115, 116, 117, 130, 134, 135, 141

Шараневич Исидор Иванович, 11

Шеристанов Иван, 60

Ширакаци Анания, 98

Ширванов Карапет, 51, 61

Ширванов Лука, 60, 61, 62

Шлецер, 61

Щербатов М, 106

Эмин Иосиф, 12, 57

Эмин Н.О, 26, 114, 115, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 138

Юзбашян К.Н., 39, 83

Юзефович И.Ф, 6

Юстиниан II, 37, 107

Якобсон, 31

Якопов Хачатур, 58

Якуб, 38

Якубовский А.Ю., 38, 88, 89

Ярослав (Владимирович) Мудрый, 70, 79, 80, 136, 140

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- В.А.Тропинин, портрет И.Аргутинского-Долгорукова, 59
В.А.Тропинин, портрет И.Л.Лазарева, 62
Саркофаг Ярослава Мудрого, 70
Псков. Спасо-Мирожский монастырь. 1156 г., 71
Ани. Церковь Тиграна Оненца. 1215г., 72
О.Айвазовский. Крещение Армянского народа (Григорий Просветитель, IV в.) 1892г., 73
Киево-Печорская Лавра, 74
София Новгородская. XI в., 78
Киев. Софийский Собор. 1037-1061гг., 80
Титульный лист армянского «Айсмавурка», 112
Икона святых Бориса и Глеба. XIV в., 123
Князь Борис, 124
Первая страница русского «Сказания о Борисе и Глебе», 126
Первая страница армянского извода «Патмутюн Српоц Давти ев Романоси», 127
Князь Глеб, 128

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Из истории вопроса	4
Историческая судьба армянского народа	17
Зарождении экономических и торговых связей армян с русскими в X-XIII веках	24
Русско-армянские военные связи X-XIII вв.	35
Русско-армянские отношения XV-XVI вв.	44
Русско-армянские связи в XVII веке	48
Русско-армянские отношения XVIII века	55
Русско-армянские культурные отношения X – XIII веков.	67
Связи армян с Владимиро-Суздальским и Новгородским княжествами	77
Армяне и волжские булгары	82
Книга Клеопатры Сарафовой. Русские переводы Варлаама Ваганова. Возникновение первых армянских учебных заведений на территории России	90
Русско-армянские литературные отношения древнего периода	96
Указатель имен	143
Список иллюстраций	151

Компьютерная верстка – компьютерный центр ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова
(руководитель - доцент В.В.Варданян)

Операторы: Н.М.Элчакян
С.В.Аракелян

Подписано к печати: 13.06.06
Сдано в печать: 10.07.06

Тираж 300

Издательство “Лингва”

Ереванский государственный лингвистический университет им. В.Я.Брюсова

Адрес: Ереван, Туманяна 42

Тел: 53-05-52

Web: <http://www.brusov.am>

E-mail: yслу@brusov.am

